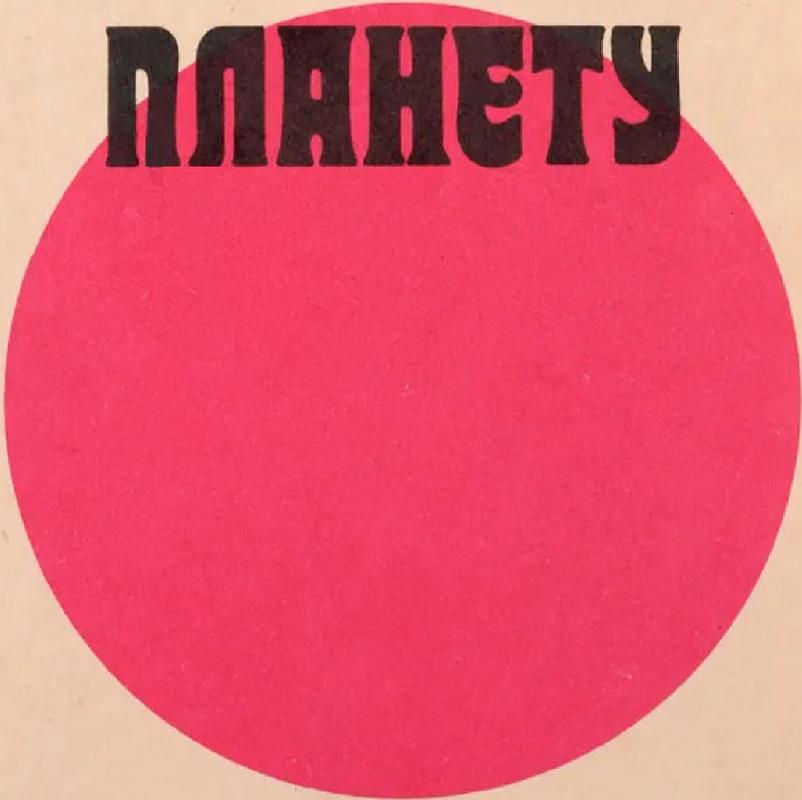

Рафаель Михайлов

**РЕЗИДЕНТ,
ПОТЕРЯВШИЙ
ПЛАНЕТУ**

Рафаэл Михайлов

РЕЗИДЕНТ, ПОТЕРЯВШИЙ ПЛАНЕТУ

Рафаель Михайлов

**РЕЗИДЕНТ,
ПОТЕРЯВШИЙ
ПЛАНЕТУ**

ОЛИОН
1990

9(Э)26

М 69

Книга ранее вышла на эстонском языке:
Rafael Mihhailov «Kutsumata külaline»
(«Eesti Raamat», 1986)

Оформление: А. ААРМА

М 0505030203—013 ТЛ—8—1—88
906(15)—90

ISBN 5—450—00539—3

© Kirjastus «Eesti Raamat», 1986
© Издательство «Олион», 1990

ПРОЛОГ

Июнь сорок третьего выдался в Таллинне жарким. К тому же окна особняка, расположенного близ парка Кадриорг, были одеты в двойные рамы, наглухо закрыты и плотно зашторены. Руководитель абвера адмирал Вильгельм Канарис только что выслушал рапорты начальников разведывательно-диверсионных школ, расположенных в местечках Лайтсе, Кумна и Кейла-Йоа, и с наслаждением придвинул к себе настольный вентилятор.

Доклады, звучавшие в резиденции разведоргана «Абвер-небенштелле Ревал», который действовал под вывеской Бюро Целлариуса, Канарису изрядно надоели.

Оставшись наедине со своим любимцем фрегаттен-капитаном Александром Целлариусом, адмирал не делает и минутной передышки:

— Я просил подобрать для нашей службы двух хорошо законспирированных эстонцев.

— Ваше задание выполнено, экселенц, — тон Целлариуса сверхпочтителен. — Оба эти человека в сопровождении агента номер 27-Р прибыли из Скандинавии и ожидают беседы с вами в соседней комнате.

— Кто эти люди?

— Один до сорокового года владел рулеткой, второй — биржевой маклер.

— А рулетка не может его выдать? Его не помнят?

— Типичный кутила! — засмеялся Целлариус. — Шлялся по парижским модисточкам, пока его братец собирал ему банкноты для разгула.

— Что же он, при красных братишках снова рулетку откроеет? — иронически заметил адмирал.

— Экселенц! — Целлариус чуть не застонал. — Не испытывайте меня так жестоко...

Канарис пожалел о сказанном, но отступить не хотел.

— Фрегаттен-капитан, — строго сказал он. — Положение руководителя абвера обязывает меня предусмотреть все случайности. Даже самые фантастические.

Сложную политическую игру начальника абвера военные историки стали разгадывать еще при его жизни. Джордж Ирли, военно-морской атташе США в Стамбуле, в одном из

своих сообщений в начале 1943 года намекнул, что уже тогда Канарис хотел обсудить в Америке свой проект сепаратного мирного договора. На Нюрнбергском процессе прозвучали слова обвиняемого гросс-адмирала Деница о Канарисе: «Он сильно отличался от нас. Мы даже говорили, что у него в груди семь разных душ...»

...При виде вошедших юноша с льяной копной волос поклонился и быстро вышел. В глубине помещения, скрытые в полумраке, сидели два человека, которых Целлариус представил адмиралу под именами «Сагар» и «Суве».

— Кто из них играл в рулетку, — вежливо осведомился адмирал, — и кто — на бирже?

Неприметным знаком он попросил Целлариуса оставить его наедине с приезжими. Беседа Канариса с этими людьми продолжалась около получаса.

Когда адмирал пригласил присоединиться к ним руководителя разведшкол, стенные часы пробили девять раз.

— С этими господами все в порядке, — весело пояснил адмирал. — Устройте их получше и понадежнее. Всеми их действиями будет руководить мой человек. Он назовется Планетным Гостем. Связи мы оговорили.

Адмирал перекинул через руку плащ, попросил Целлариуса сопроводить его. Машину он остановил у древней ратуши, зашагал со своим спутником по улице Харью. Они оказались у здания ресторана «Золотой лев». Адмирал попросил заказать ужин, а сам прошел к ресторатору, и тот провел гостя по узкой лесенке в хозяйские покои. Стекляная дверь, прикрытая пестрым ковром, вела в крошечную комнату. Сидевший за столиком человек дремал, но при виде вошедшего вскочил, бросился к нему, потряс руку.

— Вильгельм, я рад встрече...

— И я рад, Ино. Мюллер многое бы дал, чтоб пронюхать про нее. Под каким предлогом ты здесь?

— Моя стамбульская контора, — осклабился Ино, — торгует с Ревелем. Не волнуйся, все легально.

— Нелегальный здесь только я, — засмеялся Канарис.

После первых приветственных реплик Ино всмотрелся в собеседника, подмигнул:

— В Турции даже продавцы газет гадают, — интересно тебе? — кто осмелится предложить фюреру более скромный пост.

— Это уже ближе к тому, Ино, что ты должен передать своим лондонским друзьям, — мягко вставил Канарис. — Возможно, и от них, от их условий мира зависит, с кем мы пойдем и кто поставит заслон большевизму в Европе. Я хотел бы иметь их гарантии, Ино!

Ино сосредоточенно обдумывал его слова.

— Мои друзья могут напомнить мне, — нерешительно заметил Ино, — что гарантии выдаются... скажем, хотя бы под скромный аванс.

Канарис беззлобно засмеялся:

— В тебе превосходно уживаются романтик в кулинарии и, прости меня, торгош в политике. Может быть, это меня и привязало к тебе, барон. Итак, об авансе. Я передаю с тобою имена ряда интересных политических фигур в Германии. Это уже немало. Они готовы на многое. Кроме того... В Эстонии среди прочих преград большевизму остаются три крепких орешка. Их позывные — тоже часть моего аванса. Но я хочу знать свое место в будущем устройстве Европы.

— Ты полагаешь, — нерешительно заметил барон, — что Европа забудет смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург или пути каудильо Франко?

— Любой другой человек на твоём месте был бы вздернут, — отрезал Канарис. — Но тебе я отвечу: Европа должна это забыть!

...Так и не успев получить гарантии ни от «Интеллидженс сервис», ни от американской разведывательной службы, Вильгельм Франц Канарис оказался болтающимся на скрипичной струне в Флоссенбургском концлагере, повешенный как соучастник заговора против фюрера. Обвинение было безапелляционным: «Тот, кто знал».

Тот, кто знал, уже не мог продолжить руководство своими «крепкими орешками» в Эстонии. И тем более он не мог предположить, что агент с пшеничной копной волос, сопровождавший новых шпионов, вдруг узнает, что один из них, сотрудничая с гестапо, сжег его хутор. А узнав это и поразмыслив над странностями жизни, он не преминет, — то ли по логике умозаключений, то ли в яростном желании отомстить, а может быть и при известии о приближении советских войск к Прибалтике, — описать приметы этого человека и переслать их в Эстонский национальный корпус.

Потому что агент № 27-Р чувствовал, боясь признаться в этом самому себе, что не в их тайных попытках кого-то укрыть, не в агентах Канариса или Целлариуса, а как раз в людях, о которых ему твердили как о врагах, и, может быть, в Эстонском национальном корпусе — завтрашний день Эстонии. Его Эстонии, хотя он превратился из ее сына в безымянного номерного агента.

Уездный город Выру уже погрузился в сон, когда к одному домику почти одновременно подъехало несколько легковых машин. Вышедшие из них люди обменивались рукопожатиями и, обходя лужи после сентябрьского ливня, направлялись к подъезду здания, в котором временно расположился

ЦК КП(б) Эстонии. Командир корпуса Лембит Пэрн шутливо осведомился у своего спутника:

— Чему обязан, товарищ секретарь ЦК? Как-никак приличное расстояние отмахал, чтоб к вам попасть...

— Не наша инициатива, — улыбнулся секретарь. — Товарищи Кумм и Резев попросили собраться и уверяют — по весьма неотложному делу.

И, действительно, когда все приглашенные на это ночное совещание оказались в сборе, секретарь ЦК предоставил слово наркому внутренних дел Эстонской ССР. Небольшого роста худощавый человек в очках говорил тихо, спокойно, сдержанно, ни разу не повысив голоса. Его интонация не изменилась даже когда он перечислил несколько фактов, ошеломивших собравшихся: «Вся семья нашего комбата на хуторе вырезана. Совершенно очевидно, товарищи: буржуазные прихвостни объявили нам лесную войну».

Усевшись, Резев что-то шепнул соседу. Нарком госбезопасности Борис Кумм вытянул из стопки лежавших перед ним бумаг бланк с пометкой «К расследованию», негромко сообщил:

— Я полагаю, все помнят предупреждение Наркомата государственной безопасности СССР... И все вы ознакомлены с заявлениями загранцентров эстонских буржуазных националистов в Лондоне и Стокгольме... Еще одно свидетельство тайной войны: Наркомат госбезопасности республики располагает любопытным письмом, оно дошло до нас сложными путями и подписано: «Не ваш человек». Видимо, по личным мотивам он изобличает резидента, доставленного на территорию Эстонии еще во времена Канариса... Ясно лишь, что речь идет о подполье, заблаговременно подготовленном самыми высшими чиновниками разведывательной службы вермахта или ведомства имперской безопасности.

В комнате произошло движение, посыпались вопросы, но секретарь ЦК жестом руки остановил людей.

— Товарищи, товарищи... Я думаю, на сегодня мы ограничимся информацией народных комиссаров Резева и Кумма. Солдаты генерала Пэрна собираются брать Таллинн и, наверное, товарищу Пэрну дел сейчас хватает. А остальные... Каждый пусть продумает политику своего ведомства исходя из заслушанных сообщений.

Выжидательно посмотрел поочередно на Резева и Кумма:

— Полагаю, у наркомов есть предложения ЦК партии. — Кумм быстро встал:

— Совершенно верно. Хотел бы испросить согласие на пополнение нашей контрразведывательной службы. Из числа молодых воинов Эстонского корпуса, отличившихся в боях, испытанных в деле коммунистов и комсомольцев.

...Со дня этого совещания прошло не так уж много времени, когда молодого солдата Пауля Мюри вызвали в политотдел дивизии. Он прошел со своими соратниками дорогами войны через многие сражения, в сентябре сорок четвертого освободил Таллинн.

Рядом с начальником политотдела сидели двое незнакомых офицеров, которые засыпали вызванного вопросами.

Паренек покрывался испариной, краснел, но отвечал не торопясь, толково:

— Откуда родом? Как прошло детство?

Был подпаском и сам пас стадо. Подростком ночами просиживал над счетными книгами, помогал колхозу. От деда и отца знал про эстонские долины, что переходили на юге в холмы и пригорки, про трепетные березовые рощи, от матери слышался песен и поговорок родины предков. А знал и любил он вятскую тайгу, ели с такими стволами, что и втроем не обхватишь, заячьи тропки, широкую реку Молома, несущую круглые сутки плоты. После событий первой русской революции жандармы послали старшего брата отца из Вырумааского уезда в Вятскую губернию, а за ним и вся родня потянулась... Так и осели здесь.

— Детство, как у всех наших мальчишек. Хорошее было.

— Образование? Средняя школа. — И озорно улыбнулся: — Плюс война.

— Что собираюсь делать после победы? Сначала объездить всю Эстонию, посмотреть, какая она. Потом, наверно, надо о профессии подумать.

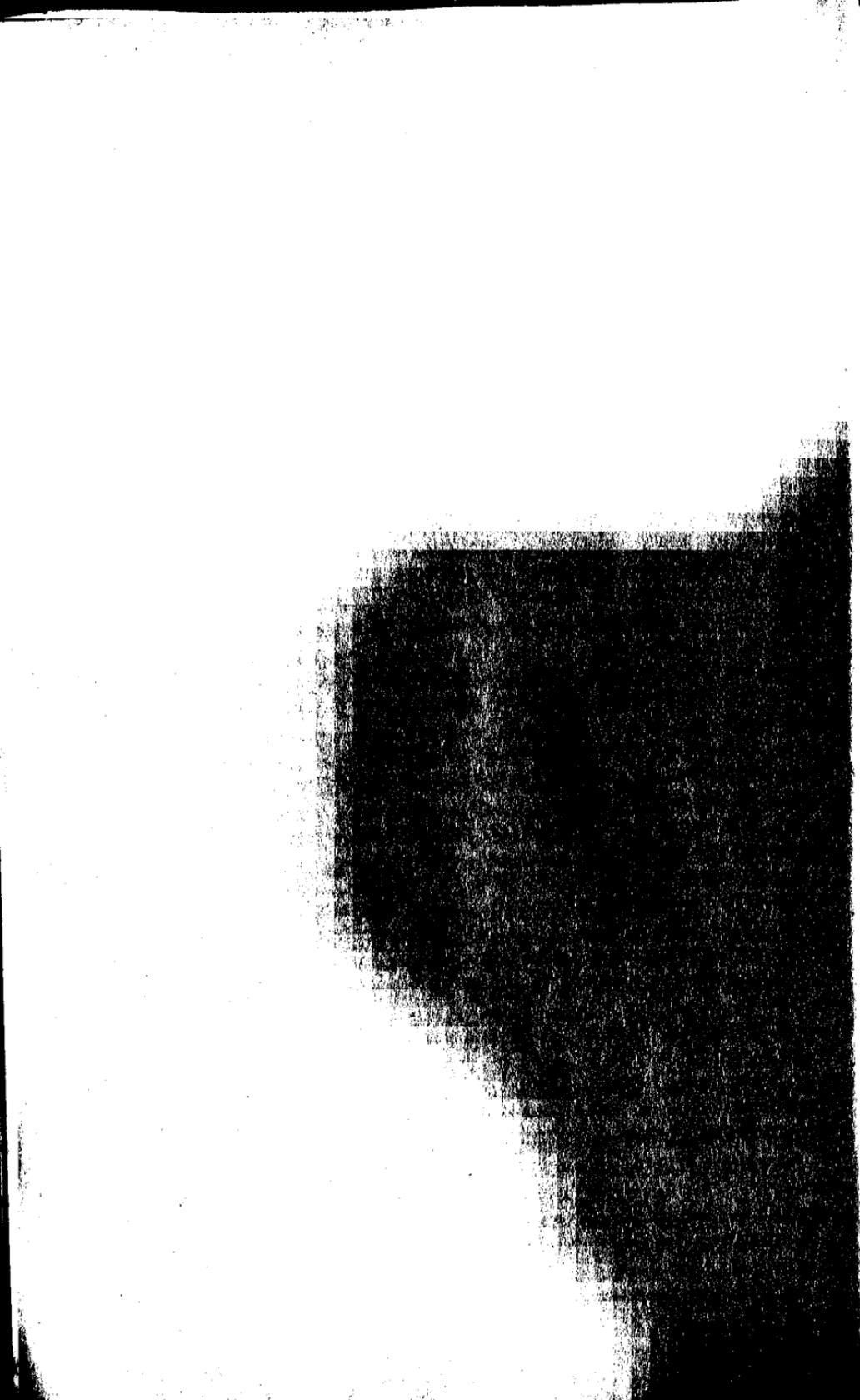
— Что знаю о чекистах? — Провел рукой по ежику волос. — Больше по книгам.

— Нравится ли? Интересная служба. Туда, наверно, берут каких-то особенных людей. Башковитых, физически крепких, ну и Шерлоков Холмсов, само собой. Чтоб шпиона из окна поезда могли определить по присохшей к ботинку глине.

Офицеры рассмеялись. И вдруг последовал неожиданный вопрос:

— Товарищ Мюри, а если мы предложим вам служить в этом роду войск?

...Вместе с Паулем Мюри в эти недели и месяцы освобождения эстонской земли начала осваивать суровую профессию контрразведчиков группа молодых солдат.

Часть первая

ОТКРОЙ ЧЕЛОВЕКУ ПРАВДУ

К кому перешло наследство адмирала Канариса?

— Решено! Оперативный план командование утвердило, и нам пора вырывать у Муста зубы.

Григория Максимовича Жура, подтянутого, стройного, подчиненные ценили за точность в оперативных расчетах и поистине отцовское отношение к начинающим чекистскую службу. Майор Жур готовился принять руководство над отделом борьбы с бандитизмом и нацподпольем Наркомата внутренних дел Эстонии. Сейчас он знакомился с обстановкой в Вильяндиском уезде и выверял разработанный в Таллинне план ликвидации банды лесных братьев.

Антс Муст, бывший полицейский в волости Кыпу при буржуазных правителях и при гитлеровцах, вместе со своими подручными, видимо, укрывался на краю болот за городком Сууре-Яани и вот уже несколько месяцев терроризировал уезд. За короткий срок — шестнадцать террористических актов и тринадцать ограблений сельских кооперативных магазинов, отдельных хуторов. В деле о банде Муста содержалась пометка: «Представляет особую опасность для уезда, в банде задают тон гитлеровские агенты, которые специализировались на поисках и арестах партизан в Польше, Литве и Эстонии. Действует обычно с использованием военной формы солдат и офицеров Советской Армии. Характеризуется изуверской жестокостью». Было известно, что, расправившись с хуторянином-бедняком Петерсоном, банда вернулась в его дом, чтобы поиздеваться над осиротевшими детьми и женщинами. Муст и его подручные стреляли, воровали, жгли...

А хуторяне уже готовились к уборке урожая. Тяжелые колосья клонились до земли...

Майор Жур перехватил нетерпеливый взгляд капитана

Грибова, возглавлявшего оперативную группу, не очень весело усмехнулся:

— Да ты не беспокойся, Алексей Иванович, подвигов на всех нас хватит. Только прошу учесть: поимка банды — дело важное, не зря же нас торопят и руководство наркоматов и ЦК партии. Важное, но не единственное в этой операции. Тебе не кажется, что банду направляет довольно опытная рука? Средневековое изуверство — будто напоказ. Бьют по нашим лучшим людям. И надо определить эту руку. Так что извини, капитан, для этого и прибыл.

Грибов засмеялся:

— Плохо прочли мои мысли, товарищ майор. Мне людей не хватает — обученных рядовых, чтоб всю округу обшарили. А насчет того, кто движет бандой... так не исключено, что в ней эсэсовцев для закваски оставили...

— Есть еще одна дьявольская рука, — Жур посмотрел в сторону группы молодых солдат, как бы приглашая их подойти поближе. — Перехвачено распоряжение № 2 Эстонского комитета, окопавшегося в Швеции. Главари националистов из-за моря слезно зывают к эстонцам: истинные соплеменники, организуйте в тылу у большевиков отряды лесных братьев, поддерживайте эстонскую самозащиту. На кого рассчитываете?

Подметив движение в группе, в которой стояли рядом два чем-то неуловимо схожих молодых оперативных работника, он всмотрелся в их глаза:

— Да, да, товарищи чекисты. Высокой политикой нам предстоит заняться. Слыхали о Канарисе? Был такой руководитель абвера. Был и вроде бы сплыл, а наследство свое кому-то оставил. Определенно оставил. А ты, капитан, пошли-ка их, Соосаара и Мюри, на хутор, куда однажды Муст заявился. Пусть исследуют.

Оперативники приосанились.

— Спокойнее, товарищи, — улыбнулся майор. — Вам предстоит войти в контакты со многими жителями. Позвольте напомнить вам одно обстоятельство, о котором писалось на днях и в республиканских газетах: надо отличать честных людей от нечестных; надо всячески поощрять тех, кто проявлял в тяжелые годы верность советскому строю, народу. Уяснили? Тогда, капитан Грибов, начинайте операцию!

...Новые приятели лежали в засаде за городком Сууре-Яани, наблюдая за тем, что происходит на хуторе Йооста. Посылая их сюда, капитан Грибов напомнил: «Вертушка вам в дупле раздвоенного дуба поставлена. Просигналить сумеете. Но лучше, ребята, упустить случайную залетную птаху, чем спугнуть коршуна».

Коршун не появлялся. Не было видно и хозяина. Лишь востроносая девчонка шныряла между срубом и сараем, гремела бидонами, доила корову, таскала сено и убегала в дом. Так продолжалось уже двое суток.

— Муст, — спросил Пауль, — кличка или настоящая фамилия?

Альберт Соосаар заворочался в кустарнике, видать, колючий репейник в кожу впился. В этой операции он уже участвовал два месяца и знал о ней, понятно, больше Пауля.

— По-настоящему он Хирве, — отозвался Альберт. — Майор обещал, что часть допросов снимать буду я, хотя пока не с кого. В волости Кыпу еще при Пятсе была пущена кличка — Адольф из Кыпу. Это как раз о Хирве. Ну, а при немцах он еще пуще стал свирепствовать. По нашим данным, с ним действует десяток самых настоящих бандитов. В основном кулачье. И, заметь, все прошли службу в батальонах полиции или в эстонском легионе.

Пауль не вытерпел:

— Черт побери, долго нам еще тут загорать?

Молодой помощник оперуполномоченного Альберт Соосаар и сам уже не раз задавал себе этот вопрос, но не преминул подкусить товарища:

— Майор Жур учил нас: «Кто думает, что в нашей службе главное — вовремя прыгнуть на врага и скрутить его, тот отстал на полвека. Главное, ребята, это думать».

Они обменялись хитрыми взглядами и продолжали наблюдение.

Молодые чекисты пришлись друг другу по душе. Пауль Мюри был более высок, телом крепок, его крупное лицо дышало энергией, глубоко посаженные глаза смотрели из-под густых бровей испытующе, а иногда пронзительно. Говорил он с паузами, не торопясь, но при случае имел наготове острое словцо. Альберт выглядел менее порывистым, тонкие черты его лица, мягкая округлость подбородка, губ могли свидетельствовать о флегматичности. Как и Мюри, он прошел хорошую боевую выучку, бил гитлеровцев и получил от них пулю в предплечье в схватке на Сырве. После госпиталя вернулся в свой полк, а из него уже — к чекистам.

— Ты кого вспомнил? — Альберт перехватил мечтательную улыбку спутника.

— Хорошего человека. — Пауль вздохнул.

Альберт задумался.

— Хороших людей полно. В бою под Ярцево нас из всего полка осталось в живых четверо. Весь десятый класс нашей школы уже занесли в погибшие. А я жив и воюю... К нам в дом ходил старенький почтальон. Он полгода искал меня,

списывался с госпиталями, с фронтами... Ну, и спас мать от горя.

Снова — томительное ожидание.

— А что, если допросить девушку? — тоскливо протянул Альберт. — Не хитрее же она нас... — И тут же забраковал свое намерение: — Спугнем. Вдруг просигналит своим...

Пауля осенило:

— Послушай, Альберт. Но если на хуторе бандитская явка, старый Йоост ни за что не оставил бы племянницу надолго одну.

— Ты думаешь, на хуторе кто-то есть?

— Точно.

— И у них есть укрытие?

Пауль помедлил.

— А ты за двое суток видел, чтобы девчонка хоть раз куда-то отлучилась? Разве что за сеном.

Альберт раздумывал, вертелся, вдруг сел:

— Ах за сеном?

Пауль смотрел недоуменно.

— Ну да, за сеном... Что с тобой?

— Ты стог сена в ложбинке видишь? — медленно и с легким торжеством спросил Альберт. — Вон тот, что справа. Девчонка вчера поутру к нему прибежала, схватила охапку — и назад.

— А в охапке лежал Муст, — подшутил Пауль.

— Муст там не лежал, — спокойно парировал Альберт. — Но зачем девчонке стог в низине, если у нее полно насушенного сена за сараем?

Они долго молчали.

— Значит, так, — предположил Пауль. — Если ты прав... Она могла подкинуть в стог записку и даже завтрак.

Дождавшись ночи, подползли к стогу с двух сторон, оставляя для себя удобную дорогу для быстрого отхода. Ворошили сено тихонечко: один отваливал пласт за пластом, второй караулил поодаль. «Похоже, пустой номер», — шепнул Альберт, когда они менялись местами. Но через несколько минут он поманил к себе товарища: сквозь тугую паутину сена пробивался свет, похожий на лампадный.

...Запищала в дупле вертушка, где-то за десяток километров поднялись с коек солдаты.

Мюри и Соосаар успели увидеть сквозь лаз бункера, замаскированного стогом, одинокую фигуру старика, который лежал на низких нарах, и почти бесшумно скатился вниз. Хозяин хутора Йоост присел, щурясь от света фонарика, ударившего в лицо, застонал. Чекисты почувствовали острый запах прели, копченостей и водочного перегара. В углу валялись немецкие автоматы.

— От кого охраняете хутор, Йоост? — вежливо осведомился Соосаар.

Пауль впервые почувствовал ноты профессионализма в голосе своего спутника. До приезда Грибова Альберт успел добиться от старика признания, что Муст держит его в страхе.

— Они растерзают Роози! — всхлипнул старик. — Я их знаю.

Старик объяснил, что к нему с неделю назад заявился Томбак, правая рука Муста, не человек, а дьявол. Велел подготовить машину с шофером и щедро вознаграждать его за недельный простой. «Машина должна быть наготове круглые сутки, — страшно ослабившись сказал он и поднес к волосам Роози горящую лучину. — А чтоб незваные гости тебя, Йоост, не засекали, — как наимешь водителя, заберись в бункер и нос не высовывай наружу».

Прибыли Жур и Грибов.

— Что у вас, молодые-необученные?

Соосаар и Мюри доложили о своих наблюдениях, передали рассказ старика. Жур велел привести стог в порядок, чтобы все было как прежде. Узнал у старика, с кем из шоферов тот договорился, велел в случае прихода бандитов дать им адрес сговорчивого водителя.

План окружения и ликвидация банды Муста вступил в действие. Оперативными мерами, комбинированной ловушкой для связных главаря были выведены из-под удара Йоост и Роози. Правда, и Муст оказался не простачком и подсылал к старику людей, случайно повстречавшихся ему на дорогах. Медленно раскручивалась пружина оцепления банды, рядом с чекистами бесстрашно действовали жители хуторов, пострадавшие от набегов Муста, бойцы батальона народной защиты, актив сельсоветов.

Мюри пришлось на время выехать в Таллинн, Соосаар продолжал участвовать в допросах связных Муста. Когда Пауль вернулся в распоряжение оперативной группы, Альберт рассказал, что все оперативные данные уже собраны, скоро можно бы и «невод вытягивать на берег». Выявилась любопытная деталь. Йоост и некоторые другие связники Муста слышали, что в беседах бандитов фигурирует таинственный гость. Йоост уверял, что Томбак даже обозвал его человеком с другой планеты.

— Капитан Грибов сейчас едет допрашивать одного пастора, — предупредил Альберт. — Берет меня. Упроси разрешить и тебе послушать. Все-таки школа.

Грибов довольно легко согласился. Он понимал, что пускать в дело молодых работников отдела придется скоро. Образованный офицер, тонкий психолог, контрразведчик

высокого класса, Алексей Иванович обладал незаурядным даром снимать самые первые допросы, ведя внешне легкую непринужденную беседу.

Стоял промозглый осенний день. Пастор открыл двери своего дома для уставших путников — таллиннского «архитектора» и двух его молодых помощников. Пастора подозревали в тайных сношениях с людьми Муста. Он приказал служанке подать чай. За столом заговорили о жизни, о вере, о чистоте морали.

— Современные молодые люди, — косясь в сторону Пауля и Альберта, заметил пастор, — все чаще предпочитают вере безверие, морали аморальность, доверию подозрительность...

— Вы в чем-то правы, — подхватил Грибов. — Но лично я учу своих помощников верить в доброту людских сердец. Но это не так-то просто. Мы строим в шести километрах отсюда цех для переработки древесины. Является путник, просит укрыть его, уверяет, что обвинен напрасно, за ним слежка... Имею ли я право? Почему я должен верить этому Аско Розенбергу?

Служанка издала звук, похожий на кудахтанье. Пастор кашлянул и устремил на нее тяжелый взгляд. Женщина вышла.

Грибов не лгал. Путник действительно явился, но только с повинной. Его дальний родственник кулак Тынис Розенберг хотел втянуть его в банду, но Аско не собирався бродить по лесу, грабить, убивать на дорогах. Он помог родичу одеждой, провизией, потом сбежал...

— А где сейчас этот бедный страдалец? — вымученно спросил пастор.

— Страдалец ли, — горько оборонил Грибов, — или преступник? Что, в вашем доме слышали это имя?

— Однофамилец, — пробормотал пастор. — Дальний родственник моей служанки...

По знаку Грибова Альберт вышел вслед за женщиной, а капитан осторожно сказал:

— Нам пришлось укрыть Аско в кладовой. Не самое безопасное место. Он просил отвезти его к пастору Таммику, брат Аско отзывался о пасторе как о радушном хозяине...

Хозяин поднялся и молитвенно сложил руки.

— Пастор Таммик — это я. Но, видит бог, я не принимал никакого Тыниса Розенберга!

— А его родственника зовут Тынис? Я и не знал этого, — Грибов специально дал понять священнику его оплошность.

Вернулся Альберт Соосаар. Нерешительно переступила порог комнаты служанка.

— Как могли эти набожные люди, — сочувственно сказал

Альберт, — не обогреть и не накормить замерзшего человека... Они нашли его в беспомощности у крыльца.

Пауль, неожиданно для себя, вставил:

— Госпожа, вы догадались пригласить к несчастному врачу?

По прищуре Грибова, по тому, как он стремительно заслонил своей фигурой экономку, помешав ей понять мимику пастора, Пауль понял, что попал в цель.

— Как же иначе, — прошелестела женщина. — Я привезла доктора сразу... Он выписал рецепт.

— Дорогой пастор, — с сожалением в голосе протянул Грибов. — Должен ли я напомнить вам евангельскую притчу: «Дом мой домом молитвы наречется для всех народов, а вы сделали его вертепом разбойников». Будет лучше, если вы правдиво опишете, с кем к вам явился Тынис Розенберг. Сказочку про доктора прибережем для детей ваших прихожан.

С Таммиком произошла перемена, кажется, он понял, кто в его доме. Выяснилось, что Тынис Розенберг, испросив приют, удалил из гостиной пастора и служанку, — он принимал визитера без свидетелей. Пастор лишь проводил того к выходу, через сад, но было темно и внешности гостя он не запомнил. А впечатление он произвел человека образованного и светского.

— Светскость за минуту проводов еще можно определить, — с иронией заметил капитан, — но образованность?

— Как же, как же, — живо возразил пастор, — прощаясь с моим гостем, этот человек сказал ему целую английскую фразу... Я бы перевел ее так: «Планетный Гость жалеет вашему старшему другу новых игралищ». А когда я отпирал ему калитку, он всмотрелся в нее, — я шел с фонарем, — и восхищенно произнес: «Фаберже онемел бы перед этим ажурным литьем». Согласитесь, господин... архитектор, не каждый из нас знает имя мастера Фаберже...

Грибов встал. Встали и его помощники.

— Услуга, которую вы нам сегодня оказали, пастор, — сказал капитан, — стоит того, чтобы позабыть о возможности привлечения вас к уголовной ответственности. Но впредь прошу вас быть осмотрительнее в приеме гостей.

Так органы государственной безопасности узнали о существовании на территории Эстонии некоего Планетного Гостя.

К зиме 1945 года ловушки, разработанные и расставленные чекистами в разных углах Вильяндиского уезда, принесли свой результат. Стал «своим» для банды Муста внедренный в нее чекист Урбас: он подменил шофера, который был подыскан стариком Йоостом. Специально для банды был

разрекламирован завоз продуктов в лавку сельхозкооперации на севере уезда. Наконец, многодневное дежурство Пауля Мюри в домике напротив одной из явочных квартир главаря лесных братьев помогло определить день их возможного нападения на кладовую магазина.

Батальон народной защиты и чекисты, наконец, прижали костяк банды к непроходимому болоту. Свистела ноябрьская поземка. В полуразрушенном сарае, давшем последний приют Мусту и его подручным, неожиданно заскрипела дверь и из него выкатилась насмерть напуганная хозяйка соседнего хутора: «Не стреляйте! У них кончились патроны».

Но из дыры в задней стенке выбрался маленький щуплый мужичонка в выкраденной красноармейской шинели и, отстреливаясь, побежал сквозь редкий осинник. Бежавший бандит, слыша за собой топот преследователей, вдруг прижался к древесному стволу. Раскачиваясь и трясясь всем телом, Антс Муст завыл при мысли о близкой кончине.

Майор Жур доложил наркому, что все участники банды арестованы.

— Что нового мы узнали о Госте? — тихо спросил Резев. — Что принесли нам первые допросы арестованных?

Жур не спешил с ответом. Тогда Резев предложил:

— Пусть наши следователи поработают с арестованными тщательнее.

Через неделю он вызвал к себе начальника отдела снова.

— Они назвали все явки и все имена, — доложил Жур. — О Госте никто и ничего, по их словам, не знает.

В кабинете долго стояло молчание. Наконец Резев вздохнул:

— Наверное, рядовому бандиту и впрямь не дано знать клички и явки шпионов.

Непривычные скорости

Хуторяне Сымерпалуской волости Вырумааского уезда прослыли людьми невозмутимыми и консервативными. Еще в 1642 году, когда один из местных землевладельцев возвел на реке Выханду мельницу, жители не замедлили ее разрушить, чтобы уберечь святую реку от осквернения. Этот стихийный вызов вылился в довольно мощное крестьянское восстание.

Да, невозмутимы они, люди Сымерпалу. Но когда по волости, а потом и по всей республике пронеслось известие о страшном преступлении, совершенном 13 марта 1946 года бандитами, засевшими в здешних лесах, гнев и боль

охватили самых невозмутимых. Тринадцать жертв — советские и партийные работники, комсомольцы, новоземельцы. Лесные братья не пощадили даже двух детей — пионеров Хелью и Харри.

Состоялось специальное заседание Центрального Комитета партии с участием секретарей укомов, партторгов ряда волостей, ответственных сотрудников правительственного аппарата, руководителей МВД и МГБ республики. Секретарь ЦК, проводивший совещание, заключил его жестко и кратко:

— Народ не простит нам, если мы выпустим из своих рук инициативу. Люди хотят очистить леса от пакости. И мы должны это сделать. Кто хочет вернуться к труду — милости просим. Кто намерен бесчинствовать, уповая на приход белого корабля, пусть получит народное возмездие. Батальоны и взводы народной защиты должны стать главной вооруженной силой в борьбе с буржуазно-националистическим подпольем и его бандами.

В этот же день министры Резев и Кумм провели совещание с опытными чекистами и отдельно собрали курсантов школ, новичков службы безопасности.

— Товарищи чекисты! — обратился Александер Резев к молодежи. — Момент сейчас трудный, и коллегия министерства приняла решение прервать на время вашу учебу в резервных частях. Будете доучиваться в боевой обстановке. Рассылаем вас по уездам, где враг проявляет себя активно. А одну группу, более подготовленную, направляем в Выру.

В зачитанном списке имен чекистов, командиремых в Вырусский уездный отдел милиции, был назван и Пауль Мюри. Эту группу попросили остаться. Сначала Резев, а потом Жур и Грибов рассказали об обстановке в уезде, о зверствах банды Аво Пресса, убившей тринадцать человек.

— Пресс сейчас мечется, — пояснил Борис Кумм. — Он сам или один из агентов иноразведки, на которого выходит банда, безусловно будут пытаться задействовать сбитых с толку хуторян. Бандиты попытаются за счет мелких групп и одиночек численно увеличить свой состав, расширить «хутора прикрытия», а заодно создать у местных жителей представление, что подпольные силы действуют безнаказанно и способны сопротивляться.

Пауль Мюри назначен оперуполномоченным, сейчас он едет в край своих предков.

В уездном отделе молодого чекиста встретили приветливо. Пауль уже знал, что отдел предстоит возглавить капитану Зубченко, смельчаку и жизнелюбу, одно имя которого наводило страх на бандитов в Крыму, в предгорьях Кавказа. Пауль нашел здесь своего приятеля Альберта Соосара.

Добродушный и не очень разговорчивый старший лейтенант Иван Яковлевич Осока оказался щедрым на дружбу, а главное — незаменимым в разработке и проведении оперативных комбинаций. Наверное, многому его научила ленинградская блокада и служба в СМЕРШе. Переводчик Лео Баркель, привлекательный, с внушительной шевелюрой, обладал остротой восприятия, мягкими манерами. Страстный рифмоплет, он комментировал стихами главные события дня. В общении с ними Пауль чувствовал себя увереннее, все казалось простым и ясным.

Неясности начались, когда Пауль прибыл в волость Сымерпалу и попытался начать розыски следов банды с расспросов о родственниках или бывших друзьях Пресса. Одни отмалчивались, другие откровенно уклонялись от ответа. Высокий, худой, как жердь, хуторянин глянул на юношу, видно, оценил его малый опыт, тихо обронил:

— Возьми в расчет, товарищ, наш характер. Мы это зверье при встрече оглоблей прикончим... А наводчиков среди нас не ищи. Не из того теста слеплены.

— А вот они из того... — грустно отозвался Пауль. — И наводчики, и грабители, и убийцы! И оглоблей, уважаемый человек, вы с ними не справитесь.

Повернулся, пошел по тропинке с хутора. Не сделал и десятка шагов, как крестьянин остановил его:

— Не торопись. Нашему мужику такие скорости, как ты развиваешь, не в привычку. — Догнал Пауля, потоптался рядом. — Говоришь, оглобли им ничто? Так, так... Чем я тебе могу помочь? Не свояк я этому Прессу, а чужак... Прошел у нас на хуторах слухок, что люди Пресса про Велло Тауми справки наводят. А Велло родом отсюда, говорят, прячется от милиции под Канеги. Чего ему, безлошаднику, прятаться — бес его знает. Может, с этого бока зайдешь?

Пауль благодарно пожал руку хуторянину.

Из Сымерпалу он дозвонился до уездного отдела. Постарался в туманных выражениях — опасался подслушивания — передать, что версия о намерениях Пресса слиться с группой Тауми и другими шатающимися в ближних лесах подтверждается. Просил разрешить перебраться в Канеги. «Смотри только, чтоб версия не увела тебя за сто верст от главного объекта!» — кричал в трубку капитан.

В Канеги добирался и на молочном фургоне, и на телегопупутке, да и ногами глину дорожную месил. Прибыл он в предраcсветной полутьме, в поселковом Совете никого еще не оказалось. Уселся на крыльчке, прислонившись к двери, вздремнул. Услышав легкий прерывистый стук, поднялся, всмотрелся в мужчину, который пересекал дорогу, опираясь на костыль.

— Председатель будете? — уже знал, что тот хромает.

— Так точно, — по-военному отозвался подошедший. — Видишь, под Великими Луками немцы подбили, да не добились. Кто, откуда, зачем?

Завел в комнату, проверил документ, выслушал уполномоченного, задумался.

— Верно, болтается у нас где-то по соседству этот Тауми еще с двумя парнями. Особо плохого за ними не водится, правда, продукты пару раз из лавки утащили. Говорят, в девчонку какую-то был влюблен, вроде поет она в хоре, а девчонка на другого зарится. Но, может, обычные перекуды...

— А кто руководит местным хором? — спросил Пауль.

— Понимаешь, товарищ, — председатель замялся. — Знаменитости наши довоенные разбрелись кто куда, и мы временно это дело церковному органисту доверили. Они с пастором поочередно и занимаются с желающими.

— Значит, песни нам церковь дарить будет?

— Временно это, — опечалился председатель. — Моя промашка.

Оставив свой нехитрый скарб у председателя и сменив гимнастерку на легкую рубашку, Пауль отправился с визитом в канепискую церковь... Услышал протяжные звуки органа, вошел в темный притвор, из него — в молельню. Молящихся не было, и он, стараясь не стучать сапогами, подошел к органисту. Услышав шаги, музыкант снял руки с клавиатуры, обернулся к вошедшему.

— Чему обязан? — мягко спросил он. — В Каневи я вас не встречал.

Пауль назвал братом некоего парня из Сымерпалу. Сохнет тот по местной девушке, старшим людям свести их надо бы... Плел-плел, пока органист довольно сухо не прервал его:

— Молодой человек, вся эта история довольно запутанная, но причем здесь, собственно, я? Среди моих знакомых нет названных вами лиц.

Мюри вежливо попрощался. Он почувствовал, что его провели: «Зачем он поторопился заявить, что не знает таких? Я же еще не спросил об этом».

Приехал Лео Баркель, посланный Зубченко, выслушал Пауля:

— Значит, он что-то уловил и насторожился. Если хочешь, я подступлюсь к этому хору с заднего крыльца.

Красавец с пышной шевелюрой назвался в хоре представителем столичного певческого общества, легко завоевал симпатии молодых участниц хора, сочинив экспромт. После этого вступления в стихах Лео Баркель попросил их

взять у органиста список всех участников хора. Получив этот список, а затем уточнив в поселковом Совете, где работают молодые певуны, Лео и Пауль начали обходить их — одну за другой. Наводили на разные истории, но парнем из Сымерпалу никто не интересовался. И вдруг... Одна из девушек, заглянув в список, что держал в руках Пауль, весело воскликнула:

— Почему нашей Айме здесь нет? Господин органист забыл внести ее...

Айме работала на почте. Тонколицая, голубоглазая, она показала Паулю искренней с первого взгляда. И говорила она приветливо, с легкой безмятежной улыбкой. «Ничего не значит, — одернул себя Пауль. — Первое впечатление может быть обманчиво, как первая версия».

Вопросы Пауля привели к тому, что она замкнулась, посуровела. Он мягко улыбнулся: «Все правильно. Посторонний человек пытается проникнуть в душу. Есть такие трудные профессии на земле: врач, юрист, учитель. Я ни тот, ни другой, ни третий, а желаю вам добра. Честное слово. Мы не попробуем поговорить с вами откровенно?» В ее взгляде настороженность уступила место интересу.

Айме не скрыла, что отлично знает Велло Тауми. В Сымерпалу она была частой гостьей: там живут ее родичи. И тех двух парней, что бродят с ним по лесам, — Андреса и Юло — тоже знает. Велло посватался к ней, и все могло быть хорошо. Но недавно на хуторе завязалась потасовка, Велло обвинили в краже какого-то ожерелья, в пособничестве какому-то кулаку, в ранении сельского уполномоченного. Его стала разыскивать милиция, и он скрылся в лесу с двумя друзьями. За все эти месяцы Айме получила от него всего одну записку: «Я ни в чем не виноват. Ни перед тобой, ни перед властью. Подлецы — другие. Но чему быть — того не миновать».

— Что-то здесь не так, — сказал Пауль решительно. — Но я найду правду.

Это были изнурительнейшие дни для молодого чекиста. Он обходил десятки хуторов в Сымерпалу в поисках людей, знавших историю, которая приключилась с Велло Тауми. Из Выру требовали ускорить завершение дела «Тройка», как был назван возможный вывод группы Тауми из леса. А Пауль Мюри созывал сельских уполномоченных, хуторян, посылал комсомольцев из батальона народной защиты на поиск людей, знавших Велло. И, наконец, он доставил в Выру неопровержимый материал: Велло провели кулаки, нарочно проиграв ему в карты янтарное ожерелье с платиновой отделкой, выкраденной бандой в городе. А потом они напоили парня до потери сознания, да еще

внушили, что в потасовке он ранил сельского уполномоченного. Сильный человек сопротивлялся бы, слабый сбежал в лес.

— Кому-то нужны были они в лесу — и я узнаю, кому и зачем, — закончил свой доклад Пауль Мюри.

Его просили уложиться в трое суток: готовилась операция по окружению Пресса.

Пауль явился к Айме и рассказал ей, как побудили ее жениха к бегству в леса.

— Айме, — сказал он, — у меня нет и часа больше. Либо вы приведете ко мне Велло, и я постараюсь сделать так, чтобы все хорошо кончилось. Либо придется брать его силой.

...Когда заросший бородой человек, которому, несмотря на его двадцать лет, можно было дать все тридцать и даже сорок, осторожно ступая, вошел в сопровождении Айме в ее дом, Пауль, сидевший у печки, не сдвинулся с табурета, даже не оглянулся на вошедших. Коротко приказал:

— Все оружие — автомат, пистолет, если есть, нож — сложи на пол. Потом начнем разговор.

Велло сделал, как ему велели. Пауль впервые посмотрел на него, на Айме, взглядом попросил ее выйти. Чекист и лесной брат беседовали два с лишним часа. Когда Айме разрешили вернуться, Велло сказал тихо:

— Айме, я обязан этому человеку жизнью. И сейчас я должен сделать для своих ребят то, что он сделал для меня.

На другой день Тауми и два его спутника пришли в уездный отдел милиции. Их показания были тщательно запроотоколированы и немедленно отосланы в Таллинн. Выяснить отношения с органистом пошли Лео Баркель и Пауль Мюри. Органист оказался бывшим видным чиновником при президенте Пятсе. Поначалу он все отрицал. И лишь когда Велло Тауми напомнил, что господин органист лично наводил его на грабеж магазинов, тот ухмыльнулся: «Я тебя проверял, простофиля». Но он категорически заявил, что ни о каком Госте не слышал и никаких его распоряжений о слиянии с группой Пресса не передавал, что мальчишке Велло что-то померещилось.

— Как говорится, — сказал Баркель, не давая органисту опомниться, — я не видел, я не слышал. А чье имя могло послышаться Велло, если не Пресса?

— Может, Пихо? — предположил в смятении органист, выбирая из двух зол меньшее, и съезжился. — Нет, не знаю...

— Пихо? Болотная банда? — перехватил инициативу Пауль. — Значит, о нем говорил Гость?

— Не знаю я гостя! — органист чуть не завопил. — Пихо должен был страховать тылы группы Пресса.

Хоть это признание получили!

Органиста увезли в Таллинн, а Пауль Мюри и Лео Баркель были подключены к оперативной группе, выходявшей на банду Пресса. Данные о расположении ее основного бункера расходились.

Велло Тауми знал только от органиста, что в случае соглашения объединиться им втроем надлежало на рассвете первого апреля 1946 года выйти на берег одного озера в окрестностях Урвасте, имея при себе автоматы, обоймы к ним, динамитные шашки, и медленно брести по кромке берега против солнца. Их окликнут в нужный момент: сигнал — крик выпи. По возможности бесшумно нужно будет двинуться на звук. Пароль: «Вагула».

— Хитро придумано, — Зубченко сощурился. — Можно назначить встречу и не явиться, или явиться и, при малейшем подозрении, покончить с тремя парнями.

— Я бы сам сел с ними в лодку, — забасил приехавший из Таллинна Грибов, — да говорят, вы меня «косой саженью» за глаза прозвали. За мальчишечку не сойду.

Соосаар и Мюри встали почти одновременно и почти разом выпалили:

— Разрешите...

— Не имею права, — Зубченко помотал головой. — Чтобы чекиста ввести в банду, мне нужен хотя бы месяц для разработки легенды. А у нас и трех дней нет. Группу Тауми отпускать в логово Пресса без нас — страшный риск. Найдите мне нейтрального человека — такого, чтобы тянулся к смелому делу, ну, и само собой, чтоб находчивостью обделен не был.

— У меня такой человек на примете есть, — после небольшого раздумья доложил Пауль. — Через два часа он будет у вас, товарищ капитан.

— Кто такой? — испытующе спросил Зубченко.

— Мати Паоранд. Немного похож на Андреса из группы Тауми.

С Мати его связывала дружба. Новоземелец, скорее подросток, чем юноша, Мати Паоранд в сорок четвертом году стал одним из первых организаторов комсомола в Вырусском уезде. Его отец и мать были зверски убиты нацистами. Когда на лесных дорогах волости появилась банда, в которой верховодил один из убийц его родителей, Мати заманил бандитов на выпивку в поселковую столовую, заранее договорившись с милиционером, что тот постучит в полночь в дверь. Мати помог бандитам бежать через служебный выход, ушел с ними в лес и при первой же возможности прикончил главаря Сийбера.

Вызвав к себе Мати, Пауль спросил:

— Присягу бойца народной защиты еще помнишь?

Мати кивнул:

— Повторить? «Клянусь зорко оберегать мой народ от террористических нападков и насилий бандитов, оберегать социалистическую собственность и имущество граждан, бороться с враждебными слухами, помогать быстрейшему восстановлению моей Родины». Продолжать?

Пауля Мати понял с полуслова:

— Готов хоть сейчас.

— Сейчас ты не готов, — нахмурился Пауль. — Вызубришь к завтрашнему дню все данные про Андреса и еще съездишь в Пылва и высмотришь, как там все выглядит. И не вздумай брякнуть при начальстве, что ты уже во всеоружии.

Грибов и Зубченко два часа беседовали с Мати, при этом он держался спокойно, сдержанно, но только в конце разговора допустил промашку. Зубченко ему озабоченно сказал:

— Разрешаю оставить у меня весточку родным или невесте...

Пауль уже понял, какой последует ответ, хотел остановить приятеля взглядом, но не успел. Мати мотнул головой и улыбнулся:

— Излишне, товарищ капитан. Тауми будет меня беречь. Иду в бандитское логово в хорошей компании и с полной ясностью, что как будет.

— Значит, не готов, — резко сказал Грибов. — Ясности, да еще полной, дружище, в таких делах заранее не бывает. Мюри, потренируй парня, перед выходом хочу еще раз его услышать.

Капитан ударил больно и сознательно.

Когда они остались вдвоем с Мати, Пауль лишь сказал:

— Экзамен по жизни Андреса и жизни в Пылва ты сдашь мне на «пять» — иначе и не приходи!

После второй беседы с Мати Грибов удовлетворено кивнул:

— Готовность уже лучшая. Благодарю, Мюри. Будете страховать эту группу вместе с Соосааром. Ознакомьтесь с оперативным планом. А об изоляции банды Пихо позаботится командир взвода Поронин.

...Наступило первое апреля. Ночь еще боролась с розовыми вестниками рассвета, пронзительно дул с севера сердитый ветер, когда три темные фигуры двинулись по тропинке, вьющейся вдоль поросшего сосняком склона берега. Людям приходилось часто останавливаться: поклажа на плечах была тяжела. Достигнув болотистого участка, погрузились по колено в хлябь, но поклажу не оставили. И только дойдя до сухого места, осторожно опустили груз на землю.

— В случае чего, не переговариваться, но и не медлить, —

предупредил старший из них.

Они репетировали свои роли две ночи. Андрес, родом из Пылва, был действительно схож с Мати и сложением, и длинными льняными волосами. Да и подготовили его основательно. Расспросив Андреса о его жизни, Мати поспешил в Пылва, походил по улочкам поселка, все рассмотрел, запомнил.

Медленно бредет тройка вдоль тростниковых зарослей озера.

Чутко прислушиваются парни к звукам, пробираясь то вдоль крутого, то покатога берега, но кроме свиста ветра ничего они не слышали. «Надули!» — шепнул Юло. «Не торопись, — отозвался Мати-Андрес. — У нас еще есть время».

«Над ними нависает обрыв. А мы удобная мишень, — подумал Велло, — для того, кто захочет в нас пульнуть с верхотуры». И будто отвечая его мыслям, откуда-то с выси донесся до них гулкий и отчаянный крик выпи. Он был трижды повторен, словно раненая птица зывала о помощи.

— Карабкаться вверх, — приказал Мати.

Они бредут по густому сосняку, спускаются в небольшую ложбину. Никого. Поваленное дерево словно приглашает к передышке. Сверху звучит хриплый гортанный голос:

— Явились? Кто такие?

— Вагула! — отвечает Мати-Андрес.

— Оружие на землю! — приказывают сверху. — Считаю до трех.

У контрразведчиков нет выходных

— Рады вашему приезду, товарищ Яласто, — председатель Вырусского уездного исполкома крепко сжал руку гостю, предложил ему садиться. — Что же, ревизовать нашу сельхозкооперацию самое время, деньги мы еще считаем плохо. Но и у нас к банку накопились просьбы.

Прийдик Яласто, немного грузный, уже в летах, бухгалтер кооперативного банка, созданного в январе сорок пятого одновременно с управлением сельскохозяйственной кооперации, достал из потертого портфеля большой блокнот, раскрыл его, сделал пометку, разъяснил:

— Правление банка, зная о ваших трудностях, согласно выделить вам некоторые дополнительные кредиты. — Сочувственно спросил: — Что, очень расшумелись лесные

брatья? Убийц тринадцати изловили?

— Дело идет к тому, — уклончиво заметил председатель. — А что кредиты увеличите — жалеть не будете. Так с чего начнете?

Яласто пожал плечами:

— Финансовую ревизию проведу выборочно. Порекомендуйте хозяйства, где дела похуже.

Их беседу прервал телефонный звонок. Председатель взял трубку, что-то выслушал, долго молчал.

— Знал я Аугуста... На части, значит, порубили... Говоришь, кулак к Прессу сбежал? Сам пойду на эту мразь, запиши в добровольцы. — Тяжело задышал. — А сельского уполномоченного из Вастселийна отдать тебе сейчас не могу. У меня, может, всего три агронома в уезде ему под стать. — И с досадой: — Ну, зайди, секретарь, поговорим...

Со вздохом положил трубку.

— Вот как у нас. Мир строим, а стрельба еще идет... Значит, куда поедете? С транспортом туго, но поможем. На обратном пути обговорим все поточнее.

Прошел день, другой и третий, а Яласто в исполкоме не появился. Председатель обзвонил несколько кооперативных товариществ. Бухгалтер, оказывается, уже успел проверить финансовую отчетность в поселках Вярска, Ряпина. Потом машина у него забарахлила, и Яласто отправился дальше уже на попутном транспорте.

Бухгалтер добрался до Выру через неделю и нещадно ругал размытые дороги. Он познакомил руководителей уезда со своими выкладками, обсудил с ними условия дотации.

— Побольше бы нам таких работников, — сказал председатель, когда Яласто выехал в Таллинн. — А ведь начинал с нижней ступеньки. В буржуазное время бегал в курьерах у какого-то банкира, потом кассиром на кожевенной фабрике, а бухгалтерские премудрости самоучкой освоил.

В те весенние дни 1946 года в Выруском исполкоме подсчитывали семенной фонд, засеянные площади, деньги, а в уездном отделе милиции — часы и километры, отделяющие чекистов от встречи с бандой Пресса. План широко задуманной операции стремительно претворялся в жизнь, цепь постов, расставленных службой безопасности, охватывала довольно большую территорию в треугольнике Сульби—Кяргула—Урвасте. Ожидались приказы центра и сигнал от Пауля Мюри.

...Взвод солдат, рассыпавшись длинной цепью, спускался по крутому склону лощины. Снизу потянуло тиной и сыростью. Казалось, кроме летучей водяной ночницы нет в

этой болотистой глухомани живого существа. «Тут они, — шепотом передал по цепи солдат комвзвода Геннадий Поронин, — негде им больше. Ни шороха! По моему выстрелу штурмуйте».

Взвод уже спускался в низину, уже пересек кустарник. Уже зачавкали в тине солдатские сапоги, а болото молчало. «Стоп!» — полетело от человека к человеку. Комвзвода велел залечь. Десять минут, тридцать, час. Тина заползает в сапоги, за воротник шинели. «Лейтенант, — шепчет старшина, — может, мы ошиблись?» «Некуда им больше деваться. — Поронин вздыхает. — Ну, нет у нас точных данных, Мярт, а чутье говорит, что мы на верном месте».

И в ту же секунду послышался плеск, в завеси тумана проступили черные силуэты. Комвзвода крикнул: «Вы окружены, оружие в воду!» Из завеси сверкнул огонь, взвод отозвался автоматной дробью. Через четверть часа с бандой Пихо все было кончено. Сам Пихо еще хрипел, извивался, Поронин крикнул: «Кто тебе приказал двигаться к Прессу?» — но было поздно.

Командира позвали к старшине: Мярта перенесли на грудь валежника, пуля вошла в живот, он истекал кровью... «Лейтенант, наша взяла!» Поронин сорвал с себя шлем, яростно сказал: «Мярт, их не будет, а ты будешь... с нами... всегда!»

Когда Мати и его спутников окликнули в ложбине, он без колебаний выполнил приказ. Отложил в сторону немецкий карабин, пакет с динамитом, вытащил из ватных штанов морской кортик. Велло и Юло последовали его примеру. Ящичек с толовыми шашками опустили под ноги; на землю полетели автомат, парабеллум, пистолет ТТ, длинные ножи.

— Все? — переспросил голос и, получив подтверждение, начал к ним приближаться. — Кто из вас Тауми — шагай поближе. Остальные ни с места! Стреляю сразу!

Всмотрелся в бородача, хмыкнул:

— Похож, карточку твою видал.

Мати как в жар бросило. Недостает, чтобы этому связнику показали и фотографию Андреса. Пошептавшись с Велло, встретивший их человек велел ему лечь, вытянув вперед руки. Таким же образом пошептался с Юло и приказал ему залечь рядом с Тауми. Настала очередь Мати. Связник банды пристально вглядывался в него, пытаясь, видимо, в рассветном полумраке найти подтверждение или опровержение своим раздумьям. Бегло задал вопрос о его хуторе и о том, чем парень промышлял. Видимо, его ответы были приняты, — потому что связник разрешил всем троим сесть к нему лицом. Вдруг он направил на них автомат.

— Этот путался, — кивнул он в сторону Юло. — Кто подменил его по дороге — вы сами или НКВД? Считаю до трех..

«А он берет нас на крючок», — лихорадочно соображал Мати. Крикнул:

— Не корчи из себя сыщика! Да я Юло с детства знаю!

— А, может, тебя, Андрес, подменили? — дуло автомата заплесало в руках у бандита. — Уж больно толково ты все разъясняешь.

«Перестарался!» — сказал себе Мати и угрюмо пробормотал:

— Слушай, если нас всех подменили — давай разойдемся...

— Долго мы будем здесь сидеть? — вдруг резко спросил Тауми. — Или веди к своим, или вали от нас. Всех троих разом не перебеешь, третий тебя достанет. Дошло?

Связник рассмеялся.

— Вот что, парни, — усмехнулся он. — Мне нужно хотя бы одно доказательство, что вас не перевербовали по дороге.

— Болотная утка нас перевербовала, — со злостью резанул Юло.

Воцарилось молчание. Тауми посмотрел на Мати.

— У нас дорогой другая забота была, — Мати Паоранд вспомнил совет товарищей изложить как бы между прочим «похищение» ими оружия и тола. — Вскрыли с вечера кладовую у одного офицера милиции, он выскочил к нам из окна, и Велло, кажется, переусердствовал. Короче, придушил его. Завтра об этом будет в газетах, так что не жди, пока милиция начнет охоту за нами.

Связник поднялся, деловито осведомился:

— Куда вы подевали задушенного?

— Раздели и бросили в озеро. А форма его в моем мешке.

Не выпуская автомат из правой руки, связник попятился, нащупал ногами сброшенный Мати с плеч вещмешок, левой рукой развязал его, вытянул за рукав китель, потрогал погоны, облегченно задышал:

— Ну, парни, задали вы мне работку. Я полагаю, довольно нам испытывать друг друга. Поднимите оружие, ничего не забудьте на земле из своих вещей, и... топ-топ.

— Далеко нам? — вздохнул Мати. — Велло в драке с этим милиционером повредил колено.

— За два десятка километров ручаюсь, — ответил связник.

...Запиликала лесная вертушка, задвигались посты батальона народной защиты. Паренек, удивший рыбу с речного мостика, лесник, обходивший свои владения, молочник, кативший тележку с бидонами, хуторянин, погонявший лошадь, запряженную в телегу, все они и еще многие другие люди в этот предрассветный час не случайно попадались

на дороге, которая вела к Кяргула и Урвасте.

Бредущая за связником Пресса группа шла долго. Они стороной обходили перекрестки и людные места.

Перед Кяргула Мати подает Велло знак, и тот со стоном валится на землю. Проводник движется в авангарде, в пятидесяти шагах от них. Присмотрев задержку группы, он бешено грозит кулаком, подбегает к спутникам, со злостью шипит.

— Черт! Что еще за привал?

— У Велло, наверно, вывих, если не хуже. Далеко нам еще?

— Если не медлить, через час-полтора будем у Марта на хуторе Мересе.

Почувствовав, что сболтнул лишнее, испытующе взглянул на Мати. А тот, еще не веря неожиданной удаче, подложил руки под спину Тауми, подтащил его к стволу дерева.

— Да не стони ты, Велло. Мы за тобой вернемся.

— Что значит вернемся? — зашипел проводник и нагнулся над Тауми. — Вставай, ублюдок, или я тебя в два счета сделаю смертельно здоровым!

Но его обхватили сзади железные руки Мати, а Велло приставил к горлу лезвие ножа. Юло стянул ноги проводника ремнем. Кажется, только сейчас тот начал догадываться, что его провели.

— Да вас же Пресс растерзает! — зашипел он. Поняв же, что этим молодым людям не страшен ни он, ни Пресс, ни сам черт, быстро сменил тактику: — Вы не имеете права, я английский подданный, у меня есть заграничный паспорт.

Мати ловко обшаривает карманы куртки проводника, ощупывает подкладку — ничего! Раздумывает, стаскивает с бандита сапоги, отдирает стельки и находит под одной из них записку: «Робинзоны близки к небытию. Прикажите или посодействуйте, чтоб Вихм, Тауми, Пихо поддержали Пресса. Обещанная вами помощь под сомнением. Аувере».

— Какой ты английский подданный! — презрительно обронил Мати. — Деньги у джонни хочешь огрести — так и говори.

— А ты не Андрес... Так кто же? — чуть не крикнул их пленник.

— С чего ты взял, что я не Андрес? Просто с самой первой минуты мы догадались, что ты ведешь нас не к Прессу, а к своим джонни, а то и в лапы к НКВД. Так что Пресс не нас, а тебя исполосует. Вот за тобой-то мы и впрямь от Пресса вернемся.

— Не оставляйте меня здесь! — бессвязно заторопился связник. — Лесник приведет сюда милицию... Я доведу вас до Пресса в два счета...

— Ты же говорил: полтора часа. Или хутор Мересе летает с места на место?

— Бункер Пресса в семистах метрах к югу от хутора. Тропка от озера через вырубку, заросли можжевельника, еловую рощу — и мы дома. Я многое смогу для вас сделать, англичане мне доверяют!

Мати крикнул: «Сторожите его!» — и метнулся к просеке. Здесь его поджидали Пауль Мюри и Альберт Соосаар.

Мати рассказал, торопясь, что они слышали.

Альберт вывел из зарослей велосипед.

В лесу раздался усиленный рупором голос майора Жур: — Аво Пресс! Вы окружены. Именем народной власти предлагаю сдаться!

Неожиданно для всего оцепления из лаза бункера раздался, тоже усиленный рупором, хриплый голос главара:

— Не торопись, начальник! За моей спиной в яме женщины с трех хуторов. Они обложены динамитными шашками. Приблизься хоть на шаг — и они взлетят в воздух.

Жур собрал офицеров, распорядился:

— Осока, Баркель. С ротой автоматчиков — вкруговую! Отбить заложниц. Подкрасться незаметно. Действуйте. Сигнал готовности — две ракеты.

Но и после условного сигнала перестрелка продолжалась восемь часов. Полковник Аверкиев и майор Жур решили, что терять людей не будут, банду возьмут измором.

Пресс предпочел бы отдать всю банду, чтобы спастись самому. Заметив, что четверо его бывших сторонников зашептались, он перестрелял их. Уже ворвавшись в бункер, солдаты нашли в бутылке, засунутой в поддувало печи, последнее воззвание главара разбоя: «Никому нельзя верить! Эмигрантские крысы нас продали, англичане предали. Кто останется в живых — режь, бей и жги всех и все подряд!»

Майор Жур распорядился отвезти Айна Аувере, единственного уцелевшего члена банды, на допрос в Выру. Мюри подает майору записку, найденную у бандита.

— Спасибо за службу, младший лейтенант Мюри, — с теплотой говорит майор. — Вчера узнал, что вам присвоено почетное звание офицера. Но вы ведь помните, что у чекистов нет выходных.

— Так точно, товарищ майор.

— Словом, бой за человека продолжается. Выводите из леса этого самого Пезтера Вихма. У вас такие штуки неплохо получаются.

Велло отозвал Пауля в сторону.

— Я не умею этого... словом, благодарить. Но на свадьбе моей ты будешь сидеть рядом со мною, Пауль. И первого сына назову Паулем.

— Брось, — смешался Пауль.

Но в дни свадьбы Велло и Айме Пауль гонялся за неуловимым Пеэтером Вихмом.

Судьба Вихма заинтересовала чекистов по многим причинам. Уже на совещании в уездном отделе по разбору операции против банды Пресса майор Жур зачитал шифровку, обнаруженную в первой декаде апреля на таллинском рынке: «Из Выру. Прошу Тесьму передать достопочтенному Планетному Гостю: дядюшка смертельно болен, у его племянника Янтарного Мастера мало учеников. Задерживаюсь, чтобы оградить второго племянника — Коллекционера Старинных Арбалетов от лечения у чужих врачей. Положение критическое. Диск».

Майор пояснил, что доставила шифровку на рынок старенькая вязальщица. Женщина отправлялась в Таллинн, и сосед по очереди в билетную кассу попросил ее захватить открыточку и оставить у контрольных весов на таллинском центральном рынке, куда вязальщица собиралась. Там, дескать, открытку заберут, кому надо.

— Вязальщица к этому делу вовсе не причастна. Весовщиков там семеро. Скорее всего — кто-то глянул и запомнил, что нужно было.

Жур обвел взглядом внимательные лица сотрудников:

— Смысл приветта таков. Вырусский дядя по кличке Диск просит некую даму по кличке Тесьма передать их общему партнеру или хозяину по кличке Планетный Гость... Это уже серьезнее, про Гостя мы наслышаны, Диск и Тесьма вынырнули впервые... Стало быть, просит передать, что дела дядюшки Пресса дрянь. Появляется Янтарный Мастер — явно местная достопримечательность. Кто он? Ваши версии?

— Мы проверим списки всех мастеров, — сказал кто-то. Правдоподобную версию предложил Пауль:

— Речь, возможно, шла о Велло Тауми, ведь это он, по навету кулаков, украл дорогое янтарное ожерелье, и «учеников» у него, то есть ушедших с ним в лес, было всего двое.

Жур кивнул:

— Согласен. А Коллекционер откуда здесь взялся? Если сопоставить эту шифровку с запиской, найденной у Аувере, можно предположить, но очень условно, что Диск имеет в виду Пеэтера Вихма. Что мы знаем о Вихме? Доложите младший лейтенант Мюри.

Пауль уж побывал на многих хуторах вокруг Ряпина. Вярска, где действовал Вихм с группой бежавших в леса хуторян, и выяснил о нем кое-что.

Старожил Ряпинаской волости, хуторянин среднего достатка. В войну отсиживался, немцы тянули его в «Омакайтсе» — не пошел. Своих не предавал. Но кто-то с ним крепко поработал в сорок пятом — и Пеэтер сбежал в лес.

Говорят, преданный отец — у него трое детей, не шутка! И последнее: было подозрение, что, отступая, немцы укрыли почему-то на его хуторе склад с оружием, и он боялся, что об этом узнают власти. Хутор наши товарищи досконально исследовали — никаких следов оружия. Все.

— Народные мифы обычно имеют материальные предпосылки, — сострил Лео Баркель.

Жур резюмировал:

— Вихм ли действует под кличкой «Коллекционер» или кто другой, но Вихма и его группу надо из леса вытащить и, так сказать, нокаутировать господина Диска. Если оружейный склад — не миф, то и его захватим: второй нокаут! И, наконец, тщательно выяснить, нет ли ниточек, связывающих Вихма и иноразведку. Вихмом будет заниматься Мюри.

Прощаясь с Паулем перед отъездом в Таллиин, Жур заметил:

— Я атеист, в приметы не верю, но две удачи подряд редко бывают. Будь осторожен, Пауль. Вихм, чувствую, непрост.

— Осторожность, Григорий Максимович, понимать в том смысле, как вы однажды голыми руками резидента брали, или как на лекции нам излагали? — Пауль рискнул подшутить.

— Смотри ты, — засмеялся Жур, — память какая!

Да, Вихм оказался непрост. И к тому же неплохо был осведомлен об истории своего края. Один из его дядей, как выяснил Пауль, был фольклористом, другой — искусным реставратором церковной утвари. В доме Вихма всегда водились книги, журналы, а в дни наездов родни сюда будто целый университет переселялся. И детям своим Пеэтер мечтал дать образование, пустить их по стопам дядей. «Старшенького отдам алтари расписывать, — шутил он, когда семья собиралась за ужином, — средненькая пусть наши песни да обряды собирает, а уж младшенького, чтоб господь не гневался, при землеце оставлю». На ближних хуторах Пеэтера знали как человека необычайно щедрого, доброго.

Лишь однажды сосед застал его разгневанным: подле хуторского двора сидел на возу мужчина, а Пеэтер стоял на крылечке, побледневший, трясшийся, как в лихорадке, и вдруг прерывающимся голосом закричал: «Чтоб нога твоя, Тикерпяэ, не ступала больше на мой хутор! Чтоб след твой, Тикерпяэ, не пачкал больше землю, где наши отцы сеяли и пахали, а не бог весть кому угождали!»

Перебранка эта не шла из головы. Но когда Пауль узнал, что Альберт в связи с одним делом допрашивает некоего Тикерпяэ, он попросил задать подследственному несколько

вопросов об этом случае. Обвиняемый ответил, что про Вихма не слышал. «А какому Вихму вы задолжали в войну три мешка удобрений? — спросил Альберт. — Вашей рукой записано». Поняв, что попался, Тикерпяэ долго молчал. Но, видно, смекнул, что к делу этому особо не причастен, скупо сообщил: да, был за ним такой должок. Но когда весною сорок четвертого повез его отдавать, какие-то люди остановили его на лесной просеке, велели погрузить к себе ящики, сваленные в яме под елями, и доставить поклажу на хутор к Вихму. Среди тех, кто остановил его, он, Тикерпяэ, увидел двоих в немецкой военной форме, а послушаться немцев в ту пору значило схлопотать пулю на месте. Про груз в ящиках — не ведал, но тяжелый. Похоже, что хуторянин говорил правду.

И все же образ Пеэтера Вихма Пауль для себя составил. А составив, отправился прямо к нему на хутор, который находился неподалеку от Ряпина.

Медленно рассеивался утренний туман, обнажая сверкающую гладь озера Меэлва. Взлетел на холм спокойный сероватый хуторок и застыл в настороженной суровости. Пауль медленно поднялся по тропинке к домику.

Его встретила в дверях хозяйка, жена Пеэтера Вихма, бойкая Ыйе, во взгляде которой перемежались легкая боязнь и плутовство. Пауль попросил у нее разрешения поговорить без малышей, но старший сын, Айвар, остался с матерью.

— Разговор пойдет о Пеэтере.

— Мы не знаем, где муж, — пробормотала Ыйе.

— Мы не знаем, где отец, — послушно повторил пятнадцатилетний Айвар.

Пауль понял, что разговор предстоит долгий и трудный. Он начал с того, что пока их муж и отец не стал соучастником грязных дел, он может спокойно вернуться к семье.

— Мы очень давно не видели Пеэтера, — невозмутимо ответила женщина. — Может, гость увидит его, пусть передаст ему это.

— Если он попадет в руки бандита Пресса, — Пауль старался, чтобы Ыйе точно поняла его мысль, — разговаривать уже будет поздно. Добрый человек превратится в государственного преступника, любящий отец уже никогда не обучит Айвара рисованию...

Айвар низко опустил голову. Ыйе смахнула фартуком выступившие на верхней губе бисеринки пота.

— Пеэтер не попадет к Прессу. Он не такой... А что, кроме рисования, дел мало? Мужчина, говорят у нас, сначала пахарь, потом пекарь, потом возчик, потом постройщик. а там и к небу можно голову задрать.

Айвар что-то беззвучно зашептал, мать предостерегающе

сжала его плечо.

— А потянет рисовать... У детей есть мать. Я сделаю для них все, что хочет Пеэтер. Хоть какая власть была или будет!

На этот раз из их дальнейшей беседы ничего не получилось. Но Пауль пришел снова. И опять они долго разговаривали. Пока, наконец, Айвар не сказал матери:

— Я хочу жить с отцом. Без всего этого... Мама, человек пришел к нам без хитрости.

— Ох, не знаешь ты людей, сынок, — запричитала мать. — Что плохого мой бедный Пеэтер сделал? И зерно в фонд Красной Армии сдал, и участок безрукому Калеву вспахал и засеял. Никому ничего плохого не сделал мой Пеэтер. А кому поверили? Сторожу церковного кладбища да весовщику молочной фермы?

— Всем сейчас трудно, и новой власти совсем нелегко, — горько сказал Пауль. — Ей пепел от войны достался, да разбитые дома. Что же, по-вашему, один весовщик и один кладбищенский сторож всю власть представляют? Эх...

— Я отведу этого человека к отцу, — твердо повторил Айвар. — Я ему поверил.

— Отведи, — желчно выпалила женщина, — а они снова спросят Пеэтера, где те ящики, про которые он и не слыживал...

Пауль взял эту фразу о ящиках на заметку, но вида не подал. Как мог мягче сказал:

— Пусть сын поступит, как сердце велит! Ему пора привыкать мужчиной становиться, выбор свой уметь делать.

Несколько дней Айвар уходил спозаранку в лес, с теменью возвращался. Отпускал односложные реплики: «Отца не нашел», «Не встретились». Пауль понимал, что Пеэтер Вихм хочет все обдумать. Не торопил, не приставал с расспросами. Через пять-шесть дней Айвар сам осторожно спросил: «Угон саней с теплыми вещами строго наказывается?» Это означало вступление в переговоры. На другой день последовал вопрос, которого Пауль давно ждал: «Учитываются при разборе дела показания родных или их слово против навета и гроша не стоит?»

Пауль ответил запиской: «Пеэтер Вихм! Перестаньте всего бояться! Правда всегда сильнее навета. Разберемся. Верю Вам. Пауль Мюри, младший лейтенант».

Встреча их произошла на лесной опушке, выходящей к болотистому участку. Пронзительно кричали утки, издали доносился методичный стук дятла. Роца вытеснила из себя человеческую фигуру. Человек приближался медленно, будто нехотя, еле передвигая ноги в булькающей хляби. Пауль оставался на открытом месте, между двумя

деревцами. Когда расстояние между ними сократилось до нескольких шагов, тот, что вышел из лесу, хрипло спросил:

— Чем взяли моего сына, гражданин Мюри?

— Наверное, не крутил, говорил правду.

— Тогда и мне выкладывайте правду! — не то сказал, не то приказал. — За душой моей пришли, за карабином моим или еще за чем?

Пауль вздохнул.

— Тут много всего накопилось. Давай поближе — побеседуем. Да не трясись, оружия у меня с собой нет.

Пеэтер Вихм раскрывался медленно. Только при третьем свидании Пауль узнал, что с Вихмом бродят по лесам девять здоровых молодцов, которые только и мечтают о том, чтобы вернуться к своим очагам. Если Пеэтера загнал в лес навет двух недругов, то другой его спутник ушел с хутора, возмущенный ошибкой землемера при нарезке ему участка. Третий... Тот ушел бездумно, заодно с приятелем.

— Так ты объясни мне, — потребовал Пауль, — каким образом уход в лес докажет хуторянам или власти вашу правоту?

— А что мне было делать? — в голосе Пеэтера Вихма звучала тоска. — Ждать, пока меня на глазах детей со связанными руками на допрос потащат?

— Допроса испугался? «Омакайтсе» послать к чертям не побоялся, а от простых вопросов своей же власти в тину сиганул?

— Не от вопросов, — упрямо твердил Вихм. — Не хочу, чтоб дети отца в унижении видели.

Под ногами у них раздалась фырканье, шорох. Пробежало мимо семейство ежей, недовольное возникшим вдруг препятствием.

— Уничтожить тебя никто не собирается. А разобраться в запутанных делах надо. Теперь напрямую: с чего тянется болтовня об оружейном складе на твоём хуторе?

— Вот-вот... — Пеэтер поднялся. — Доказательств не имею.

История эта, действительно, выглядела необычно. Еще во время войны к нему на хутор неожиданно нагрянули «высокие гости»: один из главарей вырумааской «Омакайтсе» капитан Тибер и вожак ее Ряпинаского отделения обер-лейтенант Эйлонен. Напомнив хозяину хутора, что в сороковом он заигрывал с большевиками и уже за одно это достоин быть повешенным, они шантажом и силой вырвали у него расписку, что он обязуется в любой момент по требованию «Омакайтсе» укрыть у себя на хуторе имущество организации. А незадолго до бегства гитлеровцев к нему явился активный деятель «Омакайтсе» Тикерпяэ!

с двумя тяжелогруженными возами. Пеэтер его выставил, но на другой день с Тикерпяэ прибыли два немца и под угрозой расстрела семьи заставили Пеэтера укрыть доставленные ящики. Хуторянин не подозревал, что они набиты оружием. В первый же день после изгнания немцев снова появился Тикерпяэ и увез всю эту партию. Пеэтер на радостях и расписку забыл потребовать назад. Но Тикерпяэ передал эту расписку двум немецким пособникам, и те составили на Пеэтера донос, приложив его расписку. После первого же прихода милиции Пеэтер, услышав о содержимом ящиков, сбежал в лес.

— За что Тикерпяэ невзлюбил тебя? — спросил Пауль.

— Он хотел жениться на моей сестре. Я отговорил ее. Не было в нашей семье подонков и фашистов.

— Значит, склад от тебя вывезен и больше ты ничего про это не знаешь?

— Вывезен, — повторил Пеэтер и нерешительно добавил: — По-моему, один парень у нас знает больше... Я могу попробовать поговорить с ним... Но кому охота голову в ухват просовывать?

— Ну, я тебе много обещать не могу, — Пауль помедлил. — Но в прокуратуре выясню... Если все будет по-честному, будем вас считать своими добровольными помощниками. Говори, готов нам помочь?

— Готов. А теперь ты скажи, — Пеэтер замялся, завозился, ветку в руке сломал. — Тибер и Эйлонен напирали на то, что большевики отберут у эстонцев все ценности, уничтожат нашу культуру. Я не очень им верю... Ты говорил, Пауль, что жил среди русских. Скажи, они способны на такое — пустить нашу страну по ветру, раз народ маленький?..

— Чушь все это, — сердито оборвал его Пауль. — Сколько в Советском Союзе малых народов со своим языком и культурой! Русские, даже с немцами воюя, выпускали у себя стихи Шиллера, исполняли музыку Бетховена... А вот о «любви» гитлеровцев к эстонской культуре можно многое рассказать. Немало они вывезли: картин, ковров, рукописей, книг.

Пеэтер глубоко задышал.

— Меня будут судить? Много могут дать?

— Если не убивал, если явишься с повинной, могут и дня не держать.

Хуторянин даже застонал, боясь поверить в чудо.

— Но у меня к тебе еще один разговор. Кто тебя недавно вызывал из леса, Вихм?

Долго думал, крутил головой.

— Ни к чему это, Мюри.

— Это мое дело — к чему или ни к чему. Кто?

Пеэтер тер щеку, вздыхал. Наконец, неохотно протянул:
— Я его впервые увидел. Он предложил мне уехать с семьей за море... В Швецию или в Канаду. Предлагал сразу выписать на всех заграничные паспорта.

— А ты и уши развесил?

— Да нет, не врал он. У него бланки на руках. Все без подделки.

— Да ты, оказывается, почище эксперта... Так уж и подлинные. Чего он хотел от тебя?

Пеэтер заерзал.

— Не так уж много. Соединиться с людьми, которых он подошлет к нам. Вместе произвести одну акцию.

— Например?

Вихм натянул шляпу низко на лоб, поковырял носком сапога землю.

— Какое-нибудь товарищество молочное поджечь... Или совхозный хлев. И сразу рвануть за кордон.

Пауль засвистел.

— Ну, и как — соблазнительно?

— Не очень, — признался Пеэтер. — Я ему так и сказал.

— А он? — продолжал допытываться Пауль.

— А он разъяснил, — сердито отозвался Вихм, — что за граница хочет вас принять как национальных героев... Нужны какие-то доказательства.

— А ты?

— Да что ты все: «А он? А ты?» А я молчал.

— Так и расстались?

Пеэтер утер лоб шляпой, выругался.

— Дьявольщина! Он обещал дать о себе знать.

— Каким образом?

— Зарубками на деревьях.

Водворилось долгое молчание.

— Так с кем дальше пойдешь, Пеэтер?

Пешеходу в больших роговых очках, на лице которого застыла и не сходит широкая безмятежная улыбка, наверное, не хотелось покидать гостеприимную Ратушную площадь. Послав последнюю улыбку средневековым фасадам, он оказался сжатым в крошечном проходе маленькими домиками и вдруг исчез. Разе что стоявшие рядом люди увидели, как приоткрылась и впустила его миниатюрная, почти не заметная с улицы дверца мастерской, на витрине которой покачивались янтарные бусы, золотые кольца и серебряные цепочки.

Приветливо поздоровалась с посетителем уже в летах женщина, пышная, дебелая, элегантная.

— Я присылал заказ на очень тонкую цепочку, — мягко,

почти распевно произнес посетитель. — Мое имя Яласто. Проворные пальцы женщины быстро перебрали стопку открыток, брови ее изогнулись в недоумении.

— Странно. Мы ничего не получали, господин Яласто. — Обратилась к кому-то, кто работал за дверью. — Роби, к вам не попал заказ для господина Яласто?

— Нет, — раздалось за дверью. — Не попал. Что-нибудь срочное?

— Не знаю уж как сказать, — словно извиняясь за свое вторжение, пояснил Яласто. — Хотел порадовать сестру ко дню рождения. Ее старая цепочка порвалась.

— Мы сделаем для вас все возможное, господин Яласто, — наконец заключила приемщица.

Пляска марионеток

Стокгольм уходящего 1946 года готовился к рождественским дням.

...Худощавый седовласый старичок, встав в зеркальных дверях гостиной своей крошечной виллы в восточном пригороде Стокгольма, отвешивал любезные поклоны гостям. Называвший себя «Божьим проповедником», уже приобрел опыт как изодранный агент четырех разведывательных служб капиталистических держав и снискал у них «ласкательные прозвища»: Гибрид Божьей Коровки и Тигра, Речистый Виллем, Младший Брат Целлариуса, Полковник Святых Врат...

Близкий родственник военного министра буржуазной Эстонии генерала Лайдонера, Виллем Саарсен был направлен им в военную разведку. При гитлеровцах пробрался он в «Бюро Целлариуса», работал на абвер, на «Интеллидженс сервис», на финнов — на всех, кто платил. После войны, не порвав ни с одной из своих тайных служб, осел в Швеции. Пробился к церковной кафедре, наставлял прихожан и ткал под звон церковных колоколов новые преступные замыслы.

И все, кто собрался у Саарсена в этот декабрьский вечер, прошли путь, весьма схожий с деяниями Полковника Святых Врат.

Угасающий от неизлечимой болезни, один из бывших буржуазных премьеров Эстонии профессор Юри Улуотс, принявший все-таки приглашение посетить виллу Саарсена, считал себя в этом эмигрантском собрании единственным «осколком старой культуры». Но присутствующие помнили, как этот «осколок» ползал на коленях перед генеральным комиссаром Эстонии Лицманом, как умолял заменить своей

персоной главу марионеточного «самоуправления» Хяльмара Мяз.

Дипломат буржуазной Эстонии, бежавший в Швецию уже в сороковом, а в сорок третьем создавший в Стокгольме Заграничный центр Национального комитета Эстонской Республики, велеречивый хитрющий агент «Интеллидженс сервис» Аугуст Рей в разные годы пропагандировал разные идеи. При фашистах он возопил: «Место каждого честного эстонца в Эстонском легионе!» При отступлении фашистов: «Кто бегаёт — марш в леса! Кто ковыляет — марш за море!» И спустя год после освобождения Советской Эстонии: «Белый корабль» англичан уже в пути!» Когда лопнули все идеи. Рей решил взять денежный куш у разведок Запада и затеял эту театральную встречу, возведя ее в ранг Военного совета армии.

Примчался сюда и еще один агент английской разведки по кличке Роберт, он же — агент американской разведки по кличке Бридж, бывший оберштурмбанфюрер СС Альфонс Ребане. Воспитанник СС посчитал, что его «деяния» на Псковщине, под Ленинградом, в Чехословакии, где он устраивал засады против партизан, — входной билет на занятие в эмигрантском эстонском «правительстве» под вывеской Эстонского Комитета в Швеции поста военного министра. Не оставил здесь своего коллегу Харальд Рийпалу: это его, карателя по призванию, командира батальона Эстонского легиона, еще три года назад рейхсмаршал Гиммлер самолично поздравил с Рыцарским крестом. Рийпалу явился сюда как председатель «Эстонского общества в Англии». И, наконец, третий партнер, научившийся отлично работать на три разведки и получивший три своеобразные клички — Месяц Август у «Интеллидженс сервис», Лакки у американцев и почему-то Торшер в Западной Германии — это бывший посол буржуазной Эстонии в Англии небезызвестный Аугуст Торма.

Пожалуй, лишь у одного из этой компании рыцарей кинжала и провокаций, у Арво Хорма, завязавшего еще в пору работы при Пятсе дружбу с американскими бизнесменами, не было пока клички: он только учился, стратегическая разведка США сочла его эстонцем, не наделенным большой любовью к эстонцам, но зато перспективным шпионом и поручила установить теснейшие связи с эстонскими эмигрантами.

Серьезный соперник многих из них — бывший генеральный инспектор полиции и СС в Эстонии невысокий Иоханнес Соодла, правая рука палача Мяз, обосновался после войны в Триесте, но, не мешкая, примкнул к старым друзьям.

Считая, что они сбежали от прошлого, и не видя перед собой будущего, все эти люди тем иступленнее рвались к самым бесстыдным сделкам и провокациям теперь, когда война кончилась. Им уже мерещились нагрудные кресты и субсидии от своих новых покровителей. Марионетки на привязи, они были способны облаять, искушать, взорвать покой спящих. Обреченные на безвластие и духовное вымирание, они еще таили опасность...

Чтобы не привлекать внимания прессы, старые партнеры объявили предлогом встречи сочельник.

— Господа, — елейно начал Саарсен, пригласив к столу собравшихся, — вознесем молитву к Господу нашему, ниспославшему нам радость лицезреть плоды наших деяний...

— Плоды до этого выращивают, полковник, — безапелляционно прервал его Альфонс Ребане, дав сразу понять, что он желает взять быка за рога. — Что мы собираемся, господа, высаживать на землях наших отцов?

Саарсен подошел к этажерке, снял с верхней полки цветную фотографию и обратил ее к собравшимся: на ней стремительно мчалась, разевая зубастую пасть, гигантская акула...

— Позвольте напомнить вам, господа, — с торжеством в голосе пояснил Саарсен, — что в древнем Риме преследуемые за веру христиане извещали своих единоверцев о тайном собрании рисунком рыбы. Разведслужба США выбрала этот знак в качестве символа вторжения.

...Страсти вокруг рождественского стола разгорались уже второй час. Сначала неясен был вопрос, кому положено председательствовать на этом сборище бывших. Проповедник Саарсен заметил, что некоторые господа отсиживались в тихой Швеции, пока они, истинные сыны Эстонии, на ее земле выпалывали сорняки безверия и красной крамолы.

Каждый из гостей считал себя по меньшей мере премьер-министром, а на худой конец министром иностранных дел. С большим трудом удалось договориться, что Альфонс Ребане возглавит генеральный штаб мифической армии, а попросту, будет ведать засылкой лазутчиков, диверсантов и провокаторов на эстонскую землю со стартовых площадок всех, кто захочет платить. И что временно два Аугуста, — Рей и Торма, бывшие послы, возьмут на себя иностранное представительство.

Бывший дипломат Ларетей и пропагандист петли Рийпалу начали выторговывать ведомство пропаганды, седенький Саарсен в ярости, что его обходят, грозил самостийно возложить на себя пост министра внутренних дел. «Вас некому будет охранять, — съязвил Соодла. — Наци уже убрались из Эстонии».

— Господа, — раздался надтреснутый голос из кресла-

качалки, — стыдно... Где наша культура? И притом... вы уходите от основных вопросов. «Балтийское море», господа!

Юри Улуотс почувствовал себя в университетской аудитории, но ему быстро дали понять, что он не в Тарту. Правда, напоминание об операции «Балтийское море» вызвало некоторое замешательство среди участников рождественского банкета. Ведь эта операция была задумана для вывоза эстонцев в Швецию, но провалилась, как и другие подобного рода мероприятия.

— К черту иллюзии! — жестко бросил Ребане. — Миграция ползет вниз. Большевики закрыли людям глаза газетными простынями. Наш святой долг, господа, найти способ, чтобы сорвать пелену с глаз эстонцев.

Он осушил бокал вина и высокопарно объявил:

— Вы напомнили фотографии акулы, Виллем, что наша цель — вторжение. И я начинаю его подготовку. Как главнокомандующий освободительной армии диктую в вашем присутствии обращение к своим солдатам и к гражданам старой доброй Эстонии. Запомните, господа, эту историческую минуту!

Закончив с обращением, он повернулся к Рею и Торма:

— Дело теперь за вами, господа. Обратитесь к друзьям Эстонии во всем мире, к дипломатам, служителям церкви, концернам. Нам нужны плавучие средства, нам нужны деньги. На доверие Запада, господа, мы ответим интенсивным сбором информации о тяжком положении наших братьев на эстонской земле, массовой засылкой своей агентуры на нашу древнюю землю, единением лесного братства. Это и будет нашей первой акулой!

— Слова, слова, — простонал Улуотс. — Сколько раз они губили нас! Где эти агенты, где они, я вас спрашиваю?

— С одним из них, — улыбнулся Ребане и взглянул на часы, — господа, имеющие отношение к агентуре нашего Национального комитета, будут иметь честь познакомиться через восемь минут.

— Надеюсь, — предупредил он, пригласив в соседнюю комнату Аугуста Торма, — ваши вопросы к этому человеку не будут касаться условий конспирации.

И вот перед ними появился малорослый улыбающийся человек с большой рыжей копной волос и огромным, тоже рыжим, платком, на две трети торчащим из верхнего пиджачного кармана. Вновь вошедший слегка наклонил голову в знак приветствия, легонько, будто снимая паутину с лица. провел ладонью от глаз до подбородка, и вдруг перед ними предстало другое лицо — лукавое, удивленное, точно увидевшее седьмое чудо света. Еще одно неприметное движение рукой — и это лицо уже страдальческое, болезненное. Но вот улыбка возвращается на губы человека, и глаза его смотря

доверчиво, безмятежно.

— Вы в душе клоун? — с улыбкой спросил Торма.

— Вы угадали, — вежливо ответил новый визитер. — Последние годы жизни в Америке мне приходилось работать и в передвижном цирке. Я мим, эксцентрик, немножко акробат.

— А кем вы были до отъезда из Эстонии? — поинтересовался Торма.

— Ресторан «Золотой лев», — бесстрастно произнес циркач. — Ночная программа. У меня было два выхода. Говорят, на этом месте — развалины.

Торма и Ребане переглянулись. Ребане мягко сказал:

— Мы все там бывали, господин... господин Йыги, если я не ошибся.

— Ивар Йыги, к вашим услугам, — склонил голову артист.

После легкой паузы Аугуст Торма вкрадчиво спросил:

— Что вынудило вас, сын мой, покинуть родные берега?

Улыбка сбежала с лица Ивара, но голос его был ровен:

— Новая власть в сороковом году сочла отца кулаком. Он был выселен из Эстонии, мать помешалась от горя. Я протестовал, писал... Меня хотели лишить профессии... Сестра была замужем за американцем и вызвала нас с братом к себе.

— А как вы надеетесь устроиться в Эстонии?

— О, для мима и эксцентрика, — с сарказмом отозвался Йыги, — работы хватит и в мире капитала, и на половине, где греет солнце социализма.

Ему ответили смехом, клоун нравился.

— Но вас могут опознать, — спохватился Ребане.

— У меня есть легенда в легенде, мой полковник, — Йыги говорил безмятежно, легко. — Глупый избалованный мальчишка поддался враждебной пропаганде, оставил в горе мать, невесту. Его съедала тоска. А когда он вступился в Техасе или Оклахоме за свою партнершу-негритянку и его едва не вздернули вместе с нею на первом же дереве, этот мальчишка принял твердое решение вернуться на родину.

— Есть ли у вас программа действий? — спросил Торма.

— Вернуть Эстонию в исходное положение, сэр, — нарочито напевно произнес он, вновь вызвав смех Ребане.

Почему-то шутка Йыги не понравилась бывшему эстонскому послу.

— На кого вы намерены работать? — грубо спросил Торма.

— Мистер Лакки, разве вы не помните присказку одного известного разведчика: всегда работай на себя и немного на того, кто тебе платит.

Торма побагровел, насупился:

— Кто вам дал право? Я... я...

— Вам не следует со мною обращаться как с клерком,

господин Торма, — лицо у Ивара приняло надменное выражение, тон стал ледяным.

Ребане разрядил обстановку:

— Мы злоупотребляем своим временем, господа. — И высокопарно добавил: — Первый шаг сделан. Советизированная Эстония скоро почувствует удары нашего движения.

Он проводил гостя до двери:

— Счастливого плавания, Улыбка.

— Благодарю, Бридж. Значит, у вас есть для меня только один адрес?

— Пока один, но он идет еще от людей Канариса.

— Не оставляйте меня без прикрытия, Бридж.

Лесной арсенал

Генерал Кумм подошел к окну, всмотрелся в снежное месиво, сказал:

— Нейдется метели... Твоему парню, майор, что дежурит сейчас за Ряпина, потруднее будет.

Жур встал, улыбнулся:

— Однако потруднее придется и тем, кто выслеживает моего парня. Диалектика.

— Диалектика, говоришь? Да ты садись, садись...

В кабинете, кроме министра и начальника отдела по борьбе с бандитизмом, находились заместитель Кумма Пастельняк, министр внутренних дел республики Резев и один из офицеров пограничной службы. Письмо из Гётеборга молодого врача к своей таллиннской «тетушке» обсуждалось уже несколько раз. В конверт с письмом была вложена и шведская газета. Собственно, нарушителем спокойствия было крошечное объявление, помещенное в ряду других: «Ищу место камердинера либо повара. Обслуживал самых знатных господ Эстонии. Имею на руках их рекомендации. Семейные обстоятельства требуют устройства на морском побережье. Набережная Нормальма, кафе «Анкарен», бармену».

— Будем стоять на почве реальных фактов, — предложил Кумм. — До сих пор эти объявления нас не подводили, и их автор, мечтающий вернуться на родину, в свое время сам предложил нам свои услуги для срыва националистических авантур. Сейчас он довольно определенно предупреждает, что эстонская эмиграция в Швеции готовит против нас опасные акции. Располагает — на руках — фактами и считает полезнее свое пребывание здесь. Что же странного вы находите, Павел Пантелеймонович, в его новой информации?

— А странно то, — забасил Пастельняк, и его широкое лицо

осветилось не то добродушной, не то хитрой усмешкой, — что в кафе «Анкарен» на набережной Нормальма бар как раз есть. А наш корреспондент должен был назвать должность, не существующую в данной закусочной точке. Это значит, Борис Гансович, что либо он ошибся, либо шифровал извещение провокатор и нам подкидывают тухлую наживку.

— Что же, расставим капканы, — согласился Кумм. — Но главного «повара», желающего устроиться на морском побережье, вы уж не спугнете. А точнее, запишите его лично за мною. Это, — заметил он офицеру пограничных войск, — на данном этапе, вероятно, скорее к вам относится.

— Вас понял, — поднялся офицер. — Гостя пропустим. Разрешите быть свободным?

Оперативное совещание подходило к концу, когда Кумм снова вернулся к событиям вокруг Ряпина.

— Не знаю, как вас, — обратился он к Резеву, — а меня волнует не столько оружейный склад этого ряпинского Вихма, сколько его связи с иноразведчиками.

— Поддержать их еще немного в лесу, — заметил Пастельняк, — не столь уж хитрое дело.

— Предложение товарища Пастельняка, — несколько виновато начал Резев, — напомнило мне один день... Мы встретились с Куммом на прогулке в тюремном дворе. Вы тогда засмотрелись, Борис Гансович, на крону высоченной липы за кирпичной стеной, где свили гнездо птицы... Наверно, вам очень хотелось иметь в ту минуту крылья. Может быть, люди, которых нам с вами надо задержать в лесу, тоже думают сейчас о крыльях для возвращения домой.

Пастельняк тяжело заворочался в кресле и шутя поднял две руки кверху. Кумм широко улыбнулся, но тяжелый кашель вдруг вырвался из его груди, лицо генерала побледнело. Он сделал несколько глубоких вдохов, остановил надвигающийся приступ.

— В этом я ваш союзник, — сказал Кумм, обращаясь к Резеву. — Но, как говорят рыбаки, хочешь рыбу съесть — надо в воду лезть. Майор Жур со своим отделом поищет все возможные пути выхода на иноразведку. И пусть познакомит своего младшего лейтенанта с очередным донесением этого невидимого Диска.

— Майор еще не успел получить его, — пробасил Пастельняк. Извлек из кармана кителя листок, расправил его, со значением в голосе прочел: «Прошу любезную Тесьму срочно известить Планетного Гостя, что поведение Коллекционера странное, к тому же он знает Вашего посланца в лицо. Желательна немедленная акция отправки Коллекционера на вечный покой с оставлением улики против его новых покровителей. Продолжаю в тех же широтах поиск музейных

экспонатов. Диск. 2 ноября 1947 года».

— Коллекционера и его семью уберечь от случайностей! — распорядился Кумм.

А человек, которому министры мысленно желали успеха, как раз в эти часы испытывал состояние какой-то безысходности. Пауль понимал, что выход Вихма из лесу отнюдь не приближает чекистов к убежищам резидентов. Внешность незнакомца, вызвавшего Вихма через посредство жены, ни сам Пеэтер, ни Ыйе не могли толком описать. Все лицо его закрывала борода, он носил солдатскую ушанку, стеганный ватник. Вдобавок ко всему этому Пауль прозевал связника.

А дело было так. Вихм спросил Пауля, может ли он прежде, чем начнет говорить со своими людьми о возвращении по домам, навестить жену и детей. Пауль подумал и дал согласие, предупредив комсомольцев из народной защиты, чтоб на ночь караульный пост с хутора Вихма отодвинули. На этом и споткнулся. На другой день Пеэтер мрачно сказал ему, что когда он возвращался на рассвете в лес и спускался по тропке с хутора, из-за толстого ствола вяза его окликнул незнакомый голос, велел остановиться и повернуться к дереву спиной. Решился ли Вихм на предложение господина? Если решился, то лучше всего подпалить конюшню соседнего колхоза.

— Что ты ответил? — нетерпеливо спросил Пауль.

— А что я мог ответить? — горько усмехнулся Пеэтер. — Что мой Айвар работает на конюшне? Что я когда-то помогал ее строить? Ну, сказал, мол, подумаю, с ребятами посоветуюсь. Пусть он через ночь подойдет к месту, где три сосны из одного корня вверх полезли, — там и буду. Так мы с тобой договорились?

— Так. А он что?

— А ничего. Сказал, что сам меня разыщет, и велел сматываться. И чтоб я помнил о детях.

Мюри доложил по телефону о случившемся в Выру, вскоре его вызвали в Ряпина. В бывшем господском доме Ряпинской мызы, где сейчас звенели голоса техникумовских ребят — будущих садоводов, Пауля провели в кабинет директора, где он застал майора Жура, капитана Зубченко и еще одного молоденького лейтенанта. Выслушав рапорт Пауля, Жур заходил по комнате. Зубченко нахмурился:

— Не буду скрывать, Пауль переоценил свои возможности и связника проморгал.

Прибывший с начальством лейтенант вдруг весело зашмеялся:

— Извините, товарищ капитан, но Вихма домой и я бы, наверное, отпустил. И посты бы ослабил. Ибо хуторянин мог принять эти посты за недоверие к себе, за домашний арест

семьи — и тогда мы бы его потеряли.

Жур похлопал Пауля по плечу:

— Сильно не огорчайся. Хотя Зубченко, с одной стороны, прав, но и Эльмар Вьяртмаа, с другой стороны, тоже прав. Но теперь будь внимательным.

Они вышли из здания и медленно двинулись по широкой аллее вниз, к озеру и запруде. С обеих сторон аллеи сновали молодые люди. Один из подростков, узнав издали Мюри, подбежал к нему:

— Здравствуйте. Вы меня помните? Я Айвар. Айвар Вихм.

— Как же мне тебя не помнить, — улыбнулся Пауль, — если ты первым на хуторе поверил мне. А здесь ты как очутился?

— Учусь. По утрам. А днем — с лошадьми. Дядя Пауль, можно я спрошу: отец скоро будет с нами?

— Скоро, — сказал Пауль. — Только ты вот что — об этом ни с кем ни слова. И вообще — не заговаривай сейчас с незнакомыми людьми и обходи их.

— Ладно, — сказал Айвар. — Как скажете.

Он весело махнул шапкой и побежал к ребятам.

— Запомнил его? — спросил Жур у Эльмара. — Станешь его тенью. К хутору, Андрей Иванович, — приказал он Зубченко, — приставь, кроме групп защиты, Соосаара.

События ноября сорок седьмого разворачивались стремительно. Первым, как и предугадал Жур, подвергся нападению Айвар.

Случилось это как раз в Ряпинаском старом парке, когда мальчик направился, чтоб укоротить путь, по уединенной дорожке к боковой калитке. Он скользнул между высокими кустами, тронутыми легкой изморозью, и в ту же секунду почувствовал, как грубые шершавые руки сдавили его горло. Хотел закричать, но не смог. Земля заплясала перед ним и, последнее, что он услышал, хрипя и задыхаясь, был пистолетный выстрел.

Пауль, еще не зная всего этого, сидел в болотном студне, начинающем покрываться мерзлой коркой, и терпеливо поджидал своего подопечного. Пезтер Вихм явился к ночи, был обеспокоен, вздрагивал, все к чему-то прислушивался.

— Предчувствие у меня недоброе, — поежился он. — Оружие мои люди нашли. Один был против, пришлось его... — не договорил. — Ты вот что, начальник. Жди нас на хуторе. К утру будем. Как это у вас на объявлениях написано? Явка с повинной.

— Буду ждать. — И, вспомнив приказ Жура, осторожно, боясь спугнуть хуторянина, усилить его смятение, спросил: — А как вы двинетесь из лесу?

— Ты это к чему? — Пезтер насторожился. — Засаду нам,

гражданин начальник, хотите учинить? Или что?

— Процессии рекомендую не устраивать, Пеэтер. Кто его знает, этого бородача?

— Извини, начальник, — отчеканил Пеэтер. — Мои люди по одному не выйдут. Народ они отчаянный и не сильно доверчивый. Друг за дружкой следят в оба. Примешь всех сразу.

Испытывая беспомощность, кляня себя, что исподволь не готовил к этому часу хуторянина, Пауль нырнул в темноту. Добрался до песчаной заводи, идти стало легче. Прошел с километр, залег за старым вязом, не доходя развилки дорог. Заухал по-совиному. Услышав шагах в двадцати от себя шорох, повторил уханье. Мальчишеский голос негромко его окликнул: «Я — Балтика, ты — кто?» «Я — Таллинн», — отозвался Пауль и облегченно вздохнул. Двое парней ползком пересекли лесную тропу.

— Мы из народной защиты, — зашептал один. — Комсомольцы...

— Посты выставлены уже вдоль всей трассы, — доложил второй. — А ежели те болотом проскочат?

— Болотом не двинутся, — ответил Пауль. — Груз у них. Ребята, вы оба хутора по дороге осмотрели? Чужаков нет?

— Всё, как инструктировали. Ваш товарищ, красивый такой, — Пауль понял, что паренек говорит о Соосааре, — передает, что бандиты напали на Айвара. Просил учесть.

— Что значит «учесть»?! — всполошился Пауль. — Айвар ранен? Жив?

— Насчет этого не говорил.

Весть обожгла. «Учесть... Учесть... Учти с этими упрямами! Значит, резидент не дремлет, ему страшен выход этой банды. Как сказать о сыне Пеэтеру?»

...Люди показались на дороге, когда уже все было высветлено. Впереди жалкая тощая кляча тащила тяжелую груженую повозку. За ней цепочкой тянулись хуторяне. Пауль ждал их возле хутора у дороги. Он узнал по широкому треуху и длиннополой шинели Пеэтера, который шагал рядом с повозкой.

И в ту же секунду откуда-то с верхотуры ударил пулемет, цепочка рассыпалась. Люди попадали в снег. Привыкшие ко всему, они быстро откатывались на обочину дороги. Только одно тело осталось недвижно распростертым на снегу. Лошадь заржала и стремительно понесла.

Ошеломленный неожиданностью, Пауль потерял несколько драгоценных секунд. Потом он услышал новый звук, схожий с лязгом, и скорее догадался, чем увидел, что он идет с чердака: забравшись туда, плечистый мужчина одной рукой придерживал автомат, другой — тянулся к запасному диску. Несколькими прыжками добравшись до хлева, Пауль

выхватил из-за пазухи пистолет и разрядил обойму в бандита. Тот захрипел и начал оседать на сеновал...

Пауль побежал к дороге. Хуторяне медленно расползались в разные стороны.

— Товарищи! — крикнул он. — Возвращайтесь! Предатель убит. Пеэтер, ты меня слышишь?

— Слышу, — после долгого молчания отозвался Вихм.

— Кто у вас ранен?

— Мурус! — мрачно крикнули с обочины. — У него двое детей! Ты на это нас звал?

— А ты думаешь, — вскипел Пауль, — мне не хочется жить нормально? Ты думаешь, мне неохота учиться, семью иметь? Мне, что ли, охота шкуру свою под пулю подставлять, в болотной жиже мокнуть, пока ты соображать начнешь? Тебе же это нужно, темный ты человек!

Ему не ответили. Но слова до этих растерянных людей дошли. Медленно они потянулись к дороге. Пауль обыскал убитого бандита, ничего в карманах не обнаружил. Горько сказал себе: «Проворонил именно ты, младший лейтенант! Не мальчишки из народной защиты, а ты. Офицер и чекист!»

Хуторяне двинулись по дороге. Места пошли открытые и большой опасности скопление людей уже не представляло. Пауль шел с Пеэтером позади всех.

— В кого они метили? В кого? — бормотал Вихм.

— Я думаю, всю группу они хотели скосить. Ну, и в первую очередь тебя.

— Меня за что?

— Ты видел неизвестного, — Пауль имел в виду резидента.

— Не я один. До меня с одним таким встречался Яан Мугур.

— Ты мне не говорил этого раньше.

— Каждый за себя, каждый за себя, — Пеэтера трясло.

— А я еще и за вас, — горько сказал Пауль.

Пеэтер замолчал, сраженный вдруг открывшейся ему истиной.

У хутора их ожидал прокурор. Повозку с оружием сразу направили в Ряпина. Пеэтер спросил, где жена, дети. Пауль отмалчивался. Майор Жур рассказал, что произошло в ряпинском парке. Пеэтер заметался.

— Я звонил в больницу, — пытался его утешить Жур. — Врачи говорят, мальчик будет жить.

— Жить, жить, — слезы лились по лицу Пеэтера, и он не стыдился их. — Как жить? Как я? В засадах, в страхе?

— Он будет жить лучше, Вихм, — подошел к ним Эльмар Вяртмаа. — Он честный и славный мальчик, и он будет расти, когда уже в лесах не останется дряни.

— Можете поблагодарить лейтенанта Вьяртмаа, — пояснил Жур. — Это он спас Айвара от самого худшего.

...Они входили поочередно в дом Вихма, выкладывали на стол — а за столом сидели прокурор, майор Жур и люди его отдела — ножи, пистолеты, автоматы. Сообщения их были скупы, похожие одно на другое:

— Юхан Илесте. Хочу домой. Никого не убивал, не грабил.

— Мярт Выза. Не могу — к детям тянет. Преступлений не совершал, так, по малости — лавку одну обчистил.

— Яан Мугур. Крови на руках нет, а что землемера выгнал — так пусть правильно участок прирезает. Не могу без земли жить, граждане начальники, хотите верьте, хотите нет.

Прокурор пояснил всем вышедшим из лесу, что порядок требует их явки в уездную милицию.

— Беру на себя смелость, — сказал он лаконично, — разрешить вам всем сегодня навестить семьи. Но будьте осторожны, сами видели, что может случиться. Завтра в восемь утра сюда прибудет за вами транспорт.

С Пеэтером Вихмом остался на ночь Осока. Чекисты отбыли в Ряпина. В дороге Жур молчал, а когда они собрались в маленькой комнате поселкового милиционера, майор заключил:

— Вся оперативная группа поработала как положено. Я бы сказал — как на войне. — Это была самая высокая похвала в его понимании. — Однако оба посланца резидента, как скользкие налимы, выскользнули из рук рыболовов...

Через несколько дней Жур снова пригласил их на беседу, с заметной озабоченностью в голосе заметил:

— Осложняются наши задумки, Планетный Гость и его партнеры поклялись своим наставникам в Лондоне и Загранцентру националистов в Стокгольме, что все вышедшие из лесу под началом Пеэтера Вихма встретятся с богом прежде, чем еще раз раскроют рты. Угроза реальная, будьте наготове.

Тройное сальто

Отделы МВД по борьбе с бандитизмом и нацподпольем были переданы в подчинение Министерству госбезопасности. Группу чекистов из Вырумаа вызвали в Таллинн, в здание на улице Пагари.

К Кумму прошел секретарь Вырумааского укома партии, загадочно посмотрел в сторону Зубченко и его группы, но ничего не сказал. Вот уже час они не выходили из кабинета. Дважды к генералу входил Пастельняк. Наконец в кабинет

министра проследовал новый начальник отдела полковник Таевел, высокий, жилистый человек с лицом суровым, напряженным, но с озорной смешинкой в глазах, и два его заместителя, Белянин и Грибов.

Наконец, появился адъютант и попросил ожидающих к генералу. Когда все расселись, Кумм сдержанно заметил, что товарищи из уезда неплохо поработали в первые послевоенные годы и некоторые из них переводятся в центральный аппарат министерства (было названо и имя Мюри), иные, с повышением в должности, — в другие уезды. Заметив оживление в кабинете, министр предостерегающе поднял палец, с легкой иронией сказал:

— Товарищи чекисты, во-первых, вы переводитесь не на отдых. Во-вторых, смею напомнить, что вы превосходно оборвали все возможные связи с Планетным Гостем и его Тесьмой, а уж тут я вас в покое не оставлю, пока вы мне их на блюдецке не подадите.

Остро глянул на Вьяртмаа и Мюри: значит, помнит их «небезучки». Но лишь усмехнулся и продолжал, обращаясь ко всем:

— Положение республики укрепилось. Даже недруги чувствуют это. Мы перехватили сообщение одного главаря эмигрантов из Стокгольма, некоего Бриджа, своему агенту в Эстонии по кличке Улыбка. Подозреваю, что Бридж и Ребане — одно лицо. Пересылает ему листовки Загранцентра и просит заверить эстонцев в скором приходе «белого корабля». Послушайте, что ему отвечает Улыбка.

Кивнул Пастельняку, тот встал, раскрыл папку, зачитал: — «Улыбка — Бриджу. Мифы о белом корабле даже в школах не изучаются». — Прокомментировал: — Агент оценил их непопулярность в народе. Не зря же говорят, что свой сухарь вкуснее чужих пирогов. Далее... «Учтите, что мою акклиматизацию тормозит отсутствие обещанных адресов английских поваров...» — по-видимому, хотят выйти на британскую разведку. «Где обещанный партнер в застолье?» Значит, радист ему позарез нужен.

— Вопросы есть? — предложил министр, — и не без легкой иронии: — Или сразу перейдем к действиям, обнаружению и захвату вражеской резидентуры?

— Разрешите? — поднялся Пастельняк. — Я указал в рапорте на интересный план, разработанный в отделе.

— Задержитесь, Павел Пантелеймонович. И отдел приглашите.

Когда в кабинете, кроме министра и его заместителя, остались сотрудники отдела, Кумм зачитал поданный ему рапорт, опуская второстепенные детали.

— И вот предложения: «Целесообразно развить план, осу-

ществляемый нами на юго-востоке республики, дополнить его рядом комбинированных операций. План содержит интересные и неожиданные элементы — особенно важные в связи с усилением преступных действий бандой Рихо Рандметса в районе Вериора. Предлагаю реализовать этот план при общем руководстве майора А. Грибова. Пастельняк».

Кумм взял авторучку:

— Эту операцию утверждаю. Только помните о безопасности семей тех, кого выводите из леса.

Был жаркий августовский день. Шестеро друзей и товарищей по оружию прикидывали, как им действовать дальше. Майор Грибов, наконец, сказал:

— Что ж, друзья-товарищи, пора нам и за дело приниматься. Если не ошибаюсь, Мюри собирается к своему подопечному Яну Мугуру, а за Мугуром уже охотится иноразведка.

Грибов имел в виду две перехваченные депеши, помеченные январем 1948 года: «Извещаю любезную Тесьму, что консилиум врачей (банда Пресса) больше не собирается, у Коллекционера новое жилье (легализовался), его коллега намерен нанести нам визит (намек на возможность опознания резидента Яном Мугуром). Жду лекарств. Диск».

Агент получил распоряжение: «Планетным Гостем, милейший Диск, поручено мне излечение (ликвидация) любознательных кузенов Коллекционера (Яна Мугура и легализованной группы). Подыщите нашему другу из Сымерпалу квартиру поудобнее (передислоцируйте банду). Тесьма».

— От встречи с Яном Мугуром, — продолжил Грибов, — не все зависит, но многое. Еще раз выверим наши действия.

— Покушение на Яна, — заторопился Вяртмаа, — больше потрясло его родню, чем его самого. По-моему, он был готов к этому.

— Никто не хочет умирать дважды, — невесело усмехнулся Грибов. — Но и без Мугура план наш достаточно громоздкий.

— Не громоздкий, Алексей Иванович, — быстро возразил капитан Игорь Анвельт, молодой начальник отделения, — а многофигурный. Это как тройное сальто в акробатике: перемещений и фигур уйма, — а для зрителя — всего три красивых пируэта.

— Так ты еще и в акробатике специалист? — подмигнул Грибов.

— Разрешите мне, товарищ майор, — поднялся полнеющий, немногословный капитан Аксель Мьялло. — Что может резидент изменить? Убрать с дороги хуторянина Яна Мугура? Это мы не позволим. Отозвать своих связных из

Вильяндиского уезда? Да ведь это значит, что он останется без информации. Перебросить Рандметса в другую глушь? Но куда? Народ стал зрелый, хочет сеять, детей и внуков нянчить. Эсэсовцев и уголовников не приютит, нет.

Альберт Соосаар к этому времени демобилизовался, возглавлял лесхоз в Вильянди и по старой памяти был приглашен чекистами для помощи в операции.

— Альберт Артурович, как ваши лесники?

— Несколько толковых людей подготовлю.

— А как подопечные лейтенанта Мюри?

— Оба моих помощника замечательно трудятся. А пришли они к этому нелегкой дорогой. Я в них верю.

— Хорошо, — Грибов встал, и все последовали его примеру. — Начинаем, товарищи. Пауль Мюри работает с Яном Мугуром и Эрикой. Анвельт и Вяртмаа страхуют их, поддерживают действия лейтенанта Мюри и при малейшем успехе переводят всю оперативную группу ближе к возможному логову Рандметса. Капитан Мялло осуществляет связь группы с батальоном народной защиты, я — с войсковой частью. Товарищ Соосаар присылает лесников. — Остановился и потом предупредил: — Я передаю вам просьбу генерала Кумма: действовать находчиво, смело и по возможности беречь себя.

Мюри, попрощавшись с товарищами, отправился к Яну Мугуру. Поднимаясь по травянистому покрову тропы к хутору Мугура, подметив плотно сбитые стога сена, тщательно обработанные грядки, красивый дом, Пауль поймал себя на мысли, что вместо восхищения плодами человеческих рук, он озабочен тем, сможет ли уговорить хозяина сменить этот уголок безмятежного покоя на обстановку новых испытаний, смертельного риска?

...Одна из их бесед после легализации Яана, а было то с год назад, явилась неожиданностью для Пауля. Мугур встретил гостя легким прищуром глаз, будто тонущих в льняной шапке волос, спускающихся с головы, почти закрывающих все лицо и переходящих в широкую бороду.

Он усадил Пауля за стол, велел хозяйке накрывать, сам сел напротив. И почему-то начал рассказывать о детях, их школьных успехах. Как бы между прочим заметил: «Жду третьего. Землепашца».

— Думал, распрощался навсегда с лесным царством. Выходит, нет. Третьего жду, слышал? И чтоб жил он лучше, чем я, пойду я с тобой на это дело. Одно только прошу: семью убережь. Эти волки не пощадят ни жену, ни детвору. Мы тоже шалили, но в нас, Пауль, фашистской закваски не лежало. Ты уж поверь. Теперь вводи меня в курс.

Пауль задумался.

— Врать не в моих привычках, Яан. И сам иду не на легкое дело, и тебя тащу не детские кубики складывать. Но дом и семью твою, ну и тебя самого, беречь будем крепче себя.

Яан Мугур наклонился вперед, кивнул.

— Теперь повтори еще раз, — предложил Пауль, — как выглядели те двое, с кем ты в лесу разговаривал, когда Пэтер на свой хутор шастал.

— Об одном не скажу, — Яан развел руками. — Он в стороне стоял, весь закутанный, похоже — бородатый. Молчал. будто язык прикусил. А второй, что говорил со мною. маленький такой, я его «лягушкой» про себя прозвал.

— За что?

— Лицо лупоглазое, рот кривится, тянет слова.

— Узнать его мог бы? Скажем, по фотографии.

— Дело в темени было. Но надеюсь. Узнаю.

С утра они выехали на ближний молокозавод. Заперлись с начальником отдела кадров, вызвали на подмогу командира отряда народной защиты, вместе пересмотрели учетные карточки всех работающих, но ни одна фотография не заинтересовала Яана Мугура.

— Дохлый номер, — присвистнул молоденький командир. — Почему ваш «лягушкообразный» должен непременно работать?

— Ему легальность для разъездов нужна, — разъяснил Пауль.

Кадровик вдруг предложил командиру:

— Ааду, отведите товарища Мугура в столярку... Это близко, за углом от нас. Помните двух «фруктов», что вечно крутятся у нас в проходной? Чем черт не шутит...

Пауль попросил, чтобы Яан понаблюдал за выходящими из столярки издали, с противоположной стороны улочки. Но через четверть часа вернулся Яан, непохожий на себя, расстерянный.

— Ааду уложили. Пулей в спину, а выстрела не услышал. В меня метили, Пауль... А я... живой. — Застонал. — Я его найду, Пауль, из-под земли найду этого квакающего.

Похороны Ааду устроили пышные, Яан рвался приехать. но Грибов запретил. «И вообще, — заключил он, — почему связник резидентов должен в этой волости сидеть, а не под Пярун или Хаапсалу? Где логика, улики, оперативные данные?»

А данные пришли недавно. Мугур как-то обмолвился, что «лягушка» просил Яана о всех диверсиях и героических действиях шайки с любой оказией сообщать на хутор Вихма или Мугура для хуторянина Ааво Вааро, а сам Вааро уж найдет способ получить эти сведения. Мюри проработал все возможные источники, чтобы найти хоть какие-нибудь све-

дения о Вааро, но во всем Выруском уезде человека с такой фамилией не обнаружил. И вдруг в уездный отдел поступил запрос от одного председателя сельсовета: в альбоме умершего соседа обнаружен военный снимок группы активных деятелей «Омакайтсе», на первом плане в военном мундире стоит хуторянин Арво Ваал. А сам Ваал уверял до сих пор, что с «Омакайтсе» дела не имел. Как поступить? Председателя попросили, чтобы он никому об этом деле не рассказывал. Мюри сразу же связал имя Арво Ваала с Вааро, предположив, что связник резидента, не очень доверяя Мугуру, нарочно искажил фамилию. Бойцы народной защиты взяли хутор под наблюдение. А Мюри, получив еще одно подтверждение, что нити банды сходятся в здешних местах, решил продолжить с Яном прерванный поиск.

Ян и на этот раз встретил Пауля в дверях домика:

— Мимо шагал или дело привело?

— Не имею я права тебя под пулю подставлять, — вздохнул Пауль.

— А имею я право забыть, — хрипло сказал Мугур, — что у командира отряда народной защиты двое сыновей растут без него? Он за меня полег, я за него его дело завершу. И не ищи больше ко мне «подходов». Так легче будет обоим.

— Идет! — согласился Пауль. — Съезжу в Сымерпалу и вернусь к тебе. Двое наших товарищей будут здесь круглоточно.

В Сымерпалу жила милая вязальщица Эрика Ярвекюлг, которая интересовала его отнюдь не своим рукоделием. В Эрике кипела глубокая ненависть к фашистским прихвостням, оборвавшим в войну жизнь ее отца и двух старших братьев-новоземельцев. Эрика была родом из-под Пярну, но оставаться на своем хуторе ей казалось невыносимым. Парт-орг волости, давний друг ее отца, помог Эрике перебраться в Сымерпалу. А так как здесь шныряли в то время банды лесных братьев, порекомендовал устроиться под девичьей фамилией матери.

Собственно, парторг и привел несколько недель назад Мюри к Эрике, сообщив, что найдет в ней смелого и верного помощника. Дело касалось молодой женщины, неискушенной в опасностях, но, переговорив с нею, Мюри проникся к ней доверием. В особенности утвердило его в решении опереться на Эрику в поисках путей к банде Рандметса одно событие. Они беседовали за кладбищем в Осула, в тени кражистых вязов, когда потянулась скорбная процессия детей, сопровождающих повозку с гробом. К Эрике подбежал один из мальчиков, вполголоса поздоровался.

— Тетя Эрика, мы провожаем своего учителя. Лесные братья требовали, чтобы учитель Пейтре рисовал и писал для

них какие-то листовки. Учитель Пейтре отказался, и тогда бандиты закололи его ножами...

Пауль тихо спросил:

— Почему именно к нему привязались бандиты?

— Кто его знает... Отец сказал, что Рандметс — бывший ученик учителя Пейтре.

В этот день Эрика сказала Паулю:

— Если ученик может вонзить нож в учителя, я готова жизнь отдать, чтобы такое не повторилось.

Эрика нравилась ему сдержанностью, прямоотой, скрытой волей.

Испросив согласия из Таллинна, Мюри подключил ее к операции. Домику Эрики предстояло стать на время явкой лесных братьев. Была «проработана» легенда об отце Эрики, якобы, утонувшем в путину, было прислано соболезнование от ее «брата» из Швеции, пущен по волости слух, что она демонстративно не продает своих вязаных изделий местным активистам. Однако из леса ее никто еще не навещал.

И вот — первая ласточка. Эрика переслала для Пауля весть: с ней хочет повидаться человек, которому она понравилась. В подкинутой ей записке встреча назначена у бывшего имения Сымерпалу между шестью и семью вечера, в руках у ее воздыхателя будет еловая ветка.

Пауль, уже не решаясь зайти в дом к Эрике, вызвал ее в сельсовет, дал несколько советов. В Сымерпалу был переброшен Эльмар Вьяртмаа, Пауль обрисовал Эрике его внешность, просил доверять.

А самому Паулю пришлось спешно возвращаться в Выру: нашлись двойники «лягушки». Капитан Мялло, к которому сходились сообщения добровольцев народной защиты, посоветовал лейтенанту начать с бойни и хлебозавода.

Процедура поначалу проходила стереотипно: в отделе кадров просматривались анкеты. На бойне Ян ни в ком не опознал лесного визитера. На хлебозаводе дело осложнилось: кладовщика, который интересовал уполномоченного по заготовкам (так представлял себя Мугур), не было. Он с утра чувствовал себя неважно и отпросился домой.

Поднимаясь к нему по узенькой деревянной лесенке и оставив внизу Яана Мугура и двух солдат, присланных Мялло, Пауль лихорадочно раздумывал, под каким предлогом вызвать кладовщика вниз, чтобы Ян мог его увидеть. Постучал в дверь, вежливо пояснил цель прихода: уточнить регулярность поступления муки. И все время изучал маленького спокойного человека, бесстрастно взирающего на посетителя. Эйно Цине извинился, что не может показать проверяющим ведомость поступлений, но если тот обратится к его помощнику Раймонду Пинну, Раймонд покажет. Пригла-

шение проехать на завод в машине отклонил из-за простуды. Паулю ничего не оставалось делать, как попрощаться. Взгляд его бесцельно обшаривал комнату и вдруг наткнулся на отогнутый уголок карты, которая была свернута в трубку и засунута между диваном и этажеркой. Этой секунды оказалось достаточно, он догадался, что видит перед собой «двухверстку». Такой картой Эстонии немцы снабжали все свои штабы. Цине перехватил его взгляд, криво усмехнулся:

— Она осталась от прежнего жильца, я снимаю комнату.

Не скажи он еще этой фразы, возможно, Пауль ушел бы. Но теперь в нем зашевелился червячок сомнения. Лицо же его выразило восхищение:

— Какая ценность! Давно мечтаю такую раздобыть. Вы позволите?

Нагнулся, поднял свиток, легким движением раскатал карту на полу. Он успел заметить следы булавочных наколок, определил расположение хутора Яана Мугура и едва заметную указывающую на него карандашную стрелку. Пауль перевел взгляд на Цине и увидел нацеленный на себя пистолет.

— Я давно ждал гостей, — по лягушачьему лицу Цине пошли белые пятна. — И вдруг проверяющий из столицы навещает на дому скромного кладовщика. Странно. Кроме того, молодой человек, на карту вы отреагировали профессионально. Я не ошибся?

— Нет, вы не ошиблись.

Пауль придвинул к себе табурет и стремительно метнул его в Цине. Прогрепевший выстрел заставил солдат ворваться в комнату в ту минуту, когда Пауль уже заворачивал за спину руки бандита. И вдруг Цине захрипел, тело его скрючилось и обмякло. Увидев надкушенный ворот рубашки, Пауль пробормотал: «Цианистый калий... Я просто невезучий...»

Вошел Яан Мугур, склонился над самоубийцей, кивнул:

— Он и есть.

— Обыскать комнату, — приказал Мюри солдатам, всмотрелся в фотографию. — На хлебозавод, Яан! Может быть, мы еще успеем.

Пауль вошел вместе с директором на склад за четверть часа до конца работы. Кладовщик, рослый, крепкий мужчина, с белозубой улыбкой и огромными тяжелыми, как молот, руками, приветливо встретил проверяющего, любезно предложил, что побеседует с приезжим утром, сейчас у него крайне важное свидание. «С женщиной», — даже подмигнул.

...На первых допросах, которые вели попеременно Аксель Мьялло и Пауль Мюри, Раймонд Пинн отрицал свою связь с Цине. И только, когда Пинну предъявили собственный

паспорт, доказали как дважды два, что на нем первоначально была проставлена фамилия не «Пинн», а «Пикк», что дома у него найден обрывок газеты с карандашной пометкой «Арво Ваал», — он начал, кружа и петляя, сдавать позиции, одну за другой. Да, он был партнером Эйно Цине, который в войну служил в карательных войсках немцев. Да, он знал, что тот работает на иностранную разведку, но на какую именно — не интересовался. Агента, которого Цине называл «господин Диск», встретил лишь однажды в поезде, когда передавал ему записку от Эйно. Как агент выглядит? Представителен, деликатен. Лицо? В повязке, какую при зубной боли надевают. Глаза маленькие, буравчики. Голос? Он не произнес ни одного слова! Что за странная кличка? Он интересовался как-то у Цине, тот сказал, что, наверное, взял ее в память о своем заведении с сомнительной славой. При чем тут Диск — не представляет.

Раймонд Пикк боялся говорить о банде Рандметса больше, чем об агенте: зверства Рихо при немцах, да и сейчас, были известны в волостях вокруг Выру. Следователи понимали, что он поведет их к бункеру, лишь убедившись, что часы жизни банды сочтены.

Тем временем события в Сымерпалу разыгрывались не менее стремительно. Эльмар Вьяртмаа передал Паулю, что Эрика Ярвекюлг, по его наблюдениям, вошла в доверие к посланцам Рандметса и уже снабдила их собственноручно связанными носками. Поодиночке или вдвоем лесные братья трижды посетили домик Эрики. Наконец пришло важное известие от Альберта Соосаара: один из его лесников по имени Каарел переведен на участок под Сымерпалу и уже с тревогой сообщил, что к нему являются бандиты и требуют спирт, бревна.

Вот тогда оперативная группа решила разом окружить три бандитские явки, отколоть от главаря его связников, при этом не только сохранив «неподмоченную репутацию» Эрики Ярвекюлг как «союзницы» Рихо Рандметса, но и создав ей легенду эстонской националистки и мужественного борца.

Грибов вместе с Мюри и Вьяртмаа возглавили окружение дома Эрики с намерением выследить связников; Игорь Анвельт взял на себя домик лесника, Аксель Мялло — явку на хуторе Арво Ваала.

Когда отделение солдат окружило хутор Ваала, раздался бешеный вой собак и звон разбитых стекол. Из окон в огороды выпрыгнули двое людей и, используя склон участка, начали скатываться вниз к реке. Для них здесь специально оставили «окошко», чтобы в ночном поединке на хуторе не задеть детей или женщин. Когда беглецы сочли себя уже спасенными, их настигли солдаты: один бандит, отстрелил

ваясь, был убит, второго захватили живым. Гладко прошла и операция в домике лесника, где поймали двух ночных визитеров.

Непредвиденные обстоятельства произошли у Эрики, подготовившей для связников батарею пивных бутылок и водки. И вот в предрассветной тьме двое бандитов и молодая женщина, распахнув дверь и распевая во все горло, бредут, шатаясь, к лесу. Чекисты оказались в сложнейшем положении. Проще всего было захватить всю тройку, но тогда прощай «легенда об отважной националистке». Нелепо было бы дать событиям развиваться естественным ходом — бандиты проспятся и легко заподозрят, что «режим наибольшего благоприятствования» им был создан милицией не без помощи Эрики. Грибов, Мюри и Вяртмаа сговорились, что придется имитировать сражение и гибель какого-нибудь милиционера от руки Эрики, а чтобы весть дошла до Рандметса из первых рук, отпустить одного связника. Бой был разыгран, как по нотам, Эрике вложили в руку нож и, на глазах связника, который показался менее пьяненьким, она ударила ножом одного из преследователей. Как потом Эрика призналась Паулю, она и сама не знает, как сумела замахнуть ножом, но помнит тихий голос Эльмара Вяртмаа, которому привыкла подчиняться: «Ударь же, ударь!»

Но ударил и Рандметс, националист коварный и мстительный. Неизвестные лица пытались прорваться в дом к Яану Мугуру под видом гостей, но были задержаны бойцами народной защиты, у «гостей» изъяли автоматы. Главарь остался с жалкой горсткой бандитов, которых уже не мог выслать даже на связь. Чекисты чувствовали, что наступает звездный час Эрики.

Но она получила лишь краткую записку, подброшенную в почтовый ящик с толстой пачкой сторублевок и золотым медальоном: «Рихо ценит твою верность. Если он будет жить, ты не пропадешь. Если через месяц не получишь от него известий, смело носи этот медальон. В нем самое дорогое для меня — материнский портрет. Обещай с ним не расставаться. В Таллинне тебя найдут мои друзья».

И пока разгадывали смысл этого уведомления, чекисты подбирались к последнему логову Рихо Рандметса.

Раймонд Пикк, он же Пинн, он же ээсовец и полицай Лахт, узнав, что десяток связников банды готовы ради спасения своей жизни выдать его, что примерные координаты бункера известны леснику, заявил о своей готовности повести к нему чекистов.

— Ты затеял комбинацию, — сказал Грибов Паулю Мюри, — тебе и главаря банды брат. Хорошо бы живьем, да

тот не сдастся, у него один конец — вышка. Завтра какое число?

— Двадцать восьмое.

— Значит, двадцать девятого возьмешь Рандметса. Между прочим, если придержимся плана операции, тридцатого приглашаю всю группу в Вырусский дом культуры — цирк на колесах, Ивар Йыги — акробат, эксцентрик, единственный в республике тройное сальто делает. Идет?

— Идет. После нашего тройного сальто легче будет оценить чужое.

Момент для окружения бункера выбрали самый что ни на есть удачный. Рандметс и его люди, лишённые почти всех связников и снабжения извне, вынуждены были предпринять отчаянную дальнюю вылазку за провизией. Ограбили магазин в Канеппи и убралась в свой бункер, не успев замести следы. Аверкиев сообщил Мюри, что в ночь на 29 октября его солдаты сидели буквально «на пятках» бандитов, но наткнулись на трудно проходимый лесной участок и ожидают уточнения «адреса».

— Группу поведет знаменитый Санников, — представил он веселого дерзкого на язык офицера. — Великолепно знает местность, обладает природной интуицией и быстротой реакции. Добавьте координаты, лейтенант, и считайте бункер взятым!

— Чтобы добавить вам координаты, — вздохнул Пауль, — десятки чекистов и сотня добровольцев из народной защиты работали полтора года. Адрес получите, товарищ капитан.

Пока проводилось оцепление местности, двигались к бункеру и чекисты. Двигались тремя группами. Проводником одной шел Раймонд Пикк-Пинн-Лахт. Проводниками двух других были лесник Каарел, хозяин явочного хутора Арво Ваал и трое схваченных бандитов. В случае, если при вхождении в лесной массив все три группы сойдутся, можно было считать, что все участники верно показывали путь.

Мюри взял под свой контроль Лахта, частые перепады его настроения внушали тревогу. Перешли вброд реку, пересекли заросли кустарника и повернули в лес. Мюри почувствовал вдруг нервную напряженность бредущего рядом Лахта.

— Вы думаете, что, если Рандметс ударит нам в тыл, он пощадит вас? — резко спросил Пауль.

Раймонд резко протянул руку к правой кромке леса. Через полчаса три группы встретились.

Санников доложил, что двойное оцепление леса и бункера завершено:

— Сами загнали себя в мышеловку, гитлеровские оборотни!

Предложение руководителя опергруппы Мюри сдать и бросить оружие утонуло в шквальном огне, открытом из ложбинки со стороны бункера. Бандиты отстреливались отчаянно, били из пулеметов, бросали гранаты. Санникова обожгло в плечо, он рассвирипел, попросил по рации «добро» на штурм бункера.

— Спроси у Первого, — ответил Аверкиев, имея в виду руководителя опергруппы, — может, ему главный обротень живой нужен.

— Живой он не выйдет, — Мюри разрешил кончать операцию.

Комья земли, раздираемой минометным огнем, взметнулись к кронам деревьев. Трое оставшихся в живых бандитов бросились кто куда. Последним со связкой гранат выбрался из лаза тощий, гигантского роста человек с перекошенным в страшной улыбке лицом.

Глубокой ночью 30 октября 1949 года завершилась длительная борьба чекистов с одной из опаснейших банд — опоры иностранных разведок в Эстонии.

В поселок Вериора, где чекистам был подготовлен ночлег, они вернулись под утро. Грибов подробно расспросил, не найдено ли в одежде убитых бандитов или вокруг бункера записки, знаков, указывающих на связи с резидентом иностранной разведки. Но только в кармане полущубка Рандметса, в полуобожженном спичечном коробке, Мюри обнаружил лоскуток афиши с извещением о концерте для работников леса в Вырусском доме культуры 30 октября. Можно было предположить, что обрывок афиши послужил бандитам для закрутки.

Грибов сдержал слово и повел товарищей на концерт. К тому же опергруппа получила свободный день. Вместе со всеми шумно аплодировали столичным певцам, музыкантам. А когда на маленькой клубной сцене появился веселый человек с ярко-оранжевой копной волос и продемонстрировал свое знаменитое тройное сальто в воздухе, в зале раздались грохот, шумное одобрение, крики «Еще, Ивар!»

Ивар Йыги закончил свое выступление каскадом разнообразных фигур в партере и воздухе. Разгримировался, отправился в местную школу, в которой приедем артистам отвели класс под ночлег. Взял у школьной уборщицы ключ, спросил, не интересовался ли им кто-нибудь, нет ли для него письма.

Через несколько дней он возвратился вместе с концертной бригадой в Таллинн. Поднялся в свою крошечную квартиру на улице Сяде. Просмотрел свежую почту, ничего нового для себя не нашел. Подсел к маленькому столу и набросал: «Улыбка — Бриджу. Выступление в Выру прошло очень

хорошо. Огорчило отсутствие среди зрителей вальщиков леса с дальних делянок. Они навсегда потеряны для искусства. 1949, осень».

Вышел из дому, лениво продефилировал по улицам Нижнего города и углубился в кварталы небольших деревянных домов. Толкнув чуть слышно пискнувшую калитку, направился к флигелю.

В маленькой прихожей его встретил крупноголовой, чисто выбритый человек в больших роговых очках. Он пожал гостью руку и завел в свою комнату, большую часть которой занимал огромный письменный стол, заваленный книгами и бумагами.

— Что нового, господин Йыги?

— Все по-прежнему, господин Суве. Вернулся из Вериора... Хозяин сдвинул брови.

— Я много раз просил не называть меня так.

— Пардон. Но когда приезжаешь в провинцию и вместо встреч с нужными тебе людьми слышишь стрельбу и разговоры о покойниках, можно и обмолвиться, господин Яласто. Вы замечаете, какой бы адресок вы мне ни вручили, жившие по этому адресу люди выбывают на кладбище. Я начинаю думать, что вы принимаете меня за прозектора или взломщика гробов.

Хозяин квартиры медленно набил трубку табаком, умял его.

— Вот как? — наконец отозвался он на сообщение Йыги. — И вы уверены, что все они переселились в вечность?

— На девяносто девять процентов уверен, — ответил Ивар.

После затянувшейся паузы хозяин любезно заметил:

— У меня для вас припасена и приятная новость, господин Йыги. На сей раз вы получите адрес, откуда жильцы столь быстро не выбывают. Наши общие знакомые сообщили, что крайне заинтересованы в привлечении к делам фирмы вашей довоенной невесты. У нее богатые связи в министерских кругах и вообще... Вам придется возобновить с нею контакты. Надеюсь, я порадовал вас?

— Невеста? — улыбнулся Ивар, и его озабоченная маска на лице вдруг уступила место лукавству, едва сдерживаемому смеху, из пронзительно зеленых глаз заструились веселые огоньки. — У меня их было две, мой старший друг. Какая же из них привлекла внимание наших общих знакомых?

— Эстер Тийвел. Ее дача находится в Пирита, и большую часть года она проводит там. Первый визит к ней мы нанесем вместе. Вы представите меня как родственника.

Ивар дал волю смеху. Яласто изумленно смотрел на него.

— Эстер Тийвел! — слова с трудом пробивались сквозь

одолевший акробата хохот. — Невеста клоуна... Ха-ха... Предпочла коммерсанта... Хо-хо... Страсть как любит знаменитости... Мы непременно к ней съездим оба, любезный господин Яласто.

Его собеседник пожал плечами, склонился над записной книжкой. В ту же секунду смех слетел с лица Ивара Йыги, взгляд блеснул металлом.

Первый раз за много дней он не смог уснуть. Не подействовало и снотворное. Встал, набросил на плечи халат, сел за стол. С ленцой вывел несколько фраз: «Улыбка — Бену-младшему. Из Эстонии. Надеюсь, Бридж передает Вам мои приветы. Антракты означают, что партнер в застолье (радист) не гурман (слабой квалификации). Путевые наблюдения. В мире прекрасного побеждает общепринятый метод. В пьесах А. Якобсона интеллигенты разоблачают друг друга, у А. Хинта рыбаки разоблачают бывших владельцев промыслов. Мои планы. Наносить визиты невесте для встреч с интересными людьми и вкушения блюд английской кухни, которая навсегда и притом бездарно потеряла своего багрового повара (Тыниссона)».

Перечел, хотел уж было нырнуть в постель, задумался и снова взялся за перо: «Улыбка — Дедушке. Срочно сообщите все данные моей довоенной невесты Эстер Тийвел. Дизайнер. Таллинн, Пирита. Особенно о деятельности в период войны. Эстония, осень 1949».

Версии и легенды

— Два с лишним года испытанные чекисты бьются над разгадкой этих таинственных планетных чертяк и дисков, а просвета не вижу.

Полковник Дмитрий Таевел, проводивший оперативное совещание сотрудников отдела, поглядывал то на подчиненных, то на лежавшее перед ним распоряжение министра.

— Что, у этой Тесьмы или Диска — проколов нет? — с досадой спросил он. — Есть у кого-нибудь своя версия, хотя бы о происхождении кличек? Грибов, Мюри!

Пауль покраснел. У него сложилась версия. Но вот метод ее проверки, который чекисты окрестили «ложной миной», казался ему схожим с уловкой забывчивого школьника, подменяющего умножение двух цифр их многократным сложением. Чтобы не вызвать смеха товарищей, он начал с примет резидентов.

— Больше всего мы знаем о Диске. В триумвирате шпио-

нов, судя по перехваченным шифровкам, он занимает самое подчиненное положение. Маневрирует между Выру и Таллинном. У него хорошие манеры, представительен. Кличка, по словам Лахта, связана с сомнительным заведением, которым он когда-то владел. Я уже расспрашивал старых таллиннцев, не помнят ли они владельцев таких заведений, — в комнате грянул смех, и Пауль запнулся. — Пока данных нет.

После небольшой паузы он продолжил:

— Есть еще две косвенные улики. Хотя не знаю, о чем они говорят. Рандметс — помните его спичечный коробок? — заинтересовался концертом в Выру. Может быть, стоит кое-кого в доме культуры просветить рентгеном. — Собравшиеся знали, что это любимое выражение министра. — И еще одна наводка на цель: обещание Рандметса, что его друзья помогут Эрике Ярвекюл. Но, увы, адресами в Таллинне ее не наблюдали. Придется ждать случая. А чтобы нам не тянуть за хвост только одну версию, я предлагаю оттолкнуться от клички Тесьма и кому-нибудь побродить по кружевным, пошивочным и прочим дамским ателье.

Все понимали, что в его предложениях главная роль отводится случаю.

— Нет, нет, — сказал Белянин. — На случай надеяться нельзя!

— Разнести любое предложение и я умею, — обронил Таевел. — А вы предложите, Белянин. Лейтенант вот не побоялся и предложил. Сразу говорить «нет» не хочу. Попробуйте обосновать, Мюри, свой план не одной ссылкой на случай. Есть ли у вас на примете кандидат для вхождения в мир дамского конфекциона?

— Пока нет, товарищ полковник. Но, видимо, будет, как только завершим трудоемкую операцию «Мнимые англичане».

— Жду. Но независимо от развязки «Мнимых англичан» вам придется с Эльмаром Вяртмаа выполнить поручение генерала и собрать все возможные данные, — склонился к своему блокноту, перевернул страничку, — об Эстер Тийвел. Все свободны.

Операцией «Мнимые англичане» руководили в эти февральские дни 1949 года Пастельняк и Грибов. Целью был разгром в Пярну-Яагупи группы лесных братьев, пытавшихся выйти на английскую разведку. То были изошренные садисты и грабители. Главарь банды Жигурс-Румянцев был младшим сыном врангелевского офицера. Его отец в свое время бежал в Париж, позднее женился на владелице скорняжного ателье в буржуазной Эстонии. При немцах Жигурс-Румянцев служил в гестапо. Он заработал даже у своих

хозяев, мастеров пытки, кличку «Виртуоз петли». Позднее в звании штурмбанфюрера СС возглавлял карательный батальон. С приходом Советской Армии сколачивал в лесах из остатков эсэсовских офицеров бандитские группы, вырезал свастику на коже захваченных им новоземельцев. Тыниссон-Багровый тоже был свиреп до осатанения. В банде считался идеологом. Владелец крупного кулацкого хозяйства под Выру, он еще в сороковом бежал в Германию. Вернувшись в войну в Эстонию, громогласно именовал себя «геббельсовским советником по переориентации эстонцев». Он служил при генеральном комиссаре Эстонии Лицмане, оставил после себя сотни трупов в Выру, Тарту, Пярну. Сбежать за море не успел и присоединился к Жигурсу-Румянцеву. Он пытался составлять воззвания к крестьянам, изображая себя в глазах Запада министром пропаганды лесного братства.

Теперь эти самовлюбленные лжеминистры и помешанные на разбое «идеологи» получили аудитории в 10—15 человек. Их «лекционные» часы были сочтены, что вызвало острое беспокойство в некоторых спецслужбах Запада. В начале февраля 1949 г. чекисты перехватили директиву ответственного сотрудника «Интеллидженс сервис» Скотта, явно адресованную своей эстонской агентуре: «Из Лондона. Архиепископу К. Стокгольм. Убедите свою паству и ее Планетного Гостя спасти пярнуских отроков (Жигурса-Румянцева и Тыниссона-Багрового) либо незамедлительно найти им на смену новых проповедников, способных отстоять веру словом и мечом. Скотт».

Бандиты были обложены, но чекисты считали необходимым отделить хуторян, шантажом и угрозами заманенных в банду, от группы эсэсовцев. Удалось разыскать сельскую учительницу Альвине Лауба, муж которой Артур, вероятно, не думал не гадал, что окажется среди функционеров СС. К ней направили Пауля Мюри.

Альвине Лауба оказалась молодой женщиной, рослой, хорошо сложенной, в фигуре которой угадывалась многолетняя привычка к физическому труду. Выросла она в семье среднего достатка на хуторе близ Выру. С молодых лет всегда тянулась к знаниям. Шла в школе первой ученицей, легко усваивала языки. Она сумела окончить учительскую семинарию и с увлечением преподавала в начальной школе. Приняв предложение агронома Артура Лауба выйти за него замуж, Альвине в сорок шестом переехала к нему на хутор вблизи Михкли. Детей своих у молодых супругов пока не было.

Все шло хорошо, пока в доме не появились чужие люди и не пригрозили Артуру расправой, если он не снабдит их мясом и

хлебом. Боясь за жену, стариков-родителей, Артур достал лесным братьям продукты, которые те ночью забрали. Вернувшись вновь, они поняли с первых же слов агронома, что он им не помощник. Тогда они заявили, что их главварь Жигурс-Румянцев располагает материалами, которые могут вызвать у властей интерес к Альвине. В годы войны у нее якобы были какие-то дела с капитаном Тибером. Артур разительно переменялся. Он стал угрюм, объяснений с женой избегал, на его веснушчатое лицо упала тень тревоги. Не очень понятная угроза «Виртуоза петли», видимо, вынудила Артура пойти на сделку с совестью. Запутавшись в одной комбинации по расчету с лавкой, получив вызов из милиции. Артур попрощался запиской с родными и ушел с бандитами в лес. «Я все вынесу, — писал он Альвине, — я не вынесу только твоих страданий».

Беседа с Альвине, Пауль почувствовал в этой немногословной женщине сильную волю, а также способность понять те причины, что загнали ее мужа в лес. Но она не спешила раскрываться перед незнакомым человеком. Пауль при первой же встрече четко объяснил, что его цель — вывести из-под удара крестьян, насильственно втянутых в банду, а уже затем — ликвидировать эсэсовское гнездо. Альвине загадочно улыбалась, изредка кивала, соглашаясь с собеседником, — и только.

Пауль ушел раздосадованный. Но к следующей встрече с молодой учительницей подготовился основательно.

— Вам говорит что-нибудь имя Йоханнеса Пайзо? — сразу же спросил он. — Нет? А командира партизанского отряда Юку по прозвищу Тулеохтлик (Огнеопасный)?

На губы женщины набежала улыбка.

— И отлично, что вспомнили, — бодро продолжил Пауль. — Юку стал инженером, сейчас он отдыхает с семьей на Черном море. Наши товарищи с ним созвонились, Юку тоже отлично помнит вас и то, как вы помогли отряду расправиться с каким-то гитлеровцем. За что вы ненавидели того типа?

— Спросите у холма Мялестусмяэ! — вырвалось у нее. — У яра за нашим хутором! Земля там долго еще шевелилась после того... Капитан Тибер был правой рукой начальника вырусского «Омакайтсе» и префекта полиции. Тибер был среди них самой хитроумной ищейкой и изобретателем самых страшных пыток.

— Я не знаю, чем напугал Жигурс-Румянцев вашего мужа, — задумчиво произнес Пауль.

— До Румянцева эта история дошла так, как о ней знали в нашей волости. Шла молва, что я была в близких отношениях с этим Тибером. А Тибер заезжал на наш хутор чаще.

чем на другие, потому что связал мою девичью фамилию с одной богатой семьей, она тоже из Вырумаа. У них в роду дипломаты, фабриканты, разные политические деятели. Одного даже, я слышала, Петроградский ревтрибунал судил. Поначалу для нас это было спасением. Тибер устроил так, что нам надо было сдавать меньше норму, не должны были ходить на лесоразработки. А потом он стал требовать от нас разных сведений, чтоб мы шпионили за соседями, сообщали, у кого родные в Красной Армии. Это стало невыносимым. Я разыскала партизан.

— Но Румянцев думает, — быстро добавила Альвине, — что я была обвенчана с Тибером. Мы и впрямь разыграли с Юку такой спектакль, чтоб изловить эзэсовца. Только невесту сыграла не я, а моя подруга, к которой вязался Тибер. Может, этим Румянцев и пронял мужа. — Вздохнула, неприятно смахнула слезу. — Теперь вы все знаете.

Они долго молчали.

— Какая же ваша девичья фамилия? — спросил, наконец, Пауль.

— Вессарт, — пояснила она. — Среди тех Вессартов, у которых в роду знать, тоже была Тийу, как и моя мать, и был Густав — тезка моего отца. Дома иногда подшучивали, что нам по ошибке может перепасть их наследство. Нет, не перепало.

Пауль пошел к двери, обернулся:

— Мне нужна ваша помощь, Альвине. Спешно. Если вы хотите, чтобы Артур был дома...

И столько убежденности было в голосе молодого офицера, что женщина растерялась. Встала, подошла к комоду, потом резко обернулась и сказала задорно:

— Ладно. Говорите. Как я могу вам помочь? Я справлюсь.

Она вывела из леса Артура и еще двух хуторян. Они сообщили точное расположение бункера. Артур даже зарисовал все подходы к нему.

Как ни пытались Грибов и Мюри с помощью этих людей установить связи главаря с иностранной разведкой, не получилось. Клички Планетный Гость или Диск при них не назывались. Зато Артур вспомнил один разговор Тыниссона с Румянцевым. Однажды, полагая, что в бункере, кроме них, никого нет, Тыниссон достал из кармана фотографию и гордо заявил: «Для него живу, Жигурс. Мой мальчишка. Мать — красивейшая актриса. Наши определили сына в лучший пансион Швейцарии. И мой счет перейдет к нему. Но если надуют Ребане и Торма...» Тыниссон скрипнул зубами, умолк.

...В ночь на 27 февраля вызванные для оцепления солдаты и члены оперативной группы во главе с майором Грибовым

вышли на укутанную сугробами извилистую дорогу Пярну-Яагупи — Михкли.

Прижатая к непроходимому болоту, банда лесных братьев нашла себе бесслышный конец. В нагрудном кармане тыннисо-новского мундира был обнаружен обгоревший портсигар, а в нем чудом уцелевший снимок мальчишки, на обороте которого был девятизначный номер.

...Лейтенант Мюри представлял свою новую помощницу Альвине Лауба заместителю министра и руководителю отдела:

— Товарищ Лауба готова помочь нам в поисках резиден-туры спецслужб Запада.

— Альвине Лауба, — поспешил пояснить Мюри, — урож-денная Вессарт. А дипломата и шпиона Вессарта в двадцать втором году судил Петроградский ревтрибунал. У меня целая тетрадка выписок из «Петроградской правды» и «Красной газеты» того времени. Разрешите привести только одно место.

Перехватил одобрительный взгляд Пастельняка, извлек из планшета школьную тетрадь, прочел: «Органы государ-ственной безопасности разыскали представителя Эстонского генштаба, шпиона и спекулянта А. Вессарта, выполнявшего поручения начальника охранной полиции Альвера, в петро-градском кафе «Черный кот». У арестованного были найдены три документа: сведения о состоянии воинских частей вдоль финляндской границы, указания имен нескольких воен-начальников и сведения о расположении стрелковой диви-зии. Арестованный Вессарт во всем сознался и на свет выплыл целый легион шпионов...»

— Вы в родстве с этим Вессартом? — после некоторого молчания спросил заместитель министра.

— Никак нет, — ответил за Альвине Пауль. — Но их родство мы легендируем. Составлена легенда и о дружеских связях Альвине Лауба-Вессарт с деятелями «Омакайтсе». Наконец, кто сможет опровергнуть то, что в ее доме побывал как-то Тыниссон-Багровый и в знак доверия к Альвине оставил ей фотографию своего сына.

— Все у вас просто получается, — ворчливо отозвался Пастельняк. — Вошел к ней в дом, расчувствовался, видите ли, снимок сынка преподнес...

— На хранение отдал, — предположил Пауль.

— С каких же это радостей? Нет, лейтенант, Запад рвет и мечет по поводу потери своего «багрового кадра». Его эмиссары сто раз взвесят вашу версию. Извольте прочесть вслух, раз любите это занятие, свежую директиву одного из них своему эстонскому партнеру. — Протянул ему сообще-ние. — И товарищ Лауба пусть выслушает. Наша служба

опасная, уважаемые мечтатели.

Пауль читал быстро: «Для Тесьмы. Склоняю голову в память о Багровом. Немедленно ответьте ударом в окрестности под Пярну и Выру. Тщательно исследуйте Вессарт вплоть до метода лечения Жанны д'Арк. Не упустите потенциально ценный кадр, годный для взрыва изнутри батальонов народной защиты. Планетный Гость».

— Метод лечения Жанны д'Арк — это что? — несмело спросила Альвине.

— Огонь, пытка, допрос с применением уколов, — они на все способны. Не одну спецшколу у нацистов прошли, — жестко пояснил Пастельняк и испытующе спросил: — Может быть, не будем продолжать?

— Будем, — Альвине раскраснелась от волнения.

— И ты того же мнения? — спросил Пастельняк у Пауля.

— Вас смущает, товарищ полковник, — произнес вместо ответа Мюри, — что Тыниссон доверил Альвине свою, что ли, тайну? А кому было ее доверить? Тыниссон чувствовал, что конец близок.

— погоди, погоди, Мюри. Зачем ему кому-то что-то доверять? Ну, сгорела бы карточка вместе с ним.

Вот когда Пауль до конца раскрыл свою догадку:

— Он не только карточку доверил. Он доверил Альвине номер своего банковского счета в Швеции или в Швейцарии — по цифрам на обороте снимка это не сложно определить. Тыниссон хотел, чтобы Альвине напомнила его западным патронам об их обязательстве перед его сыном. Кому же было и довериться, как не своей связной, да еще женщине с учительским образованием?

— А если это просто какое-то другое число? — после раздумья спросил Пастельняк. — Мало ли что еще... Телефонный номер...

— Товарищ полковник, — вытянулся Мюри. — Вы сами в своей жизни риск не исключали...

И снова в комнате повисло молчание.

— А вы оба не перегибаете палку? — осведомился, наконец, Пастельняк. — Вы что скажете, товарищ Лауба? Кстати, как у вас с иностранными языками?

— Владею немецким, английским.

Он бегло спросил ее о чем-то по-английски, столь же легко она ответила.

Отпустив Лауба, Пастельняк попросил Мюри задержаться.

— С Вессарт ты придумал отлично. Где выкопал эту историю?

— Лауба рассказала. Потом попросил в Ленинграде в газетах поискать. И повезло.

— Так вот, Мюри, — предупредил уже строже заместитель

министра. — Здесь тебе повезло. Но дальше фантазию свою обуздывай. Враг не дурее тебя и каждую нашу придумку сто раз выверит по разным каналам. Я доложу генералу, окончательно пусть он решает, а пока помогай Вяртмаа.

Эльмар ввалился домой к Паулю ночью, сбросил с себя пальто, вытянул из петлички пиджака цветок, зашвырнул его в угол.

— Осточертело, Пауль, — объяснил он приятелю. — Третий день вожу по ресторанам и паркам эту художественную натуру Эстер Тийвел.

Он заходил по комнате чем-то раздосадованный.

— О женихах — ни звука. Придется теперь тебе, Пауль, заявиться к ней. Предлог найдешь.

— Я что-то не знаю такого предлога, чтобы ни с того ни с сего женщина начала исповедываться в своих женихах...

Эстер Тийвел приняла молодого визитера в своей мастерской, из окна которой открывался вид на руины монастыря святой Биргитты. Эстер, сохранившая в эту морозную пору темный загар, яркая шатенка со слегка выпуклыми глазами, придававшими ее лицу выражение легкого удивления, и в самом деле удивилась:

— Кто у нас бывал? Зачем вам это, товарищ... товарищ...

— Пауль Удрас, — представился Мюри и быстро добавил: — Я хочу помочь, мадам, или простите, мадмуазель Тийвел, больному человеку. Он прикован к постели. Разыскивает своих университетских друзей. По его словам, встречался с ними в этом доме...

...Вернувшись к себе и встретив вопросительный взгляд Эльмара, Пауль отчитался о своем визите:

— А она сразу прониклась сочувствием к больному. Мы перебрали гостей трех поколений. Дом этой семьи был полон друзей. Как говорят, открытый дом. Она не употребляла слова «жених», но дала ясно понять, что по крайней мере три человека до войны были ей особенно близки. Один из них — архитектор Отто Сангел, второй — врач Калью Ояла... А третий — ты ни за что не угадаешь — Ивар Йыги, которого мы с тобой видели в Выру. Тройное сальто.

— А теперь я возьму реванш, — сказал Эльмар. — Удалось очертить круг знакомых Эстер. Между прочим, люди с положением, один референт министра, другой — заместитель начальника управления сельхозкооперации. Тоже Сангел.

— Не намекай на утечку информации через Эстер Тийвел, — запротестовал Пауль. — По-моему, у нее вполне советские взгляды на жизнь. А как связать твои наблюдения с тем, что во время оккупации Эстер Тийвел послала к черту приглашение главного директора марионеточного само-

управления? Мяз надумал ее привлечь к оформлению театра по случаю дня рождения фюрера. Согласись, такой отказ мог кое-что повлечь за собою...

Просматривая через несколько дней донесения подчиненных, генерал Кумм с интересом задержал в руке один рапорт, обвел несколько абзацев красным карандашом, попросил сидевшего в кабинете Пастельняка:

— Павел Пантелеймонович, вызовите ко мне начальника контрразведывательного отдела. Широко мыслят наши молодые товарищи, широко... За какую-то неделю сделали для нас не только словесный, а я бы сказал, идеологический портрет интересующей нас Эстер Тийвел. И женихов ее превосходно описали.

Отложил рапорт, что-то вспомнил:

— Как там ваша подопечная Лауба-Вессарт?

— Появляется в Таллинне. Круг объектов пока сужен. Дома подруг, школы, несколько дамских салонов. Результаты пока нулевые.

— И нуль — цифра, — со значением сказал министр. — Кроме того, вашу подопечную инорезидентура уже заметила. Только что перехвачено очередное донесение Диска к Тесьме. Одна фраза звучит так: «Нас разыскивает якобы посланная ушедшим от нас Багровым Лауба-Вессарт, она же племянница осужденного Петроградской губчека Вессарта. Жду инструкций».

— Быстро сработали, — развел руками Пастельняк.

— Ну, раз она для них Племянница, — предложил генерал, — будем ее называть Переводчицей. Как-никак двумя языками владеет. И еще, Павел Пантелеймонович, уточните у редактора «Советской Эстонии», я слышал, они собираются изложить дело шпиона Вессарта в Петрограде. И в вырусской газете собирались об этом писать. Нас интересуют сроки и характер публикации. Возможно, статья и нам сослужит пользу.

Боец народной защиты

У Альвине не выходило из памяти побелевшее лицо Артура, его расширенные зрачки в минуту их прощания. «Я и не знал, — глухо сказал он, — что моя жена... в общем такая сильная». «Имей в виду, — предупредила она, — тебя могут проверить и проверят. Теперь от твоей силы и выдержки зависит моя жизнь. Повтори, как ты вылез из окружения».

Легенда была проработана тщательно, ее рассматривали со всех сторон опытные контрразведчики, «прокол» нахо-

дили лишь в том, что хутор, который велел поджечь Тыниссон-Багровый, «загорелся» двумя днями позже ликвидации банды. Но решили, что кто захочет убедиться в факте поджога и обнаружит обугленную овчарню, не станет уже скрупулезно сверять даты.

Формальным поводом для приезда Альвине Лауба в Таллинн явился месячный семинар учителей начальных школ, на который уезды направили своих лучших педагогов. План для Альвине был разработан тщательный. Семинар, визит к одной из подруг, по дороге — два-три магазина, и только. Где можно — пояснять, что она из Михкли. Изредка интересоваться, разрешается ли наследникам владельцев иностранных вкладов переводить последние на свое имя.

Проходил день за днем, ее не примечали. В дамских ателье Альвине начала подавать небольшие реплики с обязательным зачином: « Михкли не Париж, но и у нас хотят модно одеваться». Название местности, которое из-за недавних налетов Тыниссона-Багрового и Жигурса-Румянцева в эти дни было у всех на устах, пугало и настораживало.

Пауль, заглянувший в поздний час в общежитие к Альвине, подбодрил ее, объяснил, что не следует ожидать от противника немедленной реакции.

— Апрель уже звенит в воздухе, — тоскливо протянула Альвине, — мои ребята диктанты должны писать, яблоны на хуторе подкормки просят, а я по Таллинну брожу, будто странница...

— Бродите, любуйтесь таллиннской стариной, — сочувственно сказал Пауль. — Завтра приезжает из отпуска мой друг Мати. Вы будете держать с нами связь через него.

Пауль не добавил, что у Мати в друзьях добрая половина молодых продавцов, кулинаров и обслуживающего персонала кафе и закусочных столицы, куда он полтора года назад, еще до прихода в органы безопасности, был переведен на комсомольскую работу. В задуманной операции это немаловажный фактор.

Сведения от учительницы по-прежнему поступали неутешительные. Никто к ней интереса не проявлял. Не зная, куда себя деть, она начала заходить в музеи. Апрель выдался ветреным, много по улицам не походишь.

Принеся Паулю очередной отчет, Мати однажды сказал:

— Сегодня один пижон тянул глинтвейн, а сам глаз не сводил с учительницы — она пообедала в «Лайне».

— Пижон мог пялить глаза от пустого любопытства, — охладил его пыл Пауль.

— А мог и по заданию.

Пастельняк вызвал к себе Мюри:

— Звонили из Выру. Завтра в газете появится статья о

деле Вессарта и уроках из него. Нельзя ли нам извлечь из этого побольше пользы?

Комбинировали, прикидывали так и этак, но сошлись на том, что придется ожидать ответного шага противника.

— Эх, проследить бы нам, кто ухватится за этот номер! — помечтал Пауль.

Анвельт задумчиво сказал:

— Многое вертится вокруг Ратушной площади. Люди Рихо Рандметса, напившись, болтали, что коронуют Эрику на Ратушной площади... Обед в «Лайне», где учительницу, по данным Паоранда, фотографировали... Мы могли бы оставить одну газету у гардеробщика в «Лайне», вторую — на прилавке аптеки магистрата... Там всегда полно людей. Проследить путешествие номеров газеты будет трудно, но возможно...

На другое утро Эльмар Вьяртмаа уже вернулся с несколькими экземплярами районной газеты. Статья была написана так, что можно было предположить: Альвине Вессарт имеет отношение к нечистым делам своей родни.

К вечеру были получены первые данные о странствиях газет. Экземпляр, который лежал на стойке у швейцара в кафе «Лайне», попал в руки музейного сторожа, но, по всем данным, этот человек далек от политики. Номер, что был в аптеке, взяла пожилая уборщица. Фармацевту показалось, что у женщины в руках был пакет с сельдью, и ей явно нужна была более надежная обертка. Уборщицу еще предстоит разыскать.

Мати уже не хвалился своими наблюдениями, строго придерживался фактов:

— Целый квартал за нашей подопечной вышагивал весьма respectable гражданин с толстой тростью.

— Respectable, наверное, вдовец и ищет для горчичников и утюжки штанов невесту, — предположил Пауль. Но ему и самому хотелось верить, что лед тронулся.

Однако их обвели вокруг пальца. Мати ворвался в отдел запыхавшийся:

— Пауль, ты куда ее не отсылал? Ее нет ни в общегитии, ни в центре... Я сам наблюдал, как она вошла в подъезд школы, где у них семинар. До часа дня ни одна слушательница не показывалась...

Через час они сидели вчетвером — лейтенанты Мюри, Вьяртмаа, капитан Анвельт и старшина Мати Паоранд — колдуя над картой Таллинна.

— Я успел побывать в общегитии, — доложил Эльмар, — у слушателей семинара первое занятие сорвалось, заболел лектор. Двором они перебежали в соседнее кафе.

— Или нам очень повезло, — предположил Анвельт, — или

Лауба сейчас в большой беде.

— Боюсь, что и одно и другое соседствуют, — Пауль был непохож на себя, обеспокоенный, настороженный.

Стремительно разворачивалась пружина оперативных мер в борьбе за Альвине Лауба.

К концу дня группа подводила первые итоги поисков. Игорь Анвельт, недовольный собой и всеми, сообщил, что нашел школьную уборщицу, она сидела с вязанием у окна. В ворота въехала легковая машина и остановилась возле молодой женщины, одетой не по дождливой погоде, в одном костюме. Из машины вылезли два пассажира и заговорили с учительницей. Та уселась с ними в машину, вроде бы без всякого принуждения. В марках автомобилей уборщица не разбирается, эта была темно-синего цвета.

— Там есть вторые ворота, — Мати был бледен. — Провели меня. И лектор заболел некстати...

— А те и про лектора, и про вторые ворота знали, — обронил как бы невзначай Грибов.

— Из ресторана в Кадриорге, — докладывал Мати, — до меня дозвонился официант и сказал, что двое посетителей угощали обедом учительницу. Ее фото я показывал. Все трое уехали на синей «эмке». Номер машины «РР 26—62». Официант еще слышал, что водитель хотел заправиться, а второй остановил его и сказал, что хватит им и того бензина, что в баке.

— Ну, ты и даешь, Мати! — не удержался Эльмар. — То промах, то «в яблочко». Это же ценная новость!

— Очень серьезный вопрос, — остановил его Анвельт, — надо ли их сейчас ловить.

...А пока велся этот оперативный поиск, Альвине Лауба переживала, может быть, самые трудные часы в своей жизни. Людей, которые подъехали к ней на машине, она никогда раньше не встречала. Парень, модно одетый, с лицом, тронутым оспой, голова у него была насажена на удивительно длинную шею и напомнила качающийся горшок на коле изгороди, Альвине его почему-то сразу прозвала «Качалкой». Второй — несколько постарше, с рыхлой и дряблой кожей, под шляпой ни волоска: «Лысый», — сказала себе Альвине, в ту минуту она еще могла шутить. Лысый больше слушал, задавал вопросы Качалка.

— Госпожа, — вежливо спросил он, — вы из Михкли, не так ли?

Она подтвердила, Качалка попросил ее назвать себя, объяснить цель приезда. Слушал, вертел головой, будто ненароком спросил, зачем она интересуется частными вкладами в иностранных банках. Альвине пожалала плечами, в свою очередь спросила, принято ли в столице так расспрашивать каждую

приезжую. Наконец вмешался Лысый, печально сказал, что за местечком Михкли погиб его большой друг. Не знала ли его дама из Михкли?

...В паузе между блюдами он выложил на стол пачку снимков, спросил, не найдет ли госпожа Лауба среди заснятых лиц их общего друга. Карточка Тыниссона была десятилетней давности, но его оттопыренные уши, маленькие бурявщие глаза Альвине узнала сразу.

— Теперь расскажите мне все о последних днях Тыниссона-Багрового, — предложил Лысый, — и о том, что его связывало с вами.

Легенда задвигалась, заиграла. Альвине передала все так, как ее учили, но Вессарта придержала на закуску. Она видела, что сомнения их не рассеяны, что они не очень понимают, почему этой сельской простушке Тыниссон доверил свои последние мысли и надежды. И тогда пошли в дело хутор, «подожженный» ее мужем Артуром, ее «дядя» Вессарт, расстрелянный в Петрограде, ее «близкий друг» по Выру в годы пребывания здесь немцев руководитель «Омакайтсе» капитан Тибер, которому она помогала в розыске советских активистов.

— За что вы невзлюбили Советы? — тихо спросил ее за обедом Лысый.

— Я учительница, — так же тихо сказала она. — Я не хочу учить детей русскому языку и биографиям баррикадных героев. Я — эстонка, понимаете?

Когда они перешли к десерту, снова заговорил Качалка:

— Допустим, мы поверим вам. Но не странно ли, госпожа, что после всего случившегося власти доверяют вам?

— Учитель начальной школы — что за пост? И вот что я вам еще скажу, господа: если не приспособливаться к режиму — как прикажете жить? Снова в лес? Леса себя изживают. Уж лучше я буду учить наших юных эстонцев эстонскому языку. Вы со мною согласны, господа?

Кажется, они были согласны. И попросили уважаемую госпожу Лауба-Вессарт стать гостьей их близкой родственницы госпожи Эвы Мартсон, пока они обсудят все услышанное и решат, как могут использовать силы и знания ее и мужа.

— Охотно, — сказала она. — Только достаньте мне какую-нибудь справку для семинара.

Пауль потом уверял, что более сильного хода с ее стороны придумать было нельзя.

Снова они в машине. Лысый любезно попросил разрешения у учительницы завязать ей глаза до входа в дом госпожи Мартсон. Снял с нее повязку, когда они, поднявшись по лестнице, вошли в комнату. Она осмотрелась: окон нет, один

диван и одно кресло, в котором восседает темноволосая женщина с седой прядью, не старая и не молодая, с властным надменным лицом, сильными, длинными руками. Женщин знакомят, и спутники Альвине быстро удаляются.

— Режим у меня такой, госпожа Лауба-Вессарт, — тоном, не допускающим возражений, изрекает хозяйка, — из комнаты не выходить, шума не производить. — Она свистнула, и в дверях появился огромный песочной масти дог с белой грудкой. — Вам стоит сделать шаг по лестнице, и мой Зевс разорвет вас на клочья.

Она вышла, замкнув снаружи дверь на ключ.

Ночь прошла беспокойно. Утром хозяйка поставила перед Альвине поднос с бутербродами и кувшин с питьем. Альвине пыталась поесть — кусок не лез в горло. Отпила, показалось, настайка, голова закружилась.

Когда она пришла в себя, то прежде всего обнаружила, что раздета, а уже потом — что привязана к креслу. Хозяйка стояла в дверях с большим хлыстом в руке, у ног ее нежилась дог.

— Милая Альвине, — предложила Эва Мартсон, — меня попросили задать вам несколько вопросов. Чем искреннее вы будете, тем быстрее мы разойдемся, что в ваших прямых интересах.

— Я не понимаю вас, госпожа Мартсон, — явно испуганно сказала Альвине. — На что я должна ответить и зачем все это?

— Сейчас поймете, — отозвалась Мартсон. — Вопрос первый. Кто с вами связан из службы безопасности? Кто передал вам снимок от нашего Тыниссона?

— Да он сам!

Она не успела договорить. Острый хлыст разрезал воздух и, кажется, ее тело. Удар отозвался острой болью, красной полосой на груди, едва не вырвавшимся из горла криком. Мартсон с интересом наблюдала за ней.

— Вопрос второй, — чеканила она. — Кто придумал эту чушь насчет вашего родства с Вессартом?

— Господин Вессарт, который погиб в Петрограде, мой родной дядя.

Свист, удар, дог оскаливает зубы.

— Вопрос третий, Альвине. Кто вывел из леса вашего мужа и еще двух предателей до окружения банды?

Кажется, хлыстом она владеет мастерски. Кем она была — укротительницей в цирке или надзирательницей в концлагере?

— Тыниссон просил, чтоб вы подняли его сына... От кого это я могла узнать, кроме него?

— Сына?.. Он сказал вам о сыне?

Мартсон на секунду теряется.

— Шеф, — тихо говорит в телефонную трубку Лысый, — эксперимент идет. Она владеет тайной сына погибшего друга. Похоже, что исходные материалы подлинные. Прикажете продолжать? Или... Слушаюсь.

Лысый поднимается наверх, открывает дверь и, увидев кровь, струящуюся по телу Альвине, грубо кричит Эвэ Мартсон:

— Стерва! Черт! Здесь тебе не Тартуский лагерь! Прочь! Он подходит к Альвине Лауба и с состраданием в голосе говорит:

— Прости нас, девочка. Мы должны оберегать наше движение. Ты будешь жить и работать с нами.

Крестьянские парни возвращаются на хутора

— Кажется, высказались все, — секретарь Центрального Комитета партии посмотрел на свои пометки, и скорее в порядке раздумья, нежели осуждения заметил:

— В одном-двух выступлениях промелькнула мысль, что по мере успехов нашего социалистического строительства нацподполье и бандитизм будут себя изживать. Так-то оно так, но закономерности явления можно ускорить, а можно занять позицию стороннего наблюдателя. Коммунисты такой сторонней позиции никогда не придерживались и придерживаться не будут. Тем более, что Запад преподносит нам сюрприз за сюрпризом.

Извлек из папки лист бумаги:

— Эмигрантские националистические круги и их западные покровители разработали новый план атаки на Советскую Прибалтику. В этот дьявольски хитроумный план — почерк ЦРУ и непосвященный определит — входят попытка поднять повторную волну движения лесных банд, соединить террористические акции с оголтелой антисоветской обработкой населения. Их средства нам известны. Товарищ Кумм, вы хотели познакомить членов секретариата и руководителей районных органов безопасности с последними документами. Десяти минут вам для этого достаточно?

— Уложусь.

Министр лаконично сообщил, что в печати проскользнул намек обозревателей о разработке новой директивы Совета национальной безопасности США. Предлагается оказывать военную поддержку любым некоммунистическим силам для расправы с коммунистами и идущими за ними людьми.

— В один голос с этими «охранителями безопасности», — желчно продолжал Кумм, — запел наш добрый Сэнди, подзреваю — он же полковник Мак-Кибин, начальник Прибалтийского отдела британской спецслужбы. В перехваченной нами шифровке, отправленной им для эстонской агентуры через Стокгольм, некий Фредди от имени Сэнди прозрачно заявил: «Тяжелые потери паствы мы относим за счет самообольщения Планетного Гостя и его партнеров, а также дезинформации своего духовника (читай: британской разведки). Укрепляйте дух верующих в юго-восточных приходах». И Ребане побоялся отстать. В инструкции агентам он слезно взывает: «Уничтожать надо всех коммунистически настроенных людей». Круг сомкнулся, националисты, рядившиеся в тогу защитников независимости Эстонии, встали на путь убийств и расправ, превратились в обыкновенных уголовников.

Кумм сел, первый секретарь ЦК добавил:

— Вынужден напомнить, что Бюро ЦК широко распространило опыт отрядов народной защиты. Письмо секретариата ЦК по подрыву базы буржуазно-националистических элементов было доведено до сведения всех горкомов и укомов республики. Все рекомендации должны последовательно учитываться на местах.

Обрисовав конкретные задачи партийного актива, секретарь ЦК обратился к Кумму:

— ЦК просит вас направить в Юго-Восточную Эстонию свои самые опытные кадры, поскольку именно на этот район противник делает сейчас ставку. Все, что касается партийной поддержки на местах, обеспечим.

Шел сорок девятый год. Отдел Министерства госбезопасности по борьбе с бандитизмом и подпольем проводил две крупные операции: чекисты их назвали «Переводчица» и «Отец шестерых». Заместитель министра Александр Васильевич Чернышев созвал совещание сотрудников отдела сразу после вызова руководителей министерства в ЦК Компартии Эстонии, кратко обрисовал задачи, поставленные Центральным Комитетом перед органами государственной безопасности республики.

— Коллегия министерства, — пояснил Чернышев, — поручила мне с группой сотрудников возглавить борьбу коммунистов Вырумаа и батальона народной защиты уезда с зашевелившимися остатками лесных банд. Со мною выезжают Анвельт, Мялло, Мюри и Конников. Вьяртмаа и Труу. по просьбе майора Грибова, командированы для создания заслона в Михкли. Пока же попроси доложить, что конкретно принесла нам операция «Переводчица».

...После десятидневного отсутствия Альвине Лауба появи-

лась на семинаре. Вид у нее был болезненный, на кисти левой руки повязка, но глаза смотрели спокойно, лицо выражало решимость. Мати Паоранду, который навестил ее в общезжитии, четко изложила все происшедшее, живописно представила Качалку, Лысого и надзирательницу Тартуского концлагеря. Заключила: «Поверили... Назвали явку под Вастселийна. Рудольф Илу должен свести меня с братьями Вяэрси».

Координаты дачного строения, куда связники резидента могли доставить Альвине, были «вычислены» капитаном Анвельтом с точностью до полукилометра. Была найдена эта заколоченная дача, владельцы которой уехали и которую на сутки облюбовали истязатели. «Эмка», выкраденная в поселке за Таллинном, оказалась брошенной на берегу моря. «Словесные портреты» связников и неизвестной уборщицы, приходившей за газетой в аптеку, были разосланы по отделениям Таллиннской милиции, но откликов пока не поступало. Разыскивали и дога. В этом обещал помочь один владелец другого дога и посмотреть в своей картотеке породистых собак.

— Я получил замечание от товарища Грибова за промедление в поисках людей, охотившихся за номерами районной газеты, — признался Мюри. — Поднял на ноги многих. Лично побывал у сторожа исторического музея — газета эта валялась у него на столе, вся в пятнах жира и разорванная. Судя по его словам, он взял газету, чтоб скоротать перед сном время, а заодно узнать, что делается в Выру, там учится его племянник. Мой помощник прогулялся с фармацевтом по улице Пикк, но старуху-уборщицу они не обнаружили.

— Не маловато для такой мощной бригады? — спросил Чернышев, внимательно всматриваясь в лица чекистов.

— Разрешите рассказать об одной странности? — спросил Мюри и, подметив кивок замминистра, продолжил: — Я запросил сведения о случившихся за последнее время происшествиях в магазинчиках. Ничего подозрительного не было. Только цветочный магазин остался без уборщицы: два дня она не появлялась. Женщина в летах, могла простудиться. Живет в Копли одиноко, к ней не достучались. Соседи говорят, иногда она у племянника сидит, внука нянчит — ищем племянника.

— И долго еще будете искать? — не удержался Грибов.

— Пока не найдем, — четко доложил Пауль.

Чернышев что-то обдумывал:

— Пожалуй, улов у нас есть, — посмотрел на часы. — Автобус на Вастселийна нам подадут в четырнадцать ноль-ноль. Участник операции прошу подготовиться.

Пауль забежал домой, побрился, в зеркальце перехватил

выжидательный взгляд жены.

— Наши товарищи на рыбалку собрались, — бодро сказал он. — Зовут с собой. А у меня как назло совещание.

— С запасной обоймой?

Зеленый автобус стремительно прорезает поля и холмы с северо-запада на юго-восток республики. В Вастселийна их встретил парторг волости Мадис Айнула, он же командир батальона народной защиты. Завел к себе в дом, познакомил с женой и сынишкой, прояснил обстановку. Лесные братья снова зашевелились. Особенно свирепствует банда братьев Вяэрси, у нее крепкие связи на нескольких хуторах. Три брата — три иллюстрации того, во что обращала людей гитлеровская военно-пропагандистская машина. Старшему брату Рихарду немцы пообещали хутор под Вастселийна после войны, и он возглавил карательную группу, стрелял, вешал, заработал «рыцарский крест». Средний брат Райво, насильник и пьяница с юных лет, был проклят в проповеди местного пастора. При немцах начал с того, что вздернул пастора, а потом стал тайным осведомителем гестапо. Младший, Тийдо, набил руку на статьях, восхваляющих оккупационный режим, а попутно свозил в свой дом церковную утварь, золотые и серебряные вещи из всей волости под видом организации «музея эстонско-германской общности».

Услышав имя Рудольфа Илу, Мадис помрачнел:

— На связях с бандой не изловлен, но чем-то Вяэрси его взяли. А ведь бедняк, еле тащит семью, шестеро малых у него.

По всей волости, на столбах, деревьях, дверях магазинов появились белые листки с лаконичным извещением: «Кто хочет искупить вину перед народом, бросит оружие и явится с повинной! Кто не замешан в убийствах и терроре, будет прощен и вернется в свой дом, к своему мирному занятию. Председатель волостного Совета, парторг волости, заместитель министра государственной безопасности Эстонской ССР».

Когда Анвельт и Мюри постучались в дом к Рудольфу Илу, они ожидали, что их встретит солидного возраста человек, отец шестерых детей, усталый от забот и тягот жизни. Но дверь отворил совсем еще молодой русобородый мужчина, державший в руках деревянную лошадку, которую он, очевидно, вырезал для малыша. Глаза его смотрели выжидательно и немного насмешливо.

— А я ждал дорогих гостей из центра, — он словно предвосхитил их намерение представиться. — Мужики здешние меня уже давно пугают вашей службой, будто я вор какой или шпион. А я что? Кроме земли и детей чего я знаю?

— Ну, не будем играть в тихоню, товарищ Илу, — сказал

Анвельт. — Не такой уж вы простачок. Войти к вам можно?

В доме было бедно, тесно, но чисто. Жена Илу, худошавая, но ладная собой женщина, старших ребят выставила за порог, малышей увела за перегородку.

— Люблю дома, где есть детвора, — заговорил Мюри, — в них всегда можно договориться.

— О чем договориться со мною желаете, товарищи начальники? — весело протянул Илу. — Сруб надо вам рядком с моим поставить или купить что у меня хочется?

— На первый случай, — улыбнулся Анвельт, — хорошо бы прекратить связи с бандой Вязрси.

— А вы у меня в доме видели лесных братьев? — хладнокровно спросил Илу. — Или слухами питаетесь?

— Ну, а если увижу, Илу? Если увижу?

— Тогда будет разговор, — отрезал хозяин. — А пока разговор не состоялся.

Мюри понял, что Илу будет твердо стоять на своем. Надо было искать нити, связывающие его с Вязрси. Прощупывая почву, он осторожно спросил:

— Послушайте, Илу. Шесть детей поднимать нелегко. А если еще в обстановке раздоров, стрельбы и поножовщины...

— Вы, что ли, — насмешливо бросил Илу, — поможете мне их на ноги ставить?

Пауль почувствовал, что затронул болезненное место; хозяин даже повернулся спиной и отошел к окну.

Когда офицеры снова нанесли визит Рудольфу Илу, они поняли, что хуторянин уже не столь беспечен. В глазах уже не плясал смех, пальцы были плотно сжаты.

— Я хотел бы вам рассказать одну историю, Илу, — без подходов начал Мюри. — В семье нас было семь братьев и сестер, все работали, помогали друг другу, сызмальства пасли скот, позднее делали и другие работы. Но, если теперь меня спрашивают, кто нас поднимал, я показываю их, — и он протянул вперед свои руки, кряжистые, сильные.

— А вы это к чему клоните, гражданин?..

— А клоню я к тому, что хочу вам рассказать, как накопили свое состояние братья Вязрси.

Когда он дошел до воровства церковной утвари, Рудольф хрипло сказал:

— А вот это уже нехорошо. Вас тут не было, в волости, а многие наши были...

— Да, я воевал в других местах, — отрезал Мюри, — но завтра я вернусь к вам с человеком, который жил здесь и при немцах.

Анвельт не знал, где разыскал Мюри этого высокого седого пастора, который участвовал в работе Государственной Комиссии по расследованию злодеяний оккупантов. Когда

священнослужитель покинул хутор, Мюри не дал Илу передышки.

— Что же получается, Илу? Три церкви обворовали только в вашей волости наци и их эстонские прихлебатели. Золотые кресты, алтарная роспись, серебряные подсвечники — все это Тийдо Вязрси свез на свой хутор. Потом где-то зарыл. Где? Для кого? Рихард и Райво занимались делами не лучше. Лесные братья... Теперь награбленным добром и обогранными кровью руками они будут поднимать ваших детей. Вас это устраивает, Илу?

— Чего вы хотите? — резко спросил Илу. — Вы думаете, я не вижу, что делается вокруг? Я не приму больше помощи ни от одного Вязрси. Но выдать их — это совсем другое...

...В дверь домика, где жил парторг волости, стучали. Мадис Айнула встал с кровати, но до него уже в сенцах очутился Мюри. Спросил, кто и зачем. Услышав знакомый голос Илу, впустил его. К одежде хуторянина прилипли комья влажной земли, его борода была спутана. Дышал он с присвистом, тяжело — не иначе бежал все четыре километра от дома к парторгу.

— Маркус! — хрипло крикнул Рудольф. — Они выкрали моего сына Маркуса! Приказывайте, что делать?

Мадис зачерпнул из ведра кружкой воду, подал Рудольфу, тот большими глотками отпил, утер потный лоб.

Илу рассказал, что произошло. Твердо решив оборвать связи с Вязрси, он отправился на свое последнее свидание с главарем банды Рихардом. Явка у них была на старом кладбище. Рихард долго не появлялся, видать, проверял, нет ли хвостов за хуторянином. Наконец появился, будто из могилы вынырнул. И насмешливо спросил Илу: «Слух прошел, новые дружки у тебя. Почему моего человека не принял?» Илу не хотел делиться с Рихардом всем, чем терзался в бессонные ночи. Сказал просто: «Я тебе помогал чем мог и тебе спасибо, что выручил в голодный год. А теперь хочу пожить спокойно, Рихард. В белый корабль не верю. Учти, за шестерых малых я в ответе». Рихард отряхнулся, вскинул карабин за спину, жестко бросил: «За шестерых? Смотри, не обсчитайся. Я бы тебя мог здесь запросто оставить... навечно. Но я тебя с другого бока достану. Ты еще вернешься к нам, друг». И нырнул обратно в бездонную темень. О несчастье на хуторе догадался, увидев соседа притулившегося к косяку. Вбежал в дом, застал жену, съевшуюся от горя, детей, сбившихся в угол. «Маркуса схватили у колодца, — глухо пояснил сосед. — Зажали рот и в мешок сунули...» Десятилетний Маркус был любимцем Рудольфа. И тогда хуторянин прибежал сюда.

— Что тебе делать? — переспросил Мюри. — Повести нас к бункеру Вяэрси.

— Я для такого дела не гожусь, — шептал он. — Я не какая-нибудь выпь болотная... Да и не был я никогда в его бункере...

— Ты должен найти людей, — тихо сказал Мюри, — которые дорогу к бункеру знают. Маркуса постараемся спасти, но завтра те нападут на твоего Тойво или твою Эльзу. Положи на одну чашу весов все жизни, что погубили в волости братья Вяэрси, а на другую чашу — клятву верности, которую вырвал у тебя бандит и убийца Рихард. Что для тебя важнее, то ты и получишь.

Многие хуторяне уже вернулись к своим семьям. Весна, пахотная земля, сев требовали свое. Оперативная группа вместе с горсткой коммунистов волости хорошо поработала в крестьянских домах. Стремительно сужался круг хуторов, где банда Вяэрси находила раньше приют, одежду и пищу. Братьям Вяэрси оставался сравнительно небольшой лесисто-болотистый участок между Вастселийна и Печорами, да бункер, замаскированный в густом бору. И как бы в отместку за то, что они оказались в загоне, бандиты подожгли детский приют...

...Чернышев отдал нужные распоряжения. Заключительную стадию операции поручил провести Анвельту и Мюри. Посоветовал использовать батальон народной защиты, чтобы разыскать и отбить от бандитов Маркуса. И отбыл в Таллинн.

Парторг Мадис Айнула, когда ему сообщили о предложении полковника, сказал, что за это дело берется.

Рудольф Илу каждый день виделся с Мюри, но вопросы задавать боялся.

— Народная защита обшаривает хутор за хутором. — Пауль положил ему руку на плечо. — Найдем.

Наконец первый просвет. Рудольф Илу снова проделал четырехкилометровый путь бегом. Возле его хутора остановилась грузовая машина, шофер попросил ведро воды. Илу узнал в нем водителя, который когда-то помогал братьям Вяэрси доставить в лес продукты из ограбленного ими магазина в Лаврах под Печорами. Илу сам не ездил на грабеж, но часть консервов шофер сгрузил по приказу Рихарда Вяэрси на хуторе у Илу, и хозяин хранил их до весны. Илу запомнил номер машины: «РУ 40—71».

— Наша, уездная, — сразу определил Анвельт. — Не стонать ли вам в Выру, Мюри?

Мюри и Лийв, шофер Вырусской автобазы, вот уже второй час сидят друг против друга. Со стороны — мирная спокойная беседа друзей. Шофер иногда бормочет: «Ребана-то вос-

стание обещает. Говорит, двадцать тысяч плюс англичане. А он пограмотнее нас... Кому верить?» — «А себе верить, своим трудовым рукам и голове, а не бреду эсэсовца!» — Мюри догадывается, что инструкцию Альфонса Ребане кто-то изложил Лийву.

Неторопливая беседа... Но Мюри знает, что счет времени отпущенного на операцию «Отец шестерых», идет на секунды. И шофер смутно догадывается, что уже нет у него больше времени петлять и сворачивать, что все козыри в руках у этого офицера службы безопасности. Словно угадывая его мысли, Мюри поднимается, произносит небрежно:

— Так что едем в Вастселийна, Лийв. По дороге разрешаю тебе сбежать в лес. Бросай семью, дом, работу, живи в банде. Но завтра нам помогут другие выкурить из бункера этих волков и тебя, и ты пойдешь под суд не как пособник бандитов, а уже как истый бандит, такой же масти, как Рихард или его братцы. Другой твой путь — отвести нас без уловок к бункеру, и тебе зачтется списание со счета самой мерзопакостной банды. Две дороги у тебя. Середины нет.

В Вастселийна его встретил Анвельт: «Порядок!» Нашелся Маркус — банда заперла его в погребе на одном хуторе.

...Наконец солдаты полковника Аверкиева начали действовать. Оцепили бор в полутора десятках километров от Вастселийна. Поминутно озирающийся детина в шоферской кепочке ведет оперативную и штурмовую группы. Начинается длинная просека. Слева мелколесье, справа лес погуще. «Куда теперь?» — спрашивает Анвельт. На лице Лийва смятение. «Влево, — бормочет он. — Полкилометра вперед и влево». Мюри, Анвельт и командир роты Степной переглядываются. «Слева лес редковат, — замечает Анвельт. — Не путаешь, Лийв?» Тот трясется, мотает головой. Комроты не выдерживает: «Если хоть один наш солдат получит из-за тебя заряд в спину, я тебя, Лийв, вручу самолично братьям Вяэрси!» «Не надо, командир. — Мюри напоминает Лийву: — Я ведь тебе предлагал два решения...» Лийв вдруг принял гордую осанку: «Чего уж тут... Со страху напутал я. Бункер напротив, на другой стороне».

Солдаты развернули фронт и углубились в гущу бора. Командный пункт установили в двухстах метрах от просеки. Прошло полчаса, и впереди поднялась пальба. Степной сообщил по рации: «Рябина, докладывает Орешник: бункер обнаружен. Он врыт в пригорок, справа лощина. Сжимаем оцепление». «Орешник! — надрывался Анвельт. — Проверьте, нет ли бокового лаза из бункера в лощину! Берегите людей!»

Кольцо оцепления сжималось мучительно медленно. Боеприпасов у банды, как видно, хватало, и каждый квадрат

местности простреливался ею с завидной точностью. Стоило кому-нибудь из солдат вылезти из-за укрытия, как вокруг него вздымался песок, свистели пули. Бункер изрыгал огонь, рвались гранаты, и кольцо окружения откатывалось.

До густой темноты продолжался бой. Только тогда поожгли бандитское логово.

Провожая чекистов, Рудольф Илу сказал:

— Я могу для вас еще что-нибудь сделать?

— Можете, — откликнулся Мюри. — И в ближайшие дни. Я познакомлю вас с одной учительницей, вместе с ней вы должны будете обвести вокруг пальца тех, кто стоял за братьями Вяэрси.

— Неделю назад Илу сказал бы вам «нет!» — произнес он после долгого молчания. — Сейчас говорю «да!»

Анвельт доложил по телефону заместителю министра о завершении операции, что-то выслушал и растерянно положил трубку на рычаг.

— Всем участникам объявляется благодарность. — Повернулся к Мюри: — Нам приказано немедленно выехать в Таллинн. Учительницу подстрахует парторг. Ну, и само собой, товарищи из вырусского отдела. Дело в том, что вашу старушку уборщицу... ту, что вы искали, обнаружили мертвой в деревянном сарайчике.

В маленькой закускойной Вастселийна за угловым столиком сидела Альвине Лауба и Лысый. Дождавшись, чтобы официантка отошла, тот тихо проговорил:

— С Рудольфом Илу я побеседовал. Вы правы, вполне надежный кадр. И хорошо, что он легализован. Инструкции, которые вы дали ему, на первый взгляд достаточны. Что вы предприняли для спасения братьев Вяэрси?

Альвине оглянулась, не слушает ли их кто-нибудь за соседними столами. Кроме бородача, который углубился в газету и сидел к ним спиной, не увидела никого, вполголоса отчиталась:

— Первое, я вывела из-под удара хуторян, которые хотели войти в группу Вяэрси. Это люди, почти готовые для нашего движения. Если нужно, списки я вам пришлю позднее. Второе, я сохранила связника с Вырусской автобазы. Самих Вяэрси спасти уже никто не мог.

Ее собеседник прокомментировал:

— На этом этапе мы довольны вами. Передайте супругу, что с нашими людьми следует вести себя не столь уж нервно. Но я готов понять — условия конспирации... Связываться с нами не стоит, мы сами всегда найдем вас. Я оставляю вам под газетой деньги — это на транспортные расходы, на новые

кадры и прочее. Возьмите и сразу уезжайте домой.

Когда Альвине ушла, он произнес, как будто разговаривая с самим собой:

— Ваши впечатления, господин Диск? Лично мне ее стиль импонирует.

Начальник вырусского отдела созвонился с министерством, доложил о встрече Альвине со связником.

— Братъ, как приказано, не стали. Мелкая сошка!

— А других, других там не было?

— За столиком больше никого. И ни с кем больше этот лысый тип в закуской не разговаривал. Но мы засняли всех, кто там был.

Улыбка клоуна

Человек, которого Ивар Ййги называл Суве, не мог до конца разобраться в том, что его притягивает к личности этого всегда веселого, жизнерадостного и остроумного акробата-эксцентрика с забавной рыжей копной волос и выразительной мимикой. Яласто в глубине души даже желал ему выйти победителем из маленьких хитростей и ловушек, которые он расставлял неординарному юноше по приказу своих тайных хозяев.

Когда Яласто, получивший инструкции, предложил ему участвовать лично в одной небольшой диверсии на строительстве комбината, Ивар смерил его острым взглядом, подсел к столу и при нем же составил донесение о провокационном поведении резидента национального комитета.

Яласто воззвал к своему «старшему партнеру» и вскоре показал Ивару отпечатанный на пишущей машинке текст: «Тесьма приносит извинение господину Улыбке. Условия конспиративного существования, усилившиеся в последнее время давлением властей вынуждают нас прибегать к частым взаимным проверкам». Ивар только спросил:

— А что, талантливая ли мадам нами управляет?

Яласто пожал плечами. На его рыхловатое, чисто выбритое лицо набежало подобие усмешки, но глаза за большими роговыми очками не смеялись, тонкие, в строчку вытянутые губы слегка приоткрылись, обнажив на секунду редкие зубы с желтизной, и тотчас же сомкнулись.

Ййги прибыл в Эстонию с самостоятельным заданием. Но его старший партнер из разведки США, некий Бен-младший, посоветовал ему входить в контакты с лесными братьями через посредство старой резидентуры, людей Канариса и Мак-Кибина. «Я не верю во все эти лесные игры, — откоро-

венно признался он Ивару, — но экономический потенциал советизированной Прибалтики и любая информация о недоброльстве эстонцев — это сейчас наш хлеб, и ваш хлеб, мистер улыбка».

Доставленный в Эстонию без особых приключений на моторной лодке, Ивар не стал скрываться, а явился в ближайшее отделение милиции, поведал свою судьбу согласно разработанной еще в Нью-Йорке легенде. К Йыги присматривались, на первое время предложили место рабочего в отделе аттракционов, потом включили в концертную бригаду, выступавшую в Пярну. Артистическая одаренность Йыги, его безупречная исполнительская техника, отличные контакты со зрителями привлекли внимание, и его пригласили в Таллинн.

«Акклиматизация» продолжалась более года. И только почувствовав себя, очевидно, в относительной безопасности, Ивар начал связываться с агентурой англичан. Последние не отличались сговорчивостью. Но чем больше сил набирала Эстония и чем меньше «щелей» оставалось для пропагандистской машины ревнителем «холодной войны», тем настойчивее становились притязания ЦРУ к Прибалтийскому отделу английской разведывательной службы. Несколько окрепло и положение Ивара Йыги. Яласто начал снабжать его информацией об акциях лесного братства, давать отдельные поручения.

Видимо что-то в досье смешливого разведчика беспокоило старых агентов Канариса, и они настойчиво просили Яласто провести очную ставку Ивара Йыги с его довоенными друзьями. Они же обнаружили и «невесту клоуна» Эстер Тийвел. Йыги как мог оттягивал это свидание, но, наконец, уступил.

Эстер им отворила сразу. Кремовая блуза удачно оттеняла смуглость ее кожи. Взгляд больших глаз легко скользнул по незнакомому человеку, деликатно отступившему в сторону, задержался на почтительно склонившем голову Иваре, губы ее изогнулись в насмешливой улыбке.

— Прошу вас, уважаемый гость... и тебя, Ивар.

Ее мастерская служила одновременно и гостиной. Освободив два кресла от карандашных и акварельных эскизов, Эстер любезно предложила гостям сесть, непринужденно заговорила о своей новой работе.

Йыги спохватился, представил своего дядю. Яласто ответил почтительный поклон молодой женщине, в несколько старомодной манере заговорил о трудных военных скитаниях племянника, о его полуголодном существовании, изнурительной работе сначала на медных рудниках, потом в бродячем цирке. И всегда, подчеркнул Яласто, Ивар хранил воспоминания о прекрасной Эстер и лелеял надежду...

На этом месте Ивар с язвительной усмешкой вставил:

— Мой дорогой дядюшка, вот тут вы не очень точны. Акробат и эксцентрик Ивар Йыги уже не лелеял надежду. На небосклоне Эстер, если не ошибаюсь, летом сорокового появился вполне преуспевающий эскулап Калью Ояла и еще более выгодная партия в лице архитектора Отто Сангела...

— Вот как, ты пронес через рудники не только мое имя, но и их имена, Ивар?

— Эстер, довоенный воздыхатель Ивар явился в твой дом не для ревнивых воспоминаний... Я соскучился по всему эстонскому, по нашим полям, дорогам и даже по этому дому. Я согласен жить бедняком, но со всем этим.

— Но говорят, ты не бедняк, Ивар, — Эстер не спускала с него взгляда. — Твое имя на афишах крупнейших залов. А почему не цирка? Или карьера клоуна тебе импонирует меньше карьеры акробата-эксцентрика?

Громкий смех вырвался у Ивара. Его лицо, только что исказившееся на мгновение болезненной гримасой, стало походить на маску дьявольски улыбающегося сатира.

— Клоун, я?... Ха-ха... Почему не в цирке... ха-ха-ха... Милая Эстер, не ты ли однажды утром, когда Ивар Йыги пригласил тебя на свой дебют, сказала: «Ивар, дебют это прекрасно... Но как ты считаешь, называться женою клоуна это тоже прекрасно?»

Маска циркача улетучилась, и на смену ей пришла озабоченность, замешанная на боли.

— Знаешь, сидя в Эстонии, это трудно понять. Но, когда десяток оклахомских парней высыпает на арену, чтобы линчевать твою черную партнершу...

— Да, ты прошел не один круг ада, — Эстер задумалась.

— Брось, — Ивар махнул рукой. — Я слышал, что и ты. Эстер, пережила в войну всякое. Верно это, что Мяз пригласил тебя оформить театр к юбилею фюрера и будто ты пропела ему: «Кукареку, шут!»

— Я, правда, не кукарекала, — фыркнула Эстер, — но что-то ему сказала такое, что он забыл ко мне дорогу.

Яласто поднялся, наклонил круглую, как арбуз, голову:

— Благодарю вас за то, что вы не приняли моего племянника с возможной при этих обстоятельствах суровостью. Разрешите откланяться.

Долго еще после его ухода они молчали. И вдруг:

— Почему ни слова о брате, Ивар? По-моему, твой близнец Ильмар увлекался стихами. Смешно, столько лет прошло, а две его строчки помнятся мне: «Человек не должен Мирозданию...»

— «Ну, разве Доброту и Пониманье», — медленно закончил Ивар, — Ильмар был милый чудак, романтик, просто

душный и нежный. Он не выдержал эмигрантской жизни...

Он изредка заходил к ней, по старой дружбе. Несколько раз заставал у нее знакомых, коллег, встретил и Отто Сангела, некогда архитектора, а сейчас, как представила его Эстер, «основной фигуры в нашей сельской кооперации». Сангел рассмеялся, сказал, что Эстер всегда переоценивала его и, каждый раз убеждаясь в этом, отвергала сделанное ей предложение.

Когда Ивар узнал от Эстер, что у Сангела крупные неприятности на работе и он может слететь, он предложил свою помощь. У него есть друзья в министерстве строительства.

В этот вечер он информировал одного из своих адресатов: «Улыбка — Дедушке. К сватовству подготовился. Интересно сведениями о сельской кооперации, акцентируйте просчеты, кадровые перемещения. Из Эстонии. 1949».

Спустя две или три недели после этого разговора, встретив как-то Ивара в доме у Эстер, Сангел сам захотел с ним поговорить.

— Я бы вас не беспокоил, товарищ Йыги. Но я попал в замкнутый круг. Ситуация такова: кто-то пустил утку, что Сангел, распределяя кредиты, оказал протекцию нескольким бывшим землевладельцам. Чушь, навет, но немедленно возникает ревизия, одна, другая. Короче: мне предлагают перейти на скромную должность в уезд. Это с моим опытом! Но у меня, наконец, есть и своя основная профессия. Я архитектор, я строил особняки. — Остро глянул: — Кто у вас есть в министерстве строительства?

Йыги уклончиво ответил, что знакомых у него много и он может взяться помочь уважаемому архитектору. Но для этого он должен во всех деталях знать, в чем именно обвиняют товарища Сангела, в чем он прав, а в чем промахнулся.

Отто Сангел вскоре получил должность руководителя группы по проектированию одного сооружения на острове Сааремаа. А через месяц огорченный Ивар положил перед Сангелом текст интервью, которое неизвестный ему корреспондент взял, якобы, у Сангела. Корреспондент собирается поместить его в какой-то шведской или американской газете. Сангел внимательно прочел интервью, узнал свои же интонации, вспомнил свой разговор с артистом, усмехнулся:

— Зная немного западную прессу, я полагаю, писака желает получить мзду, чтобы спрятать эту беседу в карман.

— Наверное, — небрежно отозвался Ивар. — Но его больше устроит пустячная информация о вашей работе. Тем более, — заспешил он, — что секретов в ваших сельских домах, как я понимаю, нет.

Он выдержал тяжелый испытующий взгляд архитектора.

— Пожалуй, секретов в нашей работе, действительно, нет, — медленно ответил Сангел, и Ивар понял это как начало их нового сотрудничества.

Ивар вошел к Яласто, одновременно довольный и разочарованный столь легкой победой.

— Можно бы и постучаться, — недовольно отчитал его бухгалтер.

Ивар заметил, что в глубине комнаты на стуле сидела приятная, красивого сложения женщина, по платью — крестьянка.

— Впрочем, удачно, что вы здесь. Альвине Лауба-Вессарт и Ивар Йыги, — представил Яласто своих гостей друг другу.

— О, про вас, госпожа Вессарт, я что-то читал в газетах, — солгал Ивар, он прекрасно знал, кто сидит перед ним.

— Тогда и я скажу, — засмеялась Альвине, — что видела вас на афишах. Люблю веселых людей. А у нас на хуторах народ серьезный. Оно и понятно — забот много.

— Хорошо, что вы познакомились, — Яласто подошел к окну, задернул шторы. — Вам говорит что-нибудь имя Яна Ротса?

Альвине покачала головой, у Ивара вертелось на языке: «зеленый батальон», но он молчал.

Яласто расстелил на столе большую карту, ткнул пальцем в район Сымерпалу. — «Гимназист» когда-то шалил здесь в «зеленом батальоне», удрал от чекистов, возомнил себя вырусским «фюрером»... Родители — в Швеции, вся родня — в лесах. Все это нам на руку. Вам придется вдвоем, если господин Йыги не возражает, сделать отряд Ротса центром нашего движения на юго-востоке Эстонии.

Видно, Яласто и сам почувствовал фальшивость своих слов, наклонился к карте.

— Инструкции такие... Проникайте в души людей...

Яласто почти дословно повторил смысл только что полученного распоряжения: «Лично проверьте Агронома, госпожа Тесьма, доверьте Улыбке прощупать Кооператора, под контролем Диска высылайте Племянницу петроградца в ее отчий дом для придания силы трем братьям (Вяэрс). Момент крайне ответственный, проникайте в души людей. ищите в них пересечение нужных нам качеств, выявляйте и разжигайте теплящиеся в них сомнения, недоумения, обиды. Планетный Гость».

Прощаясь, Яласто напомнил им о шифрах и явках.

— Прошлое донесение я адресовала по вашему совету Диску, — заметила Альвине. — Так и продолжать?

Яласто остро взглянул на нее, потянулся к трубке, медленно начал набивать ее прyanым табаком.

— Почему бы и нет? — недоуменно произнес Яласто. — Что, собственно, изменилось?

— В самом деле, — размышлял вслух Йыги, — не все ли равно, писать на имя Диска или бухгалтера Яласто, раз донесение все равно зашифровано.

Чтобы продемонстрировать полнейшее равнодушие, он засвистел ковбойский мотивчик. Яласто как ни в чем не бывало продолжал свое занятие, поднес к трубке спичку, глубоко затянулся.

— Фантазии нашего друга Йыги порой превосходят его антраша на эстраде. Вы свободны, госпожа Лауба.

Учтиво проводил Альвине до выхода, повернул ключ в двери, вернулся, выхватил из кармана браунинг:

— Что за провокация, Йыги! Кто просил вас излагать свои домыслы при этой женщине?

— Будет вам, Прийдик, — отмахнулся Йыги. — Если моя шутка впрямь вам кажется бредовой, к чему эти громкие слова и замашки дешевого громилы?

— Я просто хочу, чтобы вы знали мой характер, Йыги. Когда старой подслеповатой уборщице показалось, что я чем-то смахиваю на бывшего хозяина миленькой увеселительной конторы, ей пришлось покинуть нашу бренную землю. Увы, таков принцип нашей профессии, Йыги. Я жду объяснений!

— В шпионской среде кого-нибудь непременно должны кокнуть, но сейчас не тот случай, Прийдик. Вы доверили этой госпоже нечто большее, чем свое имя.

— И тем не менее! — взвизгнул Яласто. — Я расцениваю вашу бестактность как провокацию. Я сообщу шефу...

— Сначала я сообщу шефу, — оборвал его Йыги, — что инструкции в отношении меня не выполняются. Вы уже месяц должны были информацию о лесных братьях передавать не только по своим каналам, но и мне. Полагаю, шифровка из Лондона насчет меня у вашей мадам уже лежит. Могу я, наконец, связаться с нею?

— Нет. Не можете.

— Ладно, — вздохнул Ивар. — Черт с вами! Как вас там... Диск, или Ромб, или Овал. Я вам помогу в Выру, но и вы соблюдайте выработанный статус.

Он пошел к двери, щелкнул ключом, обернулся:

— И не тряситесь, как ведьма на помеле. Мне говорили о кадрах старика Канариса нечто другое.

И на лице его заиграла солнечная улыбка.

Поздним вечером каждый из них занялся своей перепиской. Яласто просил некую Тесьму сообщить, какие возможности в отношении питания Улыбки имеются у анг-

лийской кухни (у английской спецслужбы). Альвине Лауба передала для своего брата Мати, что ее бухгалтер, «не смотря на свои годы, здорово метает д и с к». Улыбка выразил эту же мысль Дедушке, немного в другой форме: «не терплю крошечной сцены — мне на ней так же трудно выступать, как если бы Вы заставили бухгалтера сельской кооперации считать на д и с к е.» И попросил оценить фанатизм Племянницы петроградца, «хотя она делится воспоминаниями о дяде в несколько игровой манере».

— А теперь я твой, Бен, — сказал он себе со смешком, — и легко настроил: «Привет, Бен. Интересуешься моими путевыми впечатлениями? Здешние знакомые режиссеры выступают в поддержку мира, а ставят в Театре юного зрителя по повести Гайдара «Тимур и его команда» — спектакль о военных маневрах, по повести Катаева «Сын полка» — спектакль. переключившийся на плечи детей тяжесть боев с солдатами рейха».

Генерал Кумм чувствовал себя прескверно, долго не мог унять кашель, а потом это сообщение от Альвине Лауба. Она перечеркнула все планы на день, пришлось отменить поездку в уезд.

Выступали участники двух последних операций — министр хотел выслушать всех. Анвельт сказал: «Гоняться за щукой, а схватить плотву — доблесть невелика». Мюри: «А усилия наших добровольных помощников? Взяв Яласто, мы бы лишились и их тоже». Грибов: «Диск не подозревает, что он под колпаком. Иначе бы учительница не добралась до хутора». Пастельняк: «Товарищи абсолютно правы. И учтите другое: насколько легче нам будет сражаться за юго-восток Эстонии, зная агента инорезидентуры с точным адресом».

Все ожидали решения Кумма. А он думал о том, кому лучше поручить посоветовать Альвине Лауба с меньшей активностью доказывать свои симпатии к прошлому, не «пережимать», не «переигрывать».

Кумм вдруг спросил:

— Так откуда же пошел псевдоним «Диск»?

Мялло и Мюри переглянулись, Пауль поднялся:

— Разрешите, товарищ генерал? Капитан Мялло и я полагаем, что свою кличку Прийдик Яласто — он же при буржуазном правительстве некий Суве, владелец игорного дома и рулетки в Таллинне — взял в память о рулетке: диск это. иначе говоря, вращающийся круг, по которому прыгает шарик.

Все ожидали решения Кумма...

— Вам их стеречь, резидентов, — заключил генерал, — значит, быть по-вашему. Нам пора в Выру, товарищи.

Часть вторая

УЗНАЮТ ЛИ О ПОДВИГЕ ПОТОМКИ?

Рокировка в длинную сторону

Эльмар и Пауль объездили поселки Ряпина, Вериора, Лезви в поисках какой-нибудь «зацепки» для выхода на банду Яна Роотса, но пока все их усилия были тщетны. Налеты банды в этой местности были не частыми, но довольно болезненными для хуторов и колхозов.

Главари банды, чтобы сбить с толку преследователей, перебирались с нею из уезда в уезд. За ночь люди Роотса были способны проделать шестьдесят-семьдесят километров. Когда Кумм доложил в секретариате ЦК, что еще двое суток назад банда растерзала председателя колхоза в Ряпина, а нынешним утром ограбила магазин в Антсла, задушив сторожа, — один из секретарей в сердцах заметил: «Да примите вы в народную защиту спортсменов — уж они-то обгонят этих убийц!»

К Яну Роотсу уже давно потянулись алчные взоры иностранных разведок, эта банда стала разменной монетой в переговорах эстонских националистов, бежавших в Скандинавию, с Западом.

И, наконец, на пресс-папье, лежавшем на столе скромного бухгалтера банка Прийдика Яласто, сохранился зеркальный отпечаток со словами «Десятый Зеленый». А чекисты хорошо помнили, что молодой авантюрист, повеса и политический шарлатан Ян Роотс получил первую ээсовскую выучку в «Десятом Зеленом батальоне», который еще в сорок четвертого сколотили из сынков кулаков и националистов Выруского уезда двое нацистских офицеров.

...После ликвидации банд Пресса и Везрси, возвращения

из леса на свои хутора большой группы крестьян и выхода чекистов на долгожданного Диска наступило странное затишье. Но Пауль считал, что в один прекрасный день все версии сотрудников отдела «заиграют», и преследование врагов республики можно будет перевести в стадию оцепления. Во всяком случае пока что версии подкреплялись оперативными мероприятиями. Велось наблюдение за действиями Яласто-Диска. Успешно внедрялась в среду вражеской агентуры Альвине Лауба. Продолжались поиски людей, учинивших мучительный допрос учительнице. Версии, резервы, домыслы...

А расследование обстоятельств гибели уборщицы застыло. С самого начала, допустив промедление в поисках явившихся за газетами «почтальонов», Мюри испытывал острое чувство вины. Ему все время казалось, что он что-то упустил.

Пауль глубоко вник в материалы следствия по делу уборщицы, не раз беседовал с патологоанатомом. Он подтверждал, что смерть ее наступила в результате удушья, но не обнаружил следов насилия на теле покойной. «А она не могла пойти за охапкой дров и свалиться в сердечном приступе?» — настойчиво спрашивал Пауль. — «Сердце у нее было не в безнадежном состоянии, — пожимали плечами врачи, — но теоретически такая возможность имеется». «Если бы, — возражал следователь, — кто-то не запер сарай снаружи».

Пауль переговорил с опытными криминалистами. Они посоветовали провести повторное изучение места происшествия. Племянника разыскали, он был потрясен случившимся, уверял, что тетя была олицетворением доброты и никаких врагов или недоброжелателей иметь не могла. В цветочном магазине никто раньше не интересовался, был ли еще какой-нибудь приработок у уборщицы Линды. Приятельниц ее назвать не могли. В соседних конторах и магазинах утверждали, что женщина по имени Линда в уборке помещений им не помогала.

Терзаясь этой загадкой, Пауль проходил как-то мимо Исторического музея и снова заглянул сюда в расчете повидать сторожа, но ему сказали, что у сторожа тяжело заболела родственница и для ухода за нею он на месяц взял отпуск. Пауль пожал плечами, но что-то точило, беспокоило.

Были свои причины для тревог и раздумий и у Эльмара Вяртмаа. Отправляя его и Эдгара Труу на хутор под Михкли, майор Грибов очень лаконично обрисовал их задачу: «Подстрахуйте обоих Лауба... В чрезвычайной ситуации станьте их ангелами-хранителями, в обычной просто теньями. Мелких пташек лучше бы к кормушке не допускать, перед крупными хищниками дверь дома должна быть открыта». Эльмар и

Эдгар, не сговариваясь, пришли к одному выводу: их дело в нужный момент подсказать супругам, как себя вести. С Артуром договорились легко: Эльмар, помоложе и в плечах поуже, приставлен к нему от колхоза учиться агротехнике, а Эдгар — родственник Альвине, из Выру погостить приехал.

Никто в дом Лауба не приходил, разве что фургон из волостного центра объезжал хутора, крестьянам предлагались кооперативные товары: посуда, галантерейные мелочи, бижутерия для женщин. Артур тоже вышел к фургону, выбрал для себя безопасную бритву, для жены — косынку, перебрался двумя-тремя словами с продавцом. Узнав, что фургон едет в Пярну-Яагупи, попросил шофера взять его с собой, собирался сортовые семена для колхоза посмотреть. Шофер посадил его в фургон, а в последнюю секунду на развилке какой-то широкоплечий верзила, махая бумажкой, напросился в кабину, объяснил, что жена в Пярну-Яагупи рожает. Позднее Эдгар Труу рассказывал, он и был этим широкоплечим верзилой, что шофер за дорогу и слова не молвил, машину вел ладно, не останавливаясь. Высадил попутчика, не доезжая поселка, сказал, что им не велено брать посторонних. От денег отказался, вышел из кабины, отомкнул заднюю дверь в фургоне, молча выпустил Артура Лауба. Потом быстро захлопнул дверцу, сел за баранку — и был таков.

Артур держал в руках тонкий металлический браслет и странно улыбался.

— Ты что? — недоумевал Эдгар. — Купил? Чему радуешься?

— Не купил, — замотал головой агроном. — В подарок дали. Для Альвине.

— Какой подарок? Кто там сидел?

— Их двое было, продавец, а второй — кассир, что ли, кто его разберет... Кассир в темном углу сидел, он мне экзамен и учинил. — Заулыбался: — Прошел я экзамен, дорогой товарищ, иначе бы ты меня мог не увидеть.

«Кассир» поначалу назвался сотрудником органов госбезопасности и строго спросил, кто дал право агроному нарушать указания госбезопасности и отлучаться далеко от дома. Сообразив, что таких указаний не было и что на хуторе у него уже дежурят двое чекистов, Артур на эту примитивную удочку не поймался. Почувствовав, что с этой стороны агроном непробиваем, «кассир» переменял тон, назвался другом покойного Тыниссона и начал «потрошить» Артура Лауба уже по высокому счету.

Наиболее трудной для агронома частью допроса, как и предполагали чекисты, был его уход из бункера незадолго до окружения банды и дальнейшие планы Артура на жительство

быть. О «подожженной» им овчарне задававший вопросы, видно, уже был осведомлен. Он интересовался, дал ли Тыниссон для Лауба какие-либо городские явки, и, получив отрицательный ответ, очевидно, испытал удовлетворение, ибо сказал продавцу на довольно хорошем немецком языке: «Он молчал до конца». Артур едва не попал впросак, отвечая на вопрос, когда он впервые увидел фотографию сына Тыниссона, но вовремя вспомнил, что по легенде она была вручена Альвине самим Тыниссоном. А о будущем своем сказал кратко: «Чем смогу, отомщу им за бункер, за друзей, за Эстонию... И семена их, колхозные, прорастать будут плохо!». Расстались мирно, и он даже получил подарок для Альвине.

Труу и Лауба отправились в поселок порознь. Вновь встретились через час.

— Дело обстоит так. Никакого фургона уездная кооперация в Михкли не присылала. Они хорошие артисты, не хуже тебя. Фургон же у кого-то стянули.

— Да я же сам к ним напросился, — недоумевал Артур.

— Не смейся людей. Не зря они приехали напрямик на твой утор. Не сел бы ты в машину сам, усадили бы силком, только нам тогда хуже пришлось бы.

— Я его узнаю, — обещающе произнес Артур. — Лица в темени не видел, а по голосу узнаю. Глухой такой, грубоватый, и яду в этом голосе много.

Эльмар и Эдгар внимательно рассматривали браслет. Трехрядные серебряные колечки скрепляла цепь легких тонких пластин, на каждую из которых был нанесен какой-либо национальный орнамент. Орнамент выдавал высокий вкус мастера по металлу, глубокие этнографические знания.

— Допустим, найдем мы мастера, — рассуждал Эльмар, — он таких браслетов за свою жизнь, небось, сотни сделал. Да разве он сам продает их?

Мысль о том, что в этой встрече агронома с противником они упустили что-то главное, сверила мозг Эльмара Вартмаа.

...Вернувшись из поездки, Мюри и Вартмаа доложили начальству об увиденном и услышанном.

— Я вызвал сюда оперуполномоченного из Вырусского уезда, — сказал Грибов, — Гураев Иван Ильич. Допрашивает без надрыва, прицельно. — Грибов ценит искусство снимать допрос. — Он с этим «зеленом батальоном» и лично Ротсом в свое время намучился. Побеседуйте, военный совет созовите. Понадоблюсь — и меня призовите.

С Гураевым им разок довелось встретиться. Крепкий, плотного сложения человек, вежливый, с приятными манерами. Услышав о затруднениях оперативной группы, Гураев на минуту задумался, потом сказал:

— Условимся так. Я расскажу, что знаю и помню. Возможно, это поможет, возможно — нет.

Детство Гураева прошло в бывшем Петсериском уезде буржуазной Эстонии. Ученик сапожника, позже лепщик глиняных сосудов, дорожный рабочий — он прошел в юности хорошую школу жизни. Уже в рядах Советской Армии получил «два кубаря», а осенью сорок четвертого был командирован в Вырумаа. И сразу же возник этот проклятый «зеленый батальон». Этим странным именем называли его два офицера-эсэсовца, которые застряли в лесах и здесь сколотили «батальон». Они хотели убедить эстонских крестьян, что «зеленая молодежь», несмотря на поражение фюрера, по-прежнему верна ему. Так они заявляли в своих листовках, подписывая их «Десятый зеленый батальон». В действительности не было ни батальона, ни зеленых мальчишек, была горстка сынков тех, кто бежал сломя голову из Эстонии.

Труден был поиск, во главе банды стояли изодранные эсэсовцы. Жестокость, возводимая ими в норму жизни, вынудила одного из завербованных в банду порвать с нею. Он принес в волисполком врученную ему листовку. Набившие оскомину посулы, набор националистических формул; шрифт стандартный, отпечатано на машинке. Обнаружили следы и машинки и печатавшего на ней...

Когда банду накрыли в бункере, то одного из бывших офицеров вермахта и Яана Роотса в нем не оказалось. Роотс был, пожалуй, предприимчивее других и в своем честолюбии и авантюризме гитлеровскую программу расовой и социальной ненависти почти ко всему человечеству воспринял и как свою жизненную программу. Гитлеровцу и его выкормышу удалось бежать. Они сколотили новую банду. В нее набились бывшие надзиратели концлагерей, кулаки, каратели, охотившиеся за партизанами, гитлеровские офицеры — все, кто скрывались в лесах, самый мутный, зверский, античеловеческий элемент.

— Яан Роотс, — закончил свой рассказ лейтенант Гураев, — стал остервенелым убийцей, как и его названный папаша с псевдонимом «штурмбанфюрер СС Онгуар». Фамилия не немецкая и не эстонская — пусть, мол, думают, что в банду чуть ли не пираты всех морей съехались. Но у Роотса есть одна слабая струнка: обожает лично вербовать к себе новичков. Так что дайте ему наживку, и он клюнет.

Гураев лукаво улыбнулся.

— Только наживку эту готовить надо. Кто играет в шахматы, знает, что рокироваться в короткую сторону быстрее и проще. А здесь — в длинную нужно. С выводом фигур на поле. Так есть у вас такая наживка?

— Нужно подумать, — Мюри говорил не очень реши-

тельно. — Живет в долине Ахья...

В этот же день он подал заместителю министра рапорт. Напомнил, что в начале 1947 года была выведена из лесов в районе Ласва небольшая группа хуторян, которые осознали ошибочность своих действий и желали честно трудиться (группа Альфреда Неэмла). Один из возвращенных к мирному труду крестьян Антс Киви заявил, что желает помогать органам госбезопасности в разоблачении преступной националистической пропаганды и выводе из леса его земляков. «Поэтому о легализации Антса Киви публично объявлено не было. Киви сообщил нам, что по имеющимся у него данным его сестра, живущая недалеко от поселка Вериора, вышла замуж за некоего Калле, активного пособника банды Яана Роотса. В этих условиях есть определенный смысл в том, чтобы провести комбинированную операцию при участии Антса Киви с выходом на банду Роотса, ликвидировать ее фашистское руководство и попытаться установить место пребывания инорезидента. Старший лейтенант Пауль Мюри. Январь 1949».

Продолжение разговора о «зеленом батальоне», Яане Роотсе и эсэсовце Онгуаре было перенесено сначала к Грибобу, потом в кабинет заместителя министра. Крупное добродушное лицо Пастельняка, выслушавшего предложение молодых чекистов, стало напряженным, глаза сузились и устались в одну точку. «Заинтересовался», — сказал себе Пауль. «Начнет с возможных проколов», — подумал Грибов.

Пастельняк подошел к карте республики, полузавешанной на стене шторкой, для чего-то потрогал черный флажок, наколотый у названия поселка Вериора.

— Собственно, как этот Антс Киви, — спросил Пастельняк, — пришел к нам? Почему главарь лесной группы Альфред Неэмла просто вернулся домой и стал пахать, а в Антсе Киви вдруг проснулся азарт бойца?

Мюри вспомнил свои встречи с Антсом. Высокий, хорошего сложения, красивый лицом, Антс был не просто землепашцем и садовником. Он рисовал, писал пейзажи, его нередко приглашали в церкви подновлять алтарные росписи, и, кажется, он справлялся с этими поручениями, хотя никогда живописи не обучался. На хуторах о нем говорили как о самородке. Даже митрополит Сергей, приезжавший в войну из Печорского монастыря в Выру, увидев одну из алтарных росписей художника-самоучки, пригласил его поработать в монастыре. Были люди, которые не простили Антсу, что он не вступил в «Омакайтсе», именно они пустили слух, что Антс нажился в эти годы на заказах церкви, что за недурную оплату даже выдавал советских активистов. Приехал на хутор следователь уездной прокуратуры, молодой, горячий.

тщеславный, вопросы задавал, будто уже знал, что перед ним преступник, ответы не выслушивал, после каждого слова Антса сыпал фразами: «Запирательство для вас смерти подобно», «Наша юстиция все знает...», «Знакомые увертки». Антс Киви проводил его печальным взглядом и ушел в лес.

— Следователь начинающий, попетушился и остыл бы, — успокаивал его Мюри, — а ты, как балованное дитя, у которого игрушку из рук потянули: забил ногами по полу и в рев...

— Игрушку отнять — не честь замарать, — хмуро отозвался Антс. — Что же мне, с наветом оставаться было?

— Да ведь прислужник врага тебя оговорил, а не наш человек, — огорченно напомнил Пауль. — Гитлеровское наследие, товарищ Киви. Чего только не было! Вот с тобой отец Сергей беседовал, много чего немцы при нем вывели из Печора. А как он кончил, — хочешь знать? Между Каунасом и Вильнюсом этого святого папашу эсэсовцы и прикончили: слишком много знал. Да еще свалили свое убийство на партизан. Так что твоя обида не самая страшная. Исправим, отмоем твою честь.

Прошло время, и Антс сказал Паулю Мюри: «Я хочу и другим помочь отмыться. Поверишь мне, начальник?»

— Я поверил, — закончил свой рассказ Мюри. — И не ошибся. Антс помог нам вывести из леса два десятка крестьян.

Пастельняк вызвал начальника контрразведывательного отдела.

— Изложите нам, товарищ капитан, последнее шифрованное послание Альфонса Ребана.

Начальник отдела раскрыл папку, которую держал в руке, всмотрелся в один из листков.

— Очередное послание Альфонса Ребана из Стокгольма... Свидетельствует свое уважение Планетному Гостю. И далее:

«С надеждой уповаем на укрепление вашего влияния на сына Яана (Роотса). Помните, что его каждый шаг — это убедительнейший и, может быть, единственный аргумент для продолжения финансирования нас со стороны друзей. Запад ждет от него нападений, взрывов тишины и в то же время акций, которые привлекли бы к нему симпатии хуторского крестьянства. Возможно, будут уместны срыв любыми средствами уездного праздника песни, которому большевики придают политическое значение, или раздача по хуторам отбитого у колхоза стада с дискредитацией Советов. Роберт». — Заключил: — Аналогичные шифровки передавались в этом году трижды.

Пастельняк отпустил капитана.

— Вот что, — неожиданно сказал он, — никогда меня

впредь не уверяйте, что крестьянин, не прошедший нашей школы, одинаково поведет себя в разговоре с нами и в логове бандитов. Это самое уязвимое место в оперативном плане лейтенанта Мюри. Но, чтобы дело поставить на практическую ногу, и запустим Антса Киви пока что на первую ступень операции, — на секунду задумался, — операции «Переокраска». Пожалуй, ее можно назвать так, если мы хотим, чтобы банда увидела Киви в ином свете, чем он есть.

— Первая ступень, товарищ полковник, — напомнил Грибов, — совсем не такая уж безобидная. Шурина, изощренный пособник бандитов, должен увидеть в Антсе себя, свою низменную психологию.

— Антс давно готовится послужить людям, — подчеркнул Мюри. — И он не простак, нет!

Пастельняк посмотрел на него, усмехнулся:

— Осуществляйте операцию, товарищи чекисты. И учтите: в этом же районе выходить на связь с бандой будут Переводчица и, как она сообщает, некий агент националистов, она зовет его Иваром. Никаких контактов с ними! Никаких контактов! Не вспугните главного зверя.

Вошел дежурный, извинился, протянул заместителю министра бумагу.

— Контрразведывательный отдел просил доложить сразу.

Полковник бегло прочел, не скрывая досады, заметил:

— Опережает нас на ход Планетный Гость, затевает террористические акты в другом районе: «Подготовьте на «Кренгольмской мануфактуре» отвлекающую... — надо понимать, что от Рюотса отвлекающую, — встречу группы русских строителей и прядильщиц, не опасаясь обилия красных тонов». Уяснили? Провокация и кровь.

Цена жизни

Далеко позади остался дом Антса Киви, а ему все идти и идти. Сын Олев, прощаясь с отцом, сказал ему по-мужски серьезно: «Учитель считает, что у меня склонность к географии. Ты не возражаешь, отец, если я буду поступать сразу после школы в университет? А на севере и покосе я тебе всегда помогу». Анете, провожая мужа с хутора, жалостливо протянула: «Возвращайся живой. Гляди, и сын у тебя ладный, и в доме все спорится, а уж лучше наших мест нет. Антс».

Никто не ждет его ни в болотах за Вериора, где укрылись в засадах люди Рюотса, ни в летучих песках под Вярска, прозванных Сетумааской Сахарой. А дойти нужно.

На границе между песчаной пустошью и заболоченной низиной, у кромки леса, притулился крошечный домик сестры Антса. Суетливая Майму и муж ее, широкой кости, коренастый, исподлобья глядевший Тийт Калле, встретили гостя удивленно и без большой радости.

— А говорили, Антс, ты все еще в лесах обитаешь, — мрачно изрек Тийт. — Не привел за собою хвост?

— Ты не хвоста бойся, Тийт Калле, — так же резко ответил Киви. — Ты тюрьмы бойся. Дошел до моих людей слушок, что ты хорошо тут кое с кем спелся. Приехал я сестру свою спасать.

У Тийта даже челюсть от страха отвисла. Зашипела, запричитала Майму.

— Я что? — наконец пришел в себя Тийт. — Взял ружьишко и шмыгнул в лес. А сестре твоей я не помеха, пусть к тебе переезжает или еще куда.

— Как это ко мне? — усмехнулся Антс. — Меня самого обложили, как зверя в берлоге. Слушай, Тийт Калле, а не уйти ли нам вдвоем к лесным братьям? Мои парни разбежались из отряда по домам, один я, как волк неприкаянный, мотаюсь с места на место...

Тийт тупо смотрел в одну точку.

Ночью он уходил, Антс слышал, как скрипнула калитка, глухо заворчал, заворочался в кухоньке тощий черный пес. Вернулся хозяин с рассветом, завалился в чем был на лавку, даже сапоги, в иле замазанные, не стащил с себя. Майму поутру ругала его, пилила, он беззлбно отмахнулся:

— Все одно — привыкать пора. Ты вот что, свояк, — обратился он к гостю. — Пока вали отсюда. Свои дела мы с Майму сами обдумаем. Нельзя нам сейчас отсюда. Никак нельзя.

Антс понял, что банде нужна явка. Потянулся, хрустнул пальцами:

— Ладно, если так. За сестру опасался...

— Отваливай, — повторил Тийт. — Ну, а если припрет тебя вконец... Через месяц притопывай — может, что и получится в здешних местах. — Скривился. — А Анете твою... не тревожит власть?

Киви уже догадался, что банда его поверяет.

— Тревожит, — повторил он за шурином. — Боюсь, подойду к хутору, а там ветер один гуляет...

— Извести как-нибудь... Письмецом или через верного человечка. — Тийт глянул в окно, закричал. — К дождю идет. Двигай, свояк, чтоб поспеть по сухоте.

Майму бросилась к печке, картофелины румяные с противня на стол скатила.

— Пожуешь в леске — сестрицу добрым словом помянешь.

В ноздрах защищал запах шпика, запеченного в картошке...

Антс Киви поблагодарил, поклонился, натянул картуз, схватил свой мешок, карабин и отправился.

Когда он вошел, Анете накрывала на стол, он глянул: три прибора — и его не забыла. Жена расцвела улыбкой.

— Заходил один товарищ, ждет в сельсовете. Велел передать — можно и к ночи, еще лучше будет.

Пауль выслушал его рассказ, задумался.

— Посоветуюсь с товарищами, но, видно, придется твоей семье для спокойствия на время уехать.

— А куда переведете их, начальник?

— Забудь ты это слово «начальник», — вырвалось у Пауля, — делаем с тобой одно дело, значит, друзья и товарищи. А переведем твою семью на время в Таллинн. За судьбу их не беспокойся.

Антс Киви благодарно глянул, нерешительно сказал:

— Начальник... тьфу, друг... В общем — товарищ Пауль. Скажи: если меня продаст какая-нибудь вонючая шавка... Олева сделаешь человеком?

Пауль сжал губы, потер голову:

— Понимаешь... У нас принято: на операцию не выпускают человека, если у него нет полной уверенности в успехе.

— Брось на весы случай, — возразил Киви.

Взял его руку в свою, с хрустом сжал.

— Олева сделаю человеком. Слово чекиста. А чтоб тебе бодрее было встретиться с Яном Роотсом, мы тебе придадим еще один «подвиг». Буквально на днях какой-то бандюга влез в лавку, застрелил нашего человека. Славный был парень, только что первое офицерское звание получил, недавно женился, ребенка ждали. Нет его. Запишем на твой счет. Бандюгу взяли. Подробности оговорим.

Антс слушал внимательно, в конце беседы предложил место, где от него вестей ждать.

— Договорились. А в доме сестры, имей в виду, по четвергам и субботам застанешь Эльмара. Я тебя с ним знакомил.

Крестьянин задвинулся, недоуменно спросил:

— Шутишь, Пауль? Калле и не думает в лес уходить.

— Завтра передумает, — успокоил его Пауль.

Мюри не с потолка взял, что Тийт Калле сбежит в лес. Через несколько дней после этого ночного разговора в дом к Калле постучались и на пороге появилась спортивного вида женщина, одетая на городской манер, в зеленой вязаной шапочке, такого же цвета куртке. По ее сплошь забрызганной грязью сапогам можно было судить, что она довольно длинный путь проделала пешком.

Независимо, не представляясь, присела у краешка стола. внимательно осмотрела насторожившихся хозяев, не особенно вежливо заметила:

— Ты — Тийт Калле, ты — Майму Калле. Так? Я у вас заночую. А ты, Тийт, сегодня же пробежишься... знаешь куда... и скажешь, что пришел человек от Диска и желает переговорить с самим Яаном, понял? Если не поверят, передай эту записку.

Достала из кармана куртки аккуратно сложенный обрывок листовки, на котором сохранились слова «Десятый зеленый батальон» и размашистая подпись, по всей видимости, штурмбанфюрера СС Онгуара.

— А где тот человек? — в ошеломлении спросил Тийт.

— А я тот человек, — спокойно ответила Альвине.

Тийт вернулся под утро, ничего не сказал. И женщина не лезла с вопросами. Прошел день-другой, ночью Тийт ее растолкал, велел одеваться. Шли по вереску, по хлюпи, заблудились в темный лес, ни зги не видно, ночь выдалась безлунная. А Тийт находил дорогу по каким-то одному ему известным приметам, спотыкался, чертыхался, но шел. Помощи спутнице не предлагал, только когда она спотыкалась, поджидал ее в трех шагах. Лишь один раз, когда в кустарнике она застряла, завозилась, мрачно отпустил:

— Я свою бабу на такое мужское дело не пошлю, нет...

— А ты свою бабу, — зло отбрила она, — хоть на яйца вместо курицы сажай, мне-то что с того! У тебя своя голова, у меня, гражданин подследственный, своя, и не дурнее, будь уверен.

Он не ожидал такого отпора, несколько шагов прошел молча, вдруг спохватился:

— Это с чего же я подследственным стал?

— А с того же, что за братом твоей жены уже охота идет, он эмгешника какого-то уложил, ну и до сестры его, — твоей жены, то есть, — докатятся... Его-то жену, должно, уж с хутора гонят.

— Врешь! — выпалил он.

— Ты со мной осторожнее! — прикрикнула Альвине. — А насчет высылки и остального тебе другие объяснят.

Он замолчал, ошеломленный, раздавленный привезенными ею новостями.

Проводник остановился, когда послышался легкий плеск воды и за толстыми стволами деревьев скорее начала угадываться, чем проступить поверхность озера. Они оба молчали, неизвестно чего ожидая. Так прошло с четверть часа. Впереди раздался звук, похожий на плеск крупной рыбы, но равным образом, подумала Альвине, звук мог быть и ударом весла. Шурша, врезалась в мягкий прибрежный ил лодка и в ту же секунду откуда-то сверху брызнул огонек карманного фонарика и негромкий голос предупредил:

— Не двигаться, руки поднять!

Из лодки вышел, в сопровождении еще одного вооруженного мужчины могучего сложения человек, приблизился к пришедшим, осветил их лица зажигалкой — Альвине успела подметить лишь длиннополую немецкую шинель и густую с проседью бороду — предложил посланнице Диска сесть на поваленный ствол, а Тийту отойти подальше, расположился рядом, отрывисто спросил:

— Почему фрау удостоена столь высокой и трудной миссии?

Она объяснила сдержанно, лаконично, в свою очередь задала вопрос:

— Почему не пришел Яан? Мое поручение касается лично его.

— Вам придется либо уйти, фрау Лауба, либо иметь дело со мной. Яан не выходит ни на какие встречи. Конспирация, фрау. Его интересы представляет майор Онгуар, к вашим услугам. И поверьте, у Яана нет от меня ровно никаких секретов.

Он говорил по-эстонски довольно свободно, но с немецким акцентом.

— Хорошо, — после непродолжительного молчания сказала Альвине. — Но я прошу вас, герр майор, передать Яану данные мне инструкции слово в слово.

Онгуар наклонил голову. Для Альвине началась самая сложная часть операции. Инструкции, которыми снабдили ее Диск и, через его посредство, Тесьма, были предельно категоричны: усилить террор в отношении советских и партийных работников; участвовать крупные диверсии в колхозах, зернохранилищах, на железной дороге; укрупнить отряд, слиться с другими группами лесных братьев, если таковые окажутся по соседству. Пастельняк, услышав о таком поручении, пожал плечами: «Кажется, мумии из Загранцентра и те начали понимать, что сегодняшний эстонский крестьянин устал от войны... Передай все это им: «усилить», «участвовать», «укрупнить»... Слова оставьте, а смысл переверните. Только не искажайте на сто процентов директивы иноразведки. достаточно и пятидесяти».

Но это было сказано в кабинете, выходящем окном на тихую улочку. Альвине же находилась в лесной чаще, в окружении бандитов, лицом к лицу с изощренным гитлеровцем.

Она начала с того, что сделала комплимент Онгуару как опытному бойцу нацподполья и автору воззваний, а также его более молодому другу Яану в их бескомпромиссности перед крестьянскими массами и умении не останавливаться перед массовым террором, чтобы держать население в страхе. Онгуар облегченно вздохнул, и Альвине поняла, что попала в цель.

«А теперь смелее, Альвине, — приказала она себе, — у твоего противника нет тыла! Начни, как говорит Пауль, с «каскадной» фразы, при подозрениях она сослужит службу».

— Но, конечно, надо всегда и во всем учитывать эстонский характер, усталость людей после войны. Национальный характер, господа!

Онгуар пока поддакивал. Альвине начала разделяться с инструкциями бухгалтера. Возмездие может исходить от лесных братьев, но оно должно носить выборочный характер: убить хуторянина на дороге — значит, восстановить против себя волость. Акт террора — извольте, но как исключительная мера. Есть другие: оклеветать, подбросить подметное письмо, выкрасть документы, подвести под удар милиции. Диверсии — да, но пусть они исходят от самих крестьян: дело Рютса и его друзей уговорить, подбросить материал для разжигания страстей, расклеить листовки на дорожных столбах...

— Фрау! — вдруг резко оборвал ее Онгуар. — А те, кто послали вас, не обрекают таким образом нас на бездействие?

— Те, что послали меня, герр штурмбанфюрер СС, — она пошла напрямик: — Просили напомнить, что за спиной вашей уже не войска СС, а эстонские крестьяне, и ориентир должен быть не на «Майн кампф», а может быть на прозу Эдуарда Вильде и стихи Лидии Койдула.

Чтобы подсластить пилюлю, более миролюбиво заметила:

— В ваших кругах, если не ошибаюсь, считалось, что речи Геббельса и поджог рейхстага тоже лили воду на мельницу национал-социализма. Вам предлагается более современная стратегия, майор Онгуар.

Он задумался, и она продолжила рекомендации. Суть — не в диверсии, а в подготовке общественного мнения для ее свершения. Объединение с другими группами поощряется, но именно на группу Рютса возложены особые надежды эстонских друзей и пусть она представляет как бы самостоятельный кулак. Почувствовав, что хоть в этом угодила Онгуару, поспешно добавила, что исключения могут быть и что, по ее данным, их связник Калле обвинен в пособничестве лесным братьям и лучше бы его по соображениям конспирации забрать к Рютсу.

— Разрешите нам, — язвительно пояснил он, — избежать провалов вопреки желанию ваших шефов, фрау Лауба, преподнести Загранцентру или «Интеллидженс сервис» раздутое число лесных братьев. Все, что вы передали, мы обсудим. Надеюсь, наши коррективы — это уже прозвучало насмешливо, но без яда, — не будут восприняты вашими руководителями как бунт в подполье?

— Я, как и вы, сейчас всего лишь передаточная инстанция.

Мне не дано права что-либо менять в инструкциях наших более опытных друзей. Помните, национальный характер, господа! — закончила она опять «каскадной» фразой.

Ей показалось, что он тихонько чертыхнулся, но после небольшой паузы довольно миролюбиво попросил доставить к ним радио, пулеметы, пишущую машинку. Альвине обещала все это передать господину Диску.

На обратном пути Калле молчал, но изредка начал предлагать своей спутнице руку, которую она демонстративно не замечала. Мгла высвечивалась, и к домику они подходили уже с первыми бледными лучами солнца. Альвине несколько часов поспала и собралась в дорогу. Калле тоскливо спросил:

— Так мне... уходить, госпожа, в лес? Как велите?

— Уходить, — жестко сказала она, — если не хочешь загреметь.

Альвине добралась до Таллинна, разыскала Прийдика Яласто и быстро отчиталась о поездке. При этом не преминула подчеркнуть, что потребовала от Онгуара учитывать при совершении диверсий и акта террора эстонский национальный характер и чисто человеческую усталость хуторян, но что Онгуар, кажется, пропустил это мимо ушей, равно как и совет объединиться с другими группами.

— Скотина! — рассвирепел Яласто. — Типичная немецкая скотина, думающая, что она — пуп земли. Устарел, мешает... Что мы сообщим шефу, друзьям? Спасибо за все, мадам Лауба, но мне придется послать туда же Йыги с более жестким ультиматумом и вызвать на связь самого Яана. Вашу встречу с Иваром Йыги я организую.

У нее возникла страшная мысль: не разоблачит ли ее Йыги, узнав, какие инструкции она передала банде Роотса? Сразу же сообщила своим через Мати, что «не смогла приласкать мальчишечку (Яана Роотса) и охладить его папашу (Онгуара), а это и лучше, папаше дадут отпуск для лечения нервной системы. Шурина (Калле) там приютят. Иво решил отдохнуть там же, да не испортил бы он посаженных мною цветов (инструкций для Роотса). Племянница».

Ее донесение позволило старшему лейтенанту Мюри внести предложение: «Доношу, что первая часть операции «Перекраска» выполнена относительно успешно. Данные Альвине Лауба о намерениях иностранной агентуры убраться штурмбанфюрера СС Онгуара выдвигает перед нами вопрос о немедленной «бункеризации» сына лесничего — Энделя Казеорга совместно с лейтенантом Эльмаром Вьяртмаа в район действий банды Роотса и создания легенды вокруг лесного брата Казеорга как возможного дублера Онгуара. Прошу разрешения на внедрение крестьянина Антса Киви в банду Роотса».

«Любезная Тесьма, — педантично доносил Диск, — прошу известить Планетного Гостя, что миссия Племянницы в основном выполнена, но опекун Яана (Роотса) пренебрегает предложенной нами тактикой. Нахожу необходимым кардинально избавить неопытного Яана от подобного опекунства. Направляю к нему нашу обаятельную Улыбку».

А Улыбка, наделенный этим щекотливым поручением, спешит известить Дедушку: «Готовлюсь к обеду с Яаном вдвоем без всяких помех, однако выбор калькулятора меню (замены Онгуара) не терпит отлагательств. Предварительная сервировка стола Племянницей обошлась, по-моему, без проколов. Из Эстонии, 1949».

Вот уже второй месяц Антс Киви проходил цепочку испытаний, изнурительнейших тестов, которые предлагал ему день за днем подозрительный Онгуар. Антс поселился в домике у Калле и выполнял для Роотса все то, что делал раньше его шурин, взятый, наконец, в банду: Антс стал связником, наводчиком бандитов, изредка, в непогоду и ночной час, натапливал для них баньку, Майму переехала к родным в Северную Эстонию. На хуторе Калле ни Мюри, ни Анвелът ни разу не были, но записками, благодаря тайнику под разбитой лодкой, обменивались с Антсом часто.

«Онгуар чувствует опасность, как тигр, издали, — сообщил Антс как-то друзьям через Эльмара. — Не будь его, Роотс меня давно бы взял». Их единственная встреча в лесу, состоявшаяся по просьбе Калле, происходила довольно зловещим образом: Антс Киви в течение двух часов должен был отвечать на вопросы. Выяснилось, что каждый шаг крестьянина проверен бандитами. Онгуара почему-то интересовала связь Киви с митрополитом Сергием во время войны, и только много месяцев спустя Антс понял, что штурмбанфюрер подозревал его в укрытии доли несусветных богатств Печорского монастыря. И даже «убийство» Антсом офицера-чекиста вызвало у Онгуара пренебрежительную реакцию: «Нашел чем бахвалиться, — презрительно отпустил он. — Я таких в войну пачками в яру кончал».

За короткое время общения с бандитами Антс понял, что, кроме Роотса и Онгуара, многими делами здесь заправлял смуглый, похожий на цыгана, офицер, к которому даже считавший себя заправилой Онгуар лестно обращался «герр Кундшафтер — господин разведчик». Он когда-то работал в зарубежной разведывательной службе СД, переводчиком у Шелленберга. Антс заметил, что в нападениях главари, как правило, не участвовали.

Бандиты никогда не извещали Киви о дне своего прихода заранее и чаще всего вызывали его из дому подброшенной

запиской, отпустив всего около часа, чтоб связник мог добраться до болота или леса, каждый раз меняли место встречи. В этих условиях приходилось ждать случая.

Возможно, этим случаем явилось неожиданное появление у Киви смуглого «герра Кундшафтера» или приход, неделей позднее, маленького рыжеволосого человека. Переводчик Шелленберга был замечен сельским милиционером, когда в сумерках задержался у сберегательной кассы, проявив странный интерес к висевшему на дверной ручке тяжелому замку. Смуглый вынужден был спастись бегством и заскочил на хутор. Киви укрыл бандита в подполье, а когда появился милиционер, громко объяснил ему, что посторонних не держит. Сам же настроил на клочке бумаги: «Товарищ, скорее уходите, вам все разъяснят по телефону...» Милиционер глянул, медленно шевеля губами, прочел, но номер телефона был ему, видно, знаком.

Смуглый не благодарил и, только уходя, коротко бросил: «Чем взял милицию?» Киви с усмешкой поднял с пола трехлитровую бутылку самогону. Немец беззвучно засмеялся, притворственно выкинул вперед правую руку.

... Маленький смешливый человек с рыжей копной волос возник на пороге неожиданно. Йыги поклонился хозяину, протянул квадратик картона, разрисованный путевыми знаками, попросил с первой же оказией передать «самому».

Уплетая солоноватые бобы, они беседовали на нейтральные темы. Но был момент, когда в их разговор ворвалась политика. Гость, одобрительно отозвавшись о движении лесных братьев, вдруг разразился гневной тирадой в адрес вчерашних ээсовцев, которые примазываются к подлинным эстонским националистам и порочат их идеалы. Крестьянин утвердительно закивал головой. Йыги пошел еще дальше и сказал, что готов простить истинному эстонцу любой акт вандализма по отношению к подобным отщепенцам. «Точно!» — выпалил Киви, вспомнив Онгуара. Они встретились взглядами, и вдруг Антс почувствовал тревожное ожидание, напряженность в зрачках собеседника.

Квадратик с путевыми знаками исчез из-под валуна на следующий день, но только на третий день за гостем явился один из бандитов и повел его болотными и лесными тропами. На этот раз вместе с Онгуаром на встречу вышли Яан Роотс и смуглый переводчик. Как видно, знак аттестации гостя дал себя знать. Йыги по поручению Загранцентра и влиятельных английских кругов потребовал от главарей полного отчета в действиях и планах. Не перебивая, выслушал, не забыл спросить, как реализуются указания его предшественников. Онгуар поспешил объяснить, что выходы на хутора у них ограничены, для выпуска листовок нет базы, зато террорис-

тических актов с их стороны хватает не на одну волость.

«Пожар в сельском народном доме, когда сгорели девушки из вокального квартета, — любезно спросил Йыги, — тоже дело рук герра майора?» Онгуар побагровел, Ротс смотрел холодно, безучастно. Йыги дал им время обдумать этот случай, насмешливо спросил: «А национальный характер эстонцев, господа? А тяга крестьянства к земле учитывается в ваших действиях? Разве госпожа Лауба-Вессарт не изложила вам нашу тактику в современных условиях?» Ротс заявил, что об этом ничего не знает. Онгуар яростно начал бранить тыловых крыс.

Между главарями затеялась перебранка. «Человек Шелленберга» тоже высказался за то, чтобы усилить идеологическую обработку крестьян, а не быть для них пугалом. Он не преминул довольно резко отозваться о способностях штурмбанфюрера, не сумевшего распознать подлинного националиста и смельчака в Антсе Киви. Йыги небрежно поддержал его в оценке Антса, подчеркнул, что лесные братья нуждаются в укреплении своего идеологического ядра и в ближайшее время он порекомендует им несколько интересных людей. Онгуар воспринял это намерение Загранцентра как посягательство на свой авторитет, и тогда Ян Ротс впервые оборвал его: «Майор, в конце концов, здесь я решаю, что делать, а что — нет!»

Излагая Прийдикку Яласто содержание переговоров, Йыги не скрыл серьезных противоречий, раздирающих лесных братьев. «Сомнительно, — добавил он, — что без помощи извне они сумеют оказать какое-либо серьезное влияние на идеологию крестьян».

— Мне, что ли, писать за них листовки? — раздраженно спросил бухгалтер. — Люди Ротса прошли выучку у гитлеровцев, уж этих учить, как говорят большевики, политграмоте не собираюсь. Не умеют убеждать — пусть жгут, вешают... Лауба-Вессарт должна была вразумить их на этот счет. Вы почувствовали ее работу?

— Вполне, — Йыги о чем-то поразмыслил. — Этот бронестойкий Онгуар сжег квартет девчонок в народном доме — полагаю, Альвине его недурно нашпиговала.

Йыги догадывался, что Яласто последнее время испытывает острое беспокойство, что ему мнятся слезка, провалы. Но не старался разубеждать его в этом, понимая, что в секреты британской разведки легче проникнуть, сотрудничая с деморализованным партнером.

Через месяц они узнали, что Антс Киви уже принят к Ротсу, и бухгалтер хмуро прокомментировал: «Может быть, хоть этот перекинет мост из леса на хутора?»

Было ли это под влиянием встречи с Йыги или по другой

причине, но, действительно, Яан Роотс пригласил Антса Киви в свой отряд и предупредил, что новичкам под угрозой смерти запрещается выход из бункера поодиночке. Уже при виде подземного бункера бандитов, врытого в песчаный холм, надежно защищенного бетонными прокладками от пуль и имеющего два запасных лаза, Киви оценил военную сноровку главарей.

Характер Роотса он постигал медленно. Киви уже понял, что малейший намек на политическую наивность главаря или игнорирование его приказов способен вызвать у него яростную вспышку. В гневе Роотс был страшен. В эти минуты его удлиненное лицо, на которое спадали нечесанные вихры льняных волос, дрожало и тряслось в тике, левый глаз жмурился. Бандиты рассказывали, что он лично зарыл живым в песок одного из крестьян, заподозренного в предательстве. Но в часы отдыха в бункере он мог быть интересным рассказчиком, рассуждать о старой доброй Эстонии, которая одарила его отца маслобойней, расписывать прелести хуторского хозяйства.

Шли дни, недели. Антса тяготило бездействие, отсутствие связи с друзьями. И вот однажды, когда он уже начал терять всякую надежду на выход из бункера, Роотс подозвал его вместе со Смуглым и Калле в угол, где обычно отдавал распоряжения, и велел отправиться разведать подходы к питомнику в Ораваском лесничестве. По данным, его собирался осматривать весь актив сельсовета. «Вот всех разом и накроем», — мрачно предложил Роотс и, перехватив тревожный взгляд Онгуара, брошенный на Киви, прищурил левый глаз, что предвещало недоброе, и Онгуар промолчал.

— Обойдешь дом лесничего и питомник, — предложил Смуглый Антсу Киви, — а мы с Калле двинемся к лесу и осмотрим по пути ложбины. На опушке и встретимся.

Лихорадочно обдумывая, как воспользоваться, может быть, единственными свободными минутами за эти долгие месяцы ожидания, Антс заметался между жильем лесничего и конторой питомника, выбрал контору. Мечтая, чтоб она не была в вечерний час заперта, задыхаясь, толкнул дверь, она легко поддалась. На Антса, доброжелательно улыбаясь, смотрела молоденькая девушка, державшая возле уха телефонную трубку. Его обычная крестьянская одежда не вызвала у нее особого удивления, разве что необычное выражение лица посетителя и, наверное, его беспокойный отчужденный взгляд встревожили. Медленно таяла улыбка девушки. Непроизвольно рука опустила трубку, и пальцы взялись за ручку вызова.

— Обождите, — как мог вежливее сказал Антс, не чувствуя, как из его горла вырываются хриплые булькающие

звуки. — Мне нужно срочно позвонить. Вопрос жизни, вызовите сами, что можете: милицию или сельсовет...

Антс догнал своих спутников у опушки, пробормотал, что за питомником есть отличная ложбина, удобная для засады, а с тылу отход прикроет молодая роща, за нею — лесок.

Ночь и весь следующий день Антс провел как в лихорадке. Он не знал, что дежурного по милиции предупредили о странном звонке, тот связался с районным отделом госбезопасности и по команде подняли отделение батальона народной защиты и выслали солдат полковника Аверкиева. Оперативная группа во главе с капитаном Анвельтом и старшим лейтенантом Мюри мчалась на грузовике на место, расставила посты оповещения, засады...

Всего этого Антс не знал, но мучительно раздумывал, что должен предпринять в минуты боя он сам. Однако Роотс, верный своим неписаным правилам чередовать группы разведки и нападения, приказал:

— Вы втроем останетесь в бункере. Пятеро со мной будут ждать на полпути, семеро под началом Онгуара пойдут на сельсоветчиков.

Антс валялся на нарах, Смуглый и Калле перебрасывались в карты. Чувствуя приближение непоправимого, крестьянин спрыгнул на пол, подошел к лазу. Смуглый, не поворачивая головы, выплеснул со смешком:

— Оправляйся где стоишь. Лазы завалены валунами.

Бандиты скатились в бункер на рассвете. Были они мрачны и неразговорчивы. Антс успел пересчитать группу: трех не доставало. Роотс и Онгуар зловецко перешептывались.

— Что стряслось? — спросил Смуглый.

— А ты себя спроси, шелленберговская выскочка! — заорал вдруг Онгуар. — Как вы разведывали? Где наследили? Нас ждала засада. Трех подарили НКВД. Трех! Ты за каждого мне, Кундшафтер, ответишь?

Смуглый побледнел.

— Ян. Вы должны мне верить. Это случайность... Мы провели в питомнике не более получаса, нас никто не засек. Ян...

Роотс на него не смотрел.

— Я сужу по фактам, — спокойно сказал он. — Нас предали. Чистая случайность, что хоть четверо выпрыгнули из капкана.

— Я не верил ни им, ни «человеку Шелленберга», — с торжеством в голосе произнес Онгуар. — Кундшафтер не раз метил в твоих людей и в меня, мой мальчик.

Вот когда у Антса Киви созрело мгновенное решение.

— Командир, — сказал он, чувствуя непоправимость развязки. — У меня нет большого опыта в сыске, но тут дело

не в нас... Спросите у Онгуара, командир, с чего это он ляпал и мне, и Калле еще на хуторе, что у нас нет жоака, нет твердой руки, а вы под пяткой у слякоти... Извините, Кундшафтер, это про вас.

— Любопытно, — Роотс даже не повернулся в сторону Онгуара, — Кундшафтер — слякоть, командир — без твердости. Еще что?

— А когда мы узнали, — импровизировал Киви, — что он не передал вам всех инструкций связника-женщины... Я-то узнал об этом у себя, когда рыжий господин уходил и нещадно ругал майора... Вот тогда у нас и проснулось недоверие... Извините, командир. Я человек не очень ученый, говорю, что думаю.

— Думаешь ты, Киви, правильно, — подтвердил Смуглый. Онгуар истерически захохотал:

— Ловко следы замечаете, голубчики. Ловко. А ты, Киви, не столь уж прост. Не столь... Главаря я поносил? Скрыл от него директивы?

— Так и было, — сухо обронил Ян.

— Кому ты веришь, Ян? — заорал Онгуар. — Мне, твоему наставнику, кавалеру Рыцарского креста, полученного от фюрера, или этой мрази? Я ей сейчас выдам в глотку!

Он схватил со стола свой «вальтер», наставил его на Киви, но в то же мгновение Антс выстрелил из карабина, и Онгуар рухнул на землю. Кровавая лужа медленно впитывалась в желтый песок. Смуглый подбежал, приложил ухо к груди штурмбанфюрера.

— Все, — сказал он. — Конец.

Бандиты молчали. Молчал и главарь. Краска волнения на секунду залила его лицо, потом оно приняло свой обычный надменный и безразличный вид.

— Мне жаль Онгуара, — холодно произнес Роотс. — Но он изжил себя. Он из другого времени.

Впервые он повернулся к Киви:

— За его смерть я судить тебя не вправе, Антс. Все мы человеки... Но тебя и твоих напарников я обязан судить за смерть троих других наших людей. Вы разлучались хоть на минуту, Кундшафтер?

— Да, командир, — пробормотал он. — Пока мы с Калле изучали дорогу, Киви обошел постройки, контору. Это заняло минут десять-двенадцать.

Главарь мигнул бандитам, и Киви в секунду оказался обезоруженным и привязанным к столу. Еще один взгляд и в руках у Роотса оказался зажженный факел: нещадно дымили портянки, обмотанные вокруг тонкого полена. Ян подошел вплотную к Киви и, впившись в него взглядом, отчеканил:

— Ты мне нравился, Антс. Да и сейчас нравишься. Но дело есть дело. Ты скажешь правду — и умрешь легко. Солжешь — и смерть покажется тебе счастьем по сравнению с дорогой к ней. Кому ты сообщил о нашей затее?

— Никому, командир, — спокойно ответил Антс. — Там было безлюдно, и никто не мог знать, что мы придем в питомник.

— Чудес не бывает, Антс.

И Яан поднес факел к его лицу. Запах горящей кожи разлился по бункеру.

Роотс отбросил головню в сторону, знаком показал, чтобы тела убитых были вынесены из бункера, обратился к Смуглому:

— Вы очень хотели, Кундшафтер, занять место Онгуара. Не ломайтесь, честолюбие в моих глазах — не самая плохая черта человека. Кое в чем вы замените нашего друга. Составьте письмо для Планетного Гостя. Он должен знать, кто нас покинул и кто нам рекомендовал этого фанатика красных босяков. А как будем держать связь и шифровать донесения, я сообщу вам. Письмо пойдет через Медницу.

Дублер становится первым

Пауль потускнел, замкнулся. Война отняла немало близких друзей, но не одела сердце в защитную броню от новых потерь. Трагическую развязку в деле с уборщицей он приписывал своему промаху. Гибель Антса Киви, подробности которой он узнал намного позднее, что-то надломил в нем. Любопытный и немного восторженный взгляд крестьянина преследовал Пауля по ночам.

Кумм встретил лейтенанта в коридоре, подошел, сдавленно сказал: «Товарищ Мюри, все, что нужно сделать для семьи растерзанного в банде Роотса крестьянина, делайте. Поезжайте к вдове, передайте... Словом, на мою помощь можете всегда рассчитывать».

Надо же такое! Именно он должен принести в семью Киви страшную весть. Пауль как мог оттягивал этот визит, да и дела требовали его присутствия в «глубинке». Но, наконец, он все же выбрался в рыболовецкий колхоз, который дал временное пристанище Анете и Олеву.

Пауль с трудом выдавил из себя, еле ворочая языком, ставшим вдруг сухим и жестким:

— Мало что знаем... Но Киви уже нет. Честно жил, честно погиб.

— А нам что за честь? — вырвалось у Анете.

Она затряслась в рыданиях.

Мальчик неловко подошел к ней. Непохожий на себя, словно охваченный жаром, он обнял мать. И выкрикнул прерывисто, отчаянно, но удивительно гордо:

— Я с тобой буду, мама. А отец будет с нами!

— Пусть этот человек сейчас уйдет, — шепнула Анете.

— Мама! Отец верил дяде Паулю. Значит нужно было так.

Пауль протянул Анете прощальное письмо Антса Киви, которое он оставил в тайнике, когда уходил в банду.

— Читай, Олев, — приказала женщина. — Громко читай. Теперь всем можно знать.

«Анете, Олев, — писал Киви, — никто меня не вынуждал взваливать на себя такое опасное дело кроме моей собственной совести. И давно надо было действовать, сразу после войны. А я все ждал, пока другие за меня и за всех нас воевали. Мы будем жить хорошо, но если что — Анете, вырасти Олева смелым и честным, а ты, Олев, очень береги мать.

Вам все расскажет мой друг Пауль. Верьте ему».

Они проводили его до автобусной стоянки. Олев растерянно сказал:

— Я уж не буду, дядя Пауль, поступать в университет...

— Министр просил передать, — оборвал его Мюри, — что государство берет тебя на свое обеспечение, пока ты будешь учиться. Отец видел тебя географом — стань им. И вам, Анете, поможем.

Время наступило напряженное. Мюри должен был «трудоустроить», как шутил Вьяртмаа, его и их нового компаньона Казеорга, а на Пауле еще «висели» дела минувших дней: связники резидента, погибшая уборщица...

Эндель Казеорг, физик исследовательской лаборатории Тартуского университета, одаренный молодой ученый, увлеченный яхтсмен, не случайно оказался в поле зрения чекистов. Сблизившийся в спортивном мире с Эдгаром Труу, Эндель уже давно произвел на него глубокое впечатление благодаря широким знаниям, редкостной политической интуиции, своему ровному и доброму характеру.

Несколько лет назад чекисты в районе Мярьямаа напали на след банды некоего Хиндрихсона. Самого Хиндрихсона, бывшего снабженца карательного батальона СС, собирались увлечь возможностью переправы в Швецию. «Владельцем шхуны» был выбран Труу. Но чтобы Хиндрихсон, коммерсант и хитрая лиса с острым нюхом, доверился первому встречному кэпу, нужен был еще один посредник. И вдруг Труу узнает, что Хиндрихсон был частым гостем семьи Казеоргов, и Эндель его отлично знает. Труу предложил привлечь

приятеля к этой операции и получил на это согласие в отделе.

Эндель внимательно его выслушал, весело рассмеялся, пояснил:

— По совести говоря, тут много аспектов. Груз семейных традиций, знакомство предков, неписанные законы буржуазной добропорядочности... Этот Хиндрихсон, как я понял с твоих слов, промышляет разбоем. А это уже и вовсе неинтеллигентно. Бери меня в долю, Эдгар!

Он нашел возможность увидаться с главарем банды, великолепно разыграть изумление «нечаянностью» встречи, и, несмотря на всю хитрость и нюх Хиндрихсона, увлечь его затеей благополучно выбраться из ловушки чекистов.

Приятели потом виделись реже. Эндель стал активно заниматься общественной работой, был увлечен своей наукой. Однако при каждой встрече с Эдгаром неизменно подшучивал:

— Неужели мы больше никого с тобой не будем похищать?

И вот снова им предстояло потрудиться вместе. На этот раз речь шла о замещении «вакантной должности», которая, судя по лихорадочной переписке националистической агентуры, стала для нее чуть ли не проблемой номер один.

Диск сообщил Тесьме и, через нее, Планетному Гостю:

«Все наши пожелания Племянница и Улыбка выполнили деликатно. Склонен доверить им выбор новых опекунов взамен выбывших». Заодно заметил, что «красные игры» (террористические акты) не популярны у рабочих. Улыбка был извещен Робертом (этот псевдоним возникал, когда Ребане действовал после консультации с английской спецслужбой), что последняя согласна доверить ему «замену Гурмана» (Онгуара) и дала уже указания на этот счет Планетному Гостю. Улыбка счел полезным, чтобы Бен-младший и Дедушка знали о его успехах. Первому он также напомнил о необходимости обставить его квартиру «более современной мебелью» (прислать более мощный передатчик), второму — о том, что их «общие друзья в Скандинавии хотели бы увидаться с очаровательной Племянницей».

Все это было прелюдией к встрече на улице Пагари. Беседу, с согласия министра, они вели впятером: Анвельт, Мюри, Труу и Вяртмаа, а пятым был Эндель, недоумевающий, взволнованный, даже чуть оробевший от высокого доверия чекистов.

— Во-первых, у меня есть своя и довольно неплохая профессия, — его доводы были сформулированы точно и логично. — Во-вторых, чтобы добровольно заточить себя на долгие месяцы в бункер, надо быть убежденным в том, что ты сумеешь выполнить данное поручение. Но ни вы, ни я сам в этом далеко не уверены. В-третьих, у меня есть некоторый

гражданский авторитет в университете, и это не перечеркнуть за одну минуту или за один день никакими воззваниями или речами. В-четвертых, если даже закрыть глаза на эти три довода, то еще у меня есть отец, старый лесничий, который верой и правдой служит Советской власти и, кажется, неплохо ей служит. Что вы противопоставите всему этому, люди?

В первую минуту эта стройная система доводов привела их в замешательство, но капитан Анвельт сумел перехватить инициативу.

— Ваша профессия, товарищ Казеорг, — улыбаясь, парировал он, — при вас и останется. Мы просим вас подарить нам, а точнее Эстонии, какие-нибудь год-полтора. Я уже не говорю о том, что перед вами сидят не чекисты от рождения, а переводчик, счетовод, боксер и фрезеровщик.

— Ты действовал в операции по изъятию Хиндрихсона, — напомнил Труу, — весьма профессионально. Ты знаешь три языка — это важно, если с тобою захотят встретиться представители иностранной разведки. Так что твой второй довод отпадает.

— Фантазируешь, Эдгар! — не удержался Казеорг. — Да меня в бункере ни один лесной брат не признает за своего!..

Вмешался Вяртмаа:

— Ты не обычный лесной брат, Эндель. Ты — один из идеологов «братства». Онгуар выбыл из игры, ты займешь его место. Дублер как бы становится номером первым. А допроса с пристрастием, схватки не опасайся — рядом буду я.

Казеорг улыбнулся:

— Значит, ты мне еще и схватку обещаешь? Это уже интересно. А как насчет...

Теперь вступил Мюри:

— Отцовский и ваш авторитет как сознательных граждан Советской Эстонии — пожалуй, самая уязвимая часть операции. Но ведь существует и камуфляж, прикрытие, за которое легко выдать все ваши речи и выступления. Если бы в стане врагов были только откровенные антисоветчики, — куда легче было бы с ними бороться. Кроме того, мы создадим вам легенду ученого, собирающего данные о научном потенциале Советской Эстонии для Эстонского комитета в Стокгольме. Ваш отец пригласит к себе погостить своего брата из Швеции... Тут есть над чем поразмыслить резидентам.

Эндель вдруг расхохотался:

— А вы предусмотрительные люди!

Это было еще полусогласием, и нужно было провести долгие дни в беседах с молодым ученым, чтобы подготовить его к многомесячной изнурительной тайной войне в эстонских лесах.

Дважды обсуждала идею «бункеризации» Казеорга кол-

легия министерства. Начиная обростать подробностями легенда о тайных намерениях молодого физика. Университетское начальство по просьбе Кумма отложило командировку Энделя в Англию, в Швецию пересылалось приглашение в гости Казеорга-старшего своему брату. Неподалеку от границ лесхоза, который выходил на берег Чудского озера и в котором работал старшим лесничим Ааре Казеорг, неподалеку от поселка Ряпина, в бору, неизвестные люди начали по ночам вгрызаться в землю, завозить сюда доски, шпалы, куски ржавых рельсов и даже бетонные столбы...

Смерть Киви заставила многое пересмотреть. Яану Роотсу нужно было дать время, чтобы улеглась его подозрительность. Но Анвелът и Мюри пользовались каждой возможностью, чтобы нащупать новые подходы к банде. Стало известно, что от Роотса бежал Тийт Калле, опасавшийся расправы над собой за внедрение в банду предателя. Подходы к флигельку Майму, нашедшей приют у родственницы в предместьях Хаапсалу, тщательно контролировались, но Калле не появлялся.

Крошечный просвет возник при дополнительном расследовании обстоятельств смерти уборщицы. Вместе с сотрудником прокуратуры Пауль отправился на место происшествия. Следы были уже затоптаны, ничего примечательного поиск не дал. Вдвоем они разобрали поленницу. Пауль осматривал каждый чурбан и вдруг на одном, торчавшем снизу, заметил прилипшие светло-песочные волоски, похожие от шерсти животного. Ни кошки, ни собаки Линда дома не держала. Экспертиза установила, что волоски могли принадлежать собаке гладкошерстной породы, например, пинчеру или догу. Пауль сразу вспомнил про песочного дога Эвы Мартсон и попросил экспертов еще раз осмотреть доставленные из дачного домика веревки: не окажутся ли на них собачьи волоски. Оказались. Те самые.

— Где ходим, что ищем? — пропел ему Грибов, встретив Мюри в отделе. — Тебя замминистра заждался.

Мюри доложил о приходе, но полковник словно бы и не слышал его, продолжая мерять комнату шагами. Наконец остановился у письменного стола, поднес к глазам приглашенный билет.

— Завтра министерство сельского хозяйства устраивает пресс-конференцию для газетчиков. Выступит группа председателей колхозов, сельские ветеринары, агрономы. Дадут слово и сельскому учителю. Чуешь, куда веду?

— Не совсем, Павел Пантелеймонович.

— Послано приглашение и нескольким иностранным корреспондентам, аккредитованным у нас в стране. Четверо из

них сейчас гостят в Таллинне. Двое — из соцстран, один швед и один американец. А от учителей... Хотелось бы, чтоб наши товарищи пригласили твою подопечную Альвине Лауба.

Мюри чуть не воскликнул: «Зачем?», но вовремя прикусил язык.

— Мы с таким трудом, — пробормотал Мюри, — отыскивали старенькую родственницу Альвине, которая еще до войны перебралась в Гётеборг. Не без сложностей получили от нее приглашение для Альвине. И вот когда все готово к поездке Лауба-Вессарт в Швецию, мы выставляем ее для обозрения как пропагандиста наших идей. Кто из националистов после этого захочет войти с нею в контакты?

— С одной стороны, недурно рассуждаешь, — Пастельняк заулыбался. — Только противника не стоит считать глупее себя. Противник наш должен знать, — заместитель министра поднял ладонь кверху и загнул один палец, — что, во-первых, агент, на которого он хочет делать ставку, пользуется известным престижем там, где проживает. Во-вторых, что этот агент, — загнул второй палец, — неглуп, умеет приспособливаться к условиям и, в известной мере, владеет техникой камуфляжа. В-третьих, эти господа там легко сообразят, что если коммунисты хотят внедрить в их среду Лауба-Вессарт со своими целями, то проще всего было бы вложить в уста учительницы на пресс-конференции какие-то критические замечания, хотя бы о местных неполадках. Не в лоб, не напрямую, а этак вскользь... А вот мы поступим наоборот. Пусть выступит и, если кто-нибудь из гостей даст повод, отбреет его с крестьянской сметкой и учительской любовью к правде.

— Не мой план, — подмигнул Пастельняк. — Идея принадлежит товарищу Кумму. — И заключил строже: — Значит, побывайте на пресс-конференции, послушайте, понаблюдайте, как будет действовать Альвине. Для нее это будет недурной школой перед «визитом к тетушке»!

... Журналисты атаковали вопросами о самых разных сторонах жизни. Разными были и отвечающие.

Язвительный голос прокричал из угла:

— А верно ли это, вы заставляете детей в школах писать сочинения на темы: «История моей Эстонии начинается с Советской власти»?

Председательствующий на пресс-конференции пояснил, что в зале присутствует учительница Михклисской сельской школы Альвине Лауба и она постарается удовлетворить любознательность господина журналиста.

— Товарищи, господа, — Альвине подняла над головой записную книжку. — Я могу, если хотите, пустить по рукам свои заметки. В этом году примерно треть учеников семи-

классной школы в Михкли свои выпускные сочинения посвятили теме: «Эпос «Калевипоэг» и современность», еще одна треть писала: «Любовь к Отчизне в поэзии Лидии Койдула», остальные выбрали тему «Человек рожден для счастья».

И когда стихи аплодисменты, Альвине сухо добавила:

— Но я догадываюсь, где вычитал эту тему господин из дальнего угла. О ней сообщалось в газете «Рахва хяэль», так назвал свое сочинение школьник Алекс. Его отца, мать и двух сестренек расстреляли гитлеровцы и их помощники с этих мест. Для Алекса, товарищи и господин из дальнего угла, жизнь действительно началась с восстановления Советов. Простим ребенку эту историческую вольность.

Она села на место при суровом молчании зала.

Пастельняк, пригласив к себе Альвине и Пауля, хитро посматривал на обоих.

— Все уже знаю и чуточку больше, — сказал он вместо приветствия. — Американец передал для своего агентства, что эстонская учительница либо чересчур твердолобая, либо ловко угождает властям. А что вы скажете, Альвине, на этот счет стокгольмским господам, если они захотят с вами встретиться?

— А вот это самое и скажу, — засмеялась Альвине. — Мы вынуждены лавировать. Бессарты не из тех, кто без надобности льют масло в лампаду.

Пастельняк и Мюри переглянулись.

— Насчет вашей тетушки по материнской линии, — мягко сказал Пастельняк. — Она-то уж подлинная, и тут все в порядке. Но не исключено, что вам подсунут в дом кого-нибудь из своих. На случай, если поинтересуются, почему так быстро вам оформили визу на выезд, мы заготовили телеграмму от гётеборгского врача о том, что медицина бессильна...

— У меня тоже припасена одна изюминка для любопытных, — выпалила Альвине. — Тетушка много лет хранит письма от Лидии Койдула, и наш литературный музей заинтересован их вернуть Эстонии.

Потом полковник обратился к Паулю:

— Мюри, как насчет фотоархива петроградского Бессарта?

— Все возможные альбомы с Альвине изучили. У нее наметанный глаз на лица.

— А я вас, Пауль, — засмеялась Альвине, — поблагодарю стокгольмским сувениром, только скажите, чего бы вам хотелось?

— Вы ему лучше адрес Планетного Гостя привезите, — пошутил Пастельняк. — Вон исхудал как. А все тоска по адресочку...

— Может, и добуду, — вздохнула Альвине. — Пока что

бухгалтер держит меня на голодной диете. Стал осторожнее, пугливее.

— Придется ослабить опеку, — вздохнул Пастельняк. — Пугливый Яласто для нас меньший ящик с информацией. Так что ты хочешь, Мюри, от товарища Лауба? Что она должна сказать там, — махнул рукой в неопределенном направлении, — о твоём протезе Энделе Казеорге?

Прощаясь, Альвине сказала:

— А если ко мне не обратятся?

К ней не обратились. За те сутки, что она провела в Стокгольме, у тетушкиной подруги, никто из прохожих с ней не заговаривал.

Разговор на острие ножа

До отхода ее автобуса в Гётеборг оставалось пять часов. Альвине была одна в квартире тетушкиной подруги, когда зазвонил телефон. Глуховатый голос что-то спросил по-шведски, она ответила, что не понимает. Тогда ее спросили на хорошем эстонском языке, не госпожа ли Лауба-Вессарт взяла трубку. После этого предложили спуститься вниз, сестра в «форд» цвета слоновой кости и проехаться с другом господина Диска.

Она оставила хозяйке записку, что прибудет к отходу автобуса, и отправилась.

В машине, кроме шофера, сидел человек с сильной проседью в каштановой шапке волос. Он поцеловал гостью руку и заявил, что счастлив приветствовать от лица своего патрона Альфонса Ребане истинную дочь Эстонии на гостеприимной земле Швеции. После этого краткого предисловия седой подал знак шоферу, замолчал и лишь изредка обращал внимание своей спутницы на местные достопримечательности.

«Я должна знать это лицо, — мучительно раздумывала Альвине о своем спутнике. — Где-то я его видела».

И тут Альвине осенило. Пастельняк как-то обратил ее внимание на один снимок, помещенный в эстонской эмигрантской газете, издающейся в Швеции. Худощавый мужчина нагломерно смотрел на читателей, под фотографией было крупно подписано: «Я ненавижу даже гранатовый плод потому, что он красный». Пастельняк прокомментировал: «Арво Хорм, ярый антисоветчик. Бежал из Эстонии. По нашим данным, проходит подготовку в спецслужбе США. Словно в насмешку, получил после этой публикации кличку «Гранат». Начитан, знаток достопримечательностей европей-

ских городов, любит этим щегольнуть, слегка картавит».

Машина легко и бесшумно подкатила к древней церквушке. Спутник молча провел ее в алтарное помещение, отсюда они поднялись по нескольким крутым ступеням в комнату. Здесь находились двое мужчин. Как по команде, они наклонили головы в знак приветствия. Альвине пыталась сравнить лица этих людей со снимками, которые видела у Пастельняка. «Красавчик с усиками, — припоминала она, — не иначе как Альфонс Ребане. Но как полысел и мешки под глазами... А кто это жметя в угол с лицом лорда и улыбкой сатаны — не иначе неувядающий Торма».

— Всевышний призвал паству к доверию, — вдруг сорвалось у Торма. — С этого и начнем, госпожа Лауба-Вессарт.

Лицо Альвине стало настороженным, губы плотно сжались:

— К доверию? Я могла бы вам рассказать, господа, как встретили мое желание послужить национальным интересам эстонцев ваши люди. — Она закатала рукав жакета и протянула к ним руку, иссеченную шрамами. — Мадам Мартсон, господа, и ее дог.

— Ужасная женщина, — закатил глаза Ребане. — Я с нею работал. Обещаю вам от лица Эстонского комитета в Швеции: насилия и догов здесь не будет. Но мы должны немножко понять вас, госпожа Лауба, мы хотим знать ваши взгляды на борьбу, вашу оценку перспектив нашего движения.

Альвине говорила около четверти часа. Слушатели были недвижимы. Вопросы начал Хорм:

— Вам не показалось странным, госпожа Лауба: не успела тетушка прислать вам открыточку с просьбой навестить ее, как выездная виза у вас уже на руках. Не совсем привычные скорости.

— За три месяца до тетушкиного приглашения, — довольно безразлично отозвалась Альвине, — ее домашний врач сообщил мне, что дни ее жизни сочтены. Желаете взглянуть на телеграмму?

Хорм бегло пробежал текст, вежливо вернул, улыбнулся:

— Кто из НКВД вам протежировал?

— Музейные работники, — невозмутимо продолжала Альвине. — У тети хранятся письма Лидии Койдула, в Эстонии надеются, что я привезу их.

— Вопросы сняты, — хохотнул Арво Хорм.

— Вы говорите, что были близки в войну с помощником начальника вырусской «Омакайтсе» капитаном Тибером? Но Тибер не говорил нам этого.

— Он и не мог сказать, — спокойно пояснила Альвине. — Партизаны его уже в сорок четвертом повесили.

— Тогда кто это может подтвердить?

— Его вестовой. Сейчас он скрывается в лесу. Господин Йыги получил его подтверждение.

Ее спутники переглянулись, Хорм любезно сказал:

— Подтверждение Йыги это уже нечто. Оставим тему войны. Вы учительница, жена новоземельца, агронома. Что вы сделали в своей округе — я имею в виду Михкли — для укрепления лесного и вообще национального братства в нашем с вами понимании? Ваших разъяснений на пресс-конференции мы, разумеется, касаться не будем.

— Отчего же не касаться, — Альвине вздернула голову. — Прислали на конференцию несерьезного человека, квакающую лягушку, а мне что прикажете — в одно болото с ним влезать? И слово мне дали неожиданно.

— Пожалуй, в этих условиях в лужу вы его должны были посадить, — признал Хорм. — Тем не менее, не вздумайте нас уверять, что обучая своих питомцев стихам Пушкина и письмам железного Дзержинского, вы служите нашему общему делу...

Друзья ее повторяли: в момент, когда они потребуют от вас супер-акции, топните ногой, это подействует. И она «топнула»:

— Вы оторваны от реальных условий нашей работы в Эстонии, господа. Вы не знаете, в какой обстановке слезки и недоверия нам приходится проделывать свой каждый шаг. Мы не лесные братья, мы легализованы, и мы должны заниматься не диверсиями, не потравой колхозного стада, а объединением сил движения и воспитанием нового поколения на наших идеях. Я могла бы давно стать директором школы, но я предпочитаю делать из наших детей завтрашних бойцов. У меня наготове уже три боевых отряда юнцов, господа, — это был заготовленный козырь, — они пойдут со мной в огонь и воду. Они уже расклеивают листовки и иногда связывают с нами лесных братьев. Если это мало, господа, то что может быть много?

Ее речь ошеломила, заставила их что-то заново обдумать.

— А что делает ваш супруг? — нежно прошелестел Ребане. — Он вышел из братства, ему доверены колхозные поля.

Альвине махнула рукой:

— Вы читаете «Рахва хяэль»? А надо бы! В одном из августовских номеров была заметка их спецкора, он писал, что посевы под Михкли горят, уборочные работы необъяснимо растянуты, агрономическая культура хромает. Вы полагаете, это обошлось без агронома Лауба?

И снова она заставила их отступить.

Хорм небрежным движением рассыпал на журнальном столике пачку фотографий.

— Пожалуйста, госпожа Вессарт, отберите из них те, где сняты ваши родственники.

Он просмотрел отложенные ею снимки, улыбнулся.

— Все совпадает. Тогда вы легко узнаете своего живого родственника.

Поднял со столика колокольчик, легко им звякнул.

В дверях появился рослый, широкий в плечах мужчина, один глаз его был закрыт черной повязкой, второй поблескивал, сверля женщину, толстые пухлые губы его были вытянуты вперед, отчего в лице проступало что-то рыбье. «Сом, — сказала себе Альвине. — Вот будет номер, если он окажется шурином или племянником этого висельника Вессарта. Тогда кто же он мне?»

— Ну, здравствуй, племянница, — строго сказал Сом. — Вот и встретились на чужбине. Только загвоздочка получилась небольшая: в Выру у нас с братом такой племянницы не было.

Пастельняк, Анвельт, Мюри предупреждали: не спеши, не горячись, дай высказаться родственнику или провокатору. Помни, что ты знаешь обо всех Вессартах даже больше их самих.

Ее долгое молчание собравшиеся расценивали по-разному. Торма сухо обронил: «Дочь моя, если прегрешения завели вас на дорогу дьявола... Все поправимо». Хорм саркастически улыбался. Альфонс Ребане бросил вновь пришедшему:

— А вы вообще кто, господин?

— Эмигрант, — скривился тот. — До войны и еще в пору жизни старшего брата, казненного большевиками, владел лесным угодьем в Вырумаа.

— Ну, хватит! — Альвине и сама не заметила, что в эти слова вложила искреннее презрение. — У петроградского Вессарта не было ни родного, ни двоюродного брата — лесопромышленника. Да и кроме моих родителей и еще двух сестер, в Выру у него родных не было.

— Позвольте, позвольте, любезная родственница, — ее «разоблачитель» усмехнулся. — Вы были слишком малы и, возможно, не помните свою тетю Меэту, которой я приходился мужем, а стало быть петроградскому Вессарту — пусть не прямым братом, но все-таки кузенком. И с вашим *papá*, — он произнес это слово на французский манер, — с Густавом Вессартом я имел честь заключать сделки на перепродажу льна-сырца...

«Про Густава он наслышан», — отметила она для себя.

— Бунтарская натура, — продолжал Сом, закатывая глаза. — В сороковом встречал большевиков цветами, в сорок первом отвергал немецкую помощь.

— В сороковом отец пролежал полгода, и без цветов, в

Тартуской больнице, — оборвала его Альвине. — А в сорок втором, действительно, отказался объединить свое крошечное дело с немецкой фирмой.

Перехватила напряженные взгляды собравшихся:

— О, господа, отнюдь не из приязни к Советам. Отец был убежденным сторонником того, что Эстония должна сама избирать свою судьбу, что ей незачем жить по иностранным рецептам. Ему это обошлось потерей выгодных сделок, но принцип восторжествовал, господа!

— Bravo! — Арво Хорм хлопнул в ладоши. — Очко в вашу пользу, госпожа Вессарт. Что у вас есть еще в кармане, любезный?

Человек с завязанным глазом отвесил легкий поклон.

— Разрешите вернуться к военным годам, уважаемая. Ваша версия о трогательной дружбе с капитаном Тибером как-то противоречит всему, что случилось с ним перед приходом русских. На хуторах говорили, что вы, именно вы, сударыня, свели его со своей закадычной подругой, затеяли не то вечернику, не то помолвку — и вот совпадение: налет партизан, казнь достопочтенного капитана, а через месяц-другой ваша подруга уже оказывается женою какого-то босяка. Это удивило всех. Не говорю уже о пасторе Таломаа, который, по его словам, был втянут вами в странный церковный обряд...

— Представляю, каково бы мне пришлось, — хмыкнула Альвине, — если бы господа Йыги и Яласто не предупредили, что вас могут интересовать мои связи в войну. Не хотелось об этом говорить, но придется. Капитан Тибер был моим женихом, господа.

— Лжешь! — выпалил Сом. — Пастор Таломаа...

— Не надо о пасторе! — жестко оборвала его Альвине. — Пастора здесь нет, но у меня сохранилось его письмо.

И она запустила руку в сумочку.

— Разрешите? — бесцеремонно протянул руку Торма. — Пастор Таломаа был моим другом, я знаю его почерк.

Альвине протянула ему измятый надорванный лист бумаги, сложенный пополам. Торма не спеша развернул его, впился взглядом в мелкую вязь слов: «Дочь моя, — прошептал он, — желание капитана Тибера и ваше для меня более, чем достаточно, однако нужно ли афишировать предстоящий обряд? Органичьте круг приглашенных, насколько это будет возможно, моя милая Альвине».

— Его почерк, его слова! — подтвердил Торма. — Рука Таломаа!

«Да только невеста из другого теста», — хотелось добавить Альвине. Сом начал старательно обозревать дверь.

— Вы хотите извиниться перед госпожой Вессарт? — грубо спросил его Ребане.

— Отнюдь нет! Обращаю внимание своих земляков на то, что мои кузены — таллиннские Вессарты не имеют в своих альбомах ни одной фотографии госпожи Альвине. Не странно ли?

— Да вы-то, — распалилась Альвине, — знаете ли хоть одного брата Вессарта, знаете, что они делали?

Сом склонил голову набок, облизал пересохшие губы.

— Годы, само собой, вытравили... Наш средний, — зашевелил губами, — портновское дело имел. Как же его?.. Юхан или Як?..

— Сами вы Юхан или Як, — передразнила его Альвине. — Эдуард Вессарт был скрипач, Мадис Вессарт мельницей владел... — И нанесла последний удар. — Если вы муж Меэты, то скажите, где пребывает сейчас ваша дочь и как ее называли в доме?

— Каролине, — пробормотал он, — я звал ее Карла... Со мной скитается, бедняжка...

— Мы звали ее в семье Лолой, скиталец! — поддела его Альвине. — В программах театра «Эстония» вы найдете среди солисток имя своей дочери... мнимый *papá*, — она вернула ему его французский акцент.

В комнате возник смех. Торма хохотал надсадно и протяжно. Но по виду Сомы Альвине почувствовала, что у него приготовлена еще одна подножка. Да и не очень понравилось учительнице слабое место, обнаруженное в легенде: ни одного ее снимка и впрямь не было в альбомах «тех» Вессартов.

— Теперь мой черед задавать вопросы, — довольно дерзко заявила Альвине. — Считаю это своим долгом в память о Тыниссоне-Багровом. Его сыну было обещано, причем вами, господа, достойное положение в обществе. Что вами сделано для этого? Добились ли вы перевода сбережений Тыниссона со счета?..

Выдержав эффектную паузу, она назвала номер счета. И выложила на стол фотографию, обнаруженную в портсигаре Багрового.

Ее собеседники нахмурились. Хорм небрежно заметил, как бы отделивая себя от членов эмигрантского сообщества:

— Это уже ваши внутренние дела, господа, — подал Сому знак, и тот выскользнул из комнаты.

— Когда мы передаем вам информацию об Эстонии, — продолжала свою атаку на Хорма Альвине, — вы называете это защитой прав человека. Когда мы просим — не оплаты, нет, — маленького внимания к тем, кто добывает вам эти факты с риском для жизни, — вы заявляете, что это наши внутрен-

ние дела. Если так, что побуждает вас за десятки тысяч километров...

— Не зарывайтесь, госпожа, — лениво процедил Арво Хорм. — Как к вам попал номер счета в Стокгольмском банке?

— Для Тыниссона он был музыкой. Он записал его для меня, точнее — для сына.

Ребане кашлянул.

— Полагаю, любезный Хорм, мы можем приступить к делу, предварительно извинившись перед госпожой Лауба-Вессарт за систему тестов, которым мы ее подвергли.

Раздался хрип Августа Торма:

— Примите мои... и так далее. Альфонс, друг мой, берите быка за рога! Я хочу знать мнение госпожи Вессарт о наших кадрах.

— Здесь я плохой советчик, — Альвине решила для себя, что «топить» бухгалтера и акробата, о которых она уже извещала чекистов, было бы нелепо. — Диск отдает нашему движению много сил, его знают в лесных кругах, доверяют. Йыги — человек, безусловно, одаренный, изобретательный. Сейчас он делает ставку на Роотса, и это правильно.

— А другие? — спросил Ребане.

— Мне довелось сталкиваться с крестьянином из-под Вастселийна Рудольфом Илу. К его слову люди прислушиваются. Спасал группу Вяэрси. Жаждет отомстить большевикам, которые в дни окружения группы взяли заложником его сына. Проницателен, дерзок на язык, смел, умеет таить в себе националистические идеи. Других не знаю. Впрочем, нет, — спохватилась она. — Об одном много слышала — Эндель Казеорг. Он мог бы стать, если пользоваться красным словарем, крепким идеологом нацподполья. Прекрасно укрывался в университете, играл роль наставника молодежи, но что-то вскрылось в его досье, какая-то утечка научной информации. Его командировка в Англию отложена.

Альвине посмотрела на ручные часы. Ребане ее успокоил взглядом.

— Я доставлю вас быстро на место. Все директивы мы передадим тогда, когда вы возвратитесь из Гётеборга. Сейчас я предлагаю одобрить деятельность госпожи Лауба-Вессарт и сообщить ей, что отныне она может считать себя эмиссаром нашего Эстонского комитета. Полагаю, что в сфере ваших интересов, милая Альвине, будут лежать прежде всего...

— Прежде всего, — экономическая и культурная информация, — властно перебил его Хорм. — Экономика села, развитие образования. Продолжайте, коллега.

Ребане проглотил эту пилюлю.

— Далее, госпожа. Вы поможете нам в объединении лес-

ных братьев и, насколько сумеете, в подрыве колхозного движения изнутри.

— Если уж подбираться к колхозам, — уже более миролюбиво вставил Хорм, — то со стороны финансирования и снабжения. Ударьте по кредитам, и вы выиграете сражение.

...Альвине вспомнила предупреждение Пастельняка: «Они наобещают семь чудес света, а дадут вам с собой одни директивы. В этом случае заявите, что смысла в вашей встрече не усматриваете». Она так и сказала Ребане, когда он сообщил ей при втором свидании в Гётеборге, что явки у нее пока останутся старые.

— Что же изменилось? — дерзко спросила она. — Зачем вы подсылали к тетушке нотариуса с просьбой выяснить, действительно ли она завещала мне письма Лидии Койдула? Как вы помогаете расширять наше движение?

— Я не один, — невнятно произнес Ребане. — Другие осторожничают. И не все сразу, Альвине. Постепенно мы введем вас в курс всех наших дел. — Вдруг он оживился. — Послушайте, теперь вы будете диктовать лесным братьям стратегию действий. Вы и этот физик Казеорг. Я приготовил для вас и для него символы особого доверия.

И он подал ей несколько картонных квадратиков с отпечатками дорожных знаков.

— Этого мало. Я нуждаюсь в явке и связнике в Пярну.

— Запомните, — легко согласился Ребане, — фрау Мартсон... Наш испытанный кадр. Она свяжется с вами.

Через некоторое время сложными путями до Мати дойдет лаконичная записка:

«Дорогой брат мой Мати, друзья тетушки Ренаты встретили меня радушно, считают, что я похожа на своего дядюшку, которого мы потеряли в Петрограде. Они хоть и старенькие, но любят пересказывать всем встречным-поперечным детские сказки и играть в оловянных солдатиков. Их трогательно оберегает от насмешек и заботится об их житье-бытье славный господин, между прочим, знаток истории европейских городов, он чуть не поймал меня на незнании географических открытий, но я выпуталась.

Тетушка (подразумеваются деятели эстонской эмиграции) забрасывает меня вопросами обо всех нас, обещает познакомиться с ее пярнуской приятельницей, у которой великолепный дог и еще много разных увлечений. Уверяет, что та поможет мне и моему Артурчику вести бюджет семьи без долгов и кредитов (намек на возможные диверсионные действия националистов по подрыву системы кредитования колхозов). Подарила мне очень удобную обувь (пароли), чтобы ходить по грибы и собирать в глухих болотах клюкву (имеются в

вилу связи с лесными братьями). Ее когда-то водил по ягодным местам ухажер, ночевавший под каким-то мостом у черта на куличках (Альвине недвусмысленно намекает на Чертов мост в Тарту и Энделя Казеорга), смеется: «Отыщи его» (сообщение об интересе к Энделю со стороны Эстонского эмигрантского комитета).

А вообще ты прекрасно снарядил меня в дорогу, дождь или солнце — а я одета как следует. Обнимаю. Твоя сестренка Эльви. (1950)».

Книга с металлическими застёжками

Между заболоченным озерцом и лесом друзья нашли укромную ложбинку, где их никто не мог увидеть. Взгляд Эльмара бесцельно блуждал между озерцом и густыми зарослями кустарника. По внешнему виду он мало чем отличался от крестьян, забравшихся в леса.

— Понимаешь, — наконец признался Эльмар, — я никогда не думал, что многонедельное ожидание в бункере плюс полнейшее бездействие могут так измотать.

Вяртмаа сорвал кувшинку, помял в руке, вдохнул глубоко и выжидающе посмотрел на друга.

— Дело такое. Встретился мне на озерном берегу путник, шагов за десять остановился, негромко сказал: «Хочу пристать к верным людям. Называли мне имя Казеорга. Не слышал? И не надо. Только, если встретишь его, скажи, что многие к нему придут, когда будут знать, где его дружок Хиндрихсон». С этим и ушел.

Пауля будто автоматная очередь с земли сорвала.

— Да это же начало переговоров! Кому дать знать?

— Вручи нам доказательство непричастности Энделя к истории с Хиндрихсоном, а уж прохожие бродяги найдут нас.

— Доказательства заготовят, наверное, Грибов и Труу, — раздумывал вслух Пауль. — На меня навалилась гора загадок. Следующая встреча — у лесничего.

Когда Мюри пришел в дом по улице Пагари, он по ухмылкам товарищей понял, что есть неплохая новость.

— Анекдот, — махнул рукой Грибов. — К нам попало письмо Альфонса Ребане к Арво Хорму и ответ американского разведчика на сетования этого полководца без армии. Драчка в эмигрантских кругах. Честно говоря, это хлеб для газет, но в письмах есть несколько оперативных данных. К

тому же генерала беспокоит, не заподозрит ли эта братия в добывании писем Альвине, хотя она тут ни при чем. Если хочешь, ознакомься.

Пауль понял, что задело Ребане. Хорм пробивался через голову Эстонского комитета и так называемый Заграничный центр Национального комитета Эстонской Республики к их агентам, действующим в ЭССР, желая получать информацию из первых рук. Кроме того, он связался с помощниками Мак-Кибина, намекая, что его «фирма» была бы полезнее английской спецслужбе, чем дряхлеющие стокгольмские эмигранты. «Вы осмелились затеять с Лондоном торг, — негодовал Ребане, — используя наших людей и наши сведения. Вы осмелились намекнуть полковнику Скотту, что мы опираемся на новых функционеров в ущерб испытанным кадрам Вашего военного кумира, и даже цитировали фюрера, забывая о времени. Нас, однополчан, уже немного, Хорм. Если будем петь нестройно мы, что останется делать нашим солдатам?» Хорм ответил безапелляционно: «Я прослезился, Альфонс, над Вашим посланием. Конечно, Вам удобнее одному торговать информацией агентов, которых моя нынешняя служба готовит и оплачивает — так же, как одному распоряжаться субсидиями друзей для содержания несуществующей армии. Что касается военного кумира, я думал, что он у нас общий, начиная с его мюнхенских игралищ. Если нужно что-то объяснить Мак-Кибину, то, наверное, мне это удобнее, чем человеку с кличкой Роберт от джонни и Бридж от янки».

...Выслушав просьбу Вьяртмаа, Грибов вызвал Эдгара Труу и предложил проехать с ним в исправительно-трудовой лагерь, где по определению суда содержался Хиндрихсон. Сейчас нужно было продолжать легенду о славном житии коммерсанта в аргентинских пампасах.

Хиндрихсон, как обычно, вылощенный, чисто выбритый, поглаживающий щегольские усики, встретил офицеров как добрых знакомых, шутил. Но, услышав о цели их приезда, принял вид обиженного ребенка:

— Мы так не договаривались.

— Но вы заявили на суде, — напомнил Грибов, — что готовы чистосердечно искупить свою вину и помочь другим, таким же, как вы, выйти из леса.

Хиндрихсон сдался. Правда, первый вариант своего письма к Казеоргу-старшему он начал откровенно фальшиво: «Я нахожусь сейчас, мой друг, на террасе своей виллы в Буэнос-Айресе, залитой солнцем...»

— Нельзя ли реалистичнее? — предложил Труу. — Напишите, что устроиться трудно, что вы ищете себе дело, что скучаете по Эстонии и так далее.

Словом, письмо становилось правдоподобным. На конверт была наклеена подлинная аргентинская марка, и, как сострил Эдгар, она начала делать рекламу пляжей залива Ла-Плата в бандитских болотах.

Пока же Грибов предложил Мюри заняться Сангелом.

— Собери данные о Сангеле в управлении сельхозкооперации, улови суть этого непростого человека. Наконец и побороться за него стоит.

Побеседовав с сотрудниками управления сельхозкооперации о бывшем заместителе председателя, Пауль неожиданно для себя выяснил, что Сангел и сейчас еще иногда заходит сюда, просматривает свои старые бумаги.

— Ощущение, что Сангел запутался. Может, вы подключите к этому делу других, — взмолился Мюри. — Меня ждут Эльмар, лесничий.

— Быть по-твоему, — миролюбиво согласился Грибов. — Сангелом займется Анвельт. Кстати, Пауль, мне сказали, что перехваченную на днях шифровку ты соотносишь с уборщицей. Не произвольно ли?

— Может, и произвольно. Текст там такой, я уж его наизусть помню: «Тесьма просит помочь нашей соседке в течение дня переселиться. Опасно недооценить поручение. Диск».

— Да, отсюда многого не выжать. А что показывает племянник погибшей?

Племянник, припоминая разные подробности жизни тетки, рассказал, что у Линды хранилась старая фотография, она была снята в каком-то богатом доме разносящей гостям прохладительные напитки. Старушка даже уверяла, что встретила своего бывшего хозяина, весельчака и кумира их, горничных, поздоровалась, но, видно, обозналась, тот прошел мимо, даже не взглянув.

— Возможно, — предположил Анвельт, — ее бывший хозяин прячется от прошлого. Не повод ли это, чтобы расправиться с неожиданным свидетелем?

— Для человека с проблесками совести — конечно нет, — отозвался Пауль. — Для шпиона и бандита — да.

— Что же, — посоветовал Грибов, — попробуй по снимку определить дом, где служила горничная.

И конечно, не меньше занимала Пауля книга с металлическими застежками. Заинтересовался он ею случайно. Неожиданный уличный эпизод вызвал в памяти несколько странную ассоциацию. К газетному киоску подъехал автомобиль. Шофер выскочил и отнес киоскеру увесистые пачки газет. Затем вынес из машины тяжелую толстенную книгу и подал женщине, чтобы она расписалась в получении газет. «Ты бы,

приятель, еще потолще фолиант притащил!» — ухмыльнулся про себя Пауль.

И тотчас мысль запрыгала, завертелась, понеслась в маленькую захлавленную комнатку сторожа Исторического музея, где на столе, между чайником и тарелкой с остатками копченой рыбы, — как запомнились все эти мелочи? — лежала толстая книга с застежками, в твердом глянцеvitом переплете. Он еще принял ее вначале за Библию, но подойдя поближе, схватил взглядом запись на переплете: «Для от...» Для ответа? Для отправления? Для отзывов? Часть надписи прикрывала газета. Но застежки... Он где-то их уже видел. Где?

Решив проверить себя, он вновь отправился к сторожу домой. Позвонил в знакомую дверь. Ответили не сразу, потом лязнул засов, показалось заспанное лицо сторожа, он долго смотрел на посетителя, спросил:

— Входить будете или что?

Пауль шагнул за стариком.

— Может, помните меня? Я газету одну искал...

— Много вас, и все чего-то ищете, ищете, — бормотал старик, приваливаясь на стул к стене. — Ну, а теперь что?

— Да книжечку у вас одну занятную увидел. — Пауль понял, что дело его дрянь, ибо старик сразу прикрыл морщинистые веки, будто сном привороженный. — Толстенная, в черном переплете.

— Да уж и не помню такой, — старик все не раскрывал глаз. — Может, старуха молитвенник заносила, да унесла, а может, племянник из библиотеки чего нанес...

Пауль готов был поклясться, что старик помнит, о какой книге шла речь.

Однако эта таинственная книга с застежками не давала ему покоя. Лейтенант побывал уже в Историческом музее, в других музеях, даже по магазинам канцтоваров прошелся, но книг с такими застежками не встретил. «Книга от... — шептал он со злостью. — Предположим — отправлений, а может, отзывов...»

Преследуемый навязчивой идеей, он разузнал в Историческом музее, что их сторожа иногда совмещают основную работу с дежурствами в Городском музее, особенно — в праздничные и воскресные дни. Снова метнулся в подвальный зал ратуши, нашел старушку-смотрительницу, спросил, не у нее ли книга отзывов. «Нет, милый, — испуганно ответила она, — ты уж у начальства спроси, они тебе все выдадут...»

В башне Толстая Маргарита гулял ветер, небо было и ее крышей, но в пристройках сохранились крошечные комнатки, где была размещена небольшая экспозиция. И там, на

маленьком столике, покоилась его книга. Ее толстый мягкой кожи переплет сжимали как раз те самые металлические застежки, которые не давали Паулю покоя столько месяцев. Он нежно взял в руки этот увесистый том и услышал голос сотрудницы:

— Она для отзывов, молодой человек. Эту книгу с собой не уносят.

Он весело пояснил, что и не собирается уносить. Но в тот же день договорился в Комитете культурно-просветительных учреждений, и книгу отзывов для него затребовали. Пауль принес ее в отдел и нетерпеливо раскрыл, будто она должна была незамедлительно ответить на все его мучительные вопросы и недоумения. Ничего примечательного беглый осмотр не дал, да, собственно, что он искал в ней? Сколько он ни переворачивал эти плотные глянцевые листы, ни вчитывался в строки отзывов, ни искал пометки на полях, сколько ни вдумывался в подтекст коротких записей, не находил в них ничего необычного, а тем более подозрительного.

А все же зачем понадобилось сторожу забирать эту книгу на дом? Не сумев себе объяснить побуждения, попросил также доставить в отдел книгу отзывов из Исторического музея. Та же картина.

Мюри отложил обе книги в сторону, забрал у Грибова письмо «из Аргентины» и отправился в ряпинаское лесничество.

Высокий статный старик встретил Пауля в дверях своего домика, приветливо завел, усадил, предложил кружку крепкого пива.

— Так вы что, — насмешливо спросил он, — физическую лабораторию в лесу для сына устроили? Оригинально.

Паулю давно нравился этот крепкий кряжистый человек, который знал каждое дерево в своем большом хозяйстве, а еще лучше — людей, живущих в его округе. Немцы общего языка с ним не нашли. Прикинувшийся подслеповатым, больным, он отошел от дел, отлеживался и только самых доверенных крестьян сурово предупреждал: «Берегите лес. Эти уберутся, а нам и нашим детям жить и питаться лесными соками». Немцы прослышали, что младший брат Ааре Казеорга — Тобиас является совладельцем фирмы по производству изделий аэродромного назначения и через норвежских посредников имеет тайные связи с одной из крупных немецких фирм. Может быть, это обстоятельство уберегло Ааре и его семью в эти тяжелые годы, а заодно и несколько советских партизан, укрытых лесничим в лабиринтах своей лесной вотчины.

Братья связи друг с другом не поддерживали. Лишь после войны Тобиас начал писать и интересоваться жизнью семьи

брата. Лесничий скупно сообщил, что жену потерял в сорок четвертом, случайное осколочное ранение, сам здоров и лесничествует. Эндель в университете. Они ни в чем не нуждаются и ничего от брата им не надо. А Тобиасу желают спортивного здоровья и процветания фирмы.

Тобиас исправно продолжал поздравлять с праздниками. Однажды испросил визу для поездки в Таллинн по делам фирмы и быстро получил ее, да еще пришло и приглашение брата погостить у него. В последний день пребывания брата Ааре завел с ним туманный разговор о том, сможет ли устроиться Эндель, если бы надумал перебраться в Швецию. Тобиас прослезился, сказал, что у него нет наследников и Эндель заменит ему сына. Потом сделал широкий жест, извлек чековую книжку и выписал на имя племянника чек на триста тысяч крон. А на словах добавил, что в течение года сделает Энделя одним из совладельцев фирмы.

— А кто знает об этом, кроме вас? — поинтересовался Мюри.

— Вы хорошо соображаете, но и у меня не тыква на шее, — рассмеялся Ааре. — Чек я обронил в сельсовете. Его нашли, поднялся галдеж! Секретарь лично за мной прибежал. При всем народе допрос мне учинили, знают, что брат гостил.

— Ну, а вы что ответили?

— Меня все знают как упрямца, которого обухом не сломишь и златом не купишь. Я послушал и рявкнул на них: «Я всего себя власти отдавал, честно. А что получил? За сыном гнилой шепоток шлепает, на мое место нового лесничего присылают? Ну, я-то все равно проживу, но о сыне надо тоже как-то позаботиться». Повернулся — и домой. Так что, не шепоток пошел, а гром по уезду.

— Не переиграете, товарищ Казеорг?

— Если вовремя пришлете мне замену и письмецо от Хиндрихсона, то все будет, как в хорошем романе.

— Письмо я привез, о новом лесничем слух пущен. Хочу предупредить вас о возможных неожиданностях...

Старик посуровел:

— Как разговаривать с бандитами, не учите меня. Я самого гауляйтера провел, этих — уж как-нибудь.

— При немцах за вашей спиной тень брата маячила, — тихо напомнил Пауль.

— Ну, а сейчас — его чек и доля в фирме, — рассмеялся старик и примирительно заметил: — Не тревожьтесь, я больше вкладываю — сына. Еще скажите: кто это школу лесническую надумал рядом построить?

— Вообще, такая школа не помещает уезду, но затея наша, — признался Пауль. — Больше мне появляться у вас нельзя.

Но прораб на стройке и два его мастера, имейте в виду, представлены к вам. Для связи и прочего.

— Выходит, боитесь за меня?

— Я обещал Энделю, он должен быть спокоен за вас. И еще, я хочу вам передать привет от товарища Кумма. Вы работали вместе с ним на лесопилке, и он вас хорошо помнит. Он сказал, что справедливости и смелости у этого человека не отнять.

— Спасибо, Мюри, — старик был растроган, но старался этого не показывать. — Хорошо, когда министр помнит бывших сотоварищей.

Он сжал плечо Пауля и тихонько подтолкнул его к двери.

...В министерстве его первым увидел капитан Мялло.

— Я только что из Хаапсалу. Двое суток не отходил от койки Тийта Калле. Милиция его застала на хуторе, отстреливался, уложил двух наших. Словом, выходить его не удалось.

— Он сказал что-нибудь?

— Существенного ничего. Я уловил только, что Роотс писал какой-то медной дамочке...

— Аксель, а буквально, буквально?

— Это был уже предсмертный хрип, Пауль. — Мялло задумался. — Как же он сказал? «Ян... зря пишешь Меднице... Тебя простым свинцом трахнут». Эта фраза была повторена дважды.

Последние слова Тийта Калле будоражили воображение, требовали привести в систему все следы, доселе принимавшиеся за случайность, а они могли бы привести к Планетному Гостю! Вот когда знание связником изделий Фаберже, о которых вспомнил пастор Таммик, браслет, предподнесенный учительнице Лауба, а теперь и отзвук профессии этой трижды проклятой Тесьмы — «Медницы» сцепились, завязались в один клубок, которой еще предстояло, правда, разматывать и распутывать.

Войдя в комнаты, где Пауль ломал голову над всем этим, Грибов сообщил:

— Звонили из Комитета культурно-просветительных учреждений. Нужны нам еще их книги?

Пауль поднялся, беспомощно сказал:

— Идея пока не озарила.

— Так может, пока она озарит, идея, — иронически предложил Грибов, — ты вернешь книги? Куда, скажи мне, записать свои восторженные впечатления? Иголкой на груди накалывать по примеру морских волков? Или ручку в чернильницу макать — и на рубашку? Но прачечные белье с чернильными пятнами не очень охотно принимают...

— Как вы сказали, Алексей Иванович? Чернильные пятна.

Сядьте на минутку рядом со мною, товарищ майор, проверим вместе одну мою версию.

Он перенес на стол с окна две тяжелые книги: одну с застешками, черную, другую — просто в твердом коричневом переплете. Стал переворачивать страницы одной книги, другой.

— Значит, так, — принялся объяснять Пауль. — Вначале я искал в этих записях смысловую тайнопись...

— А с какой стати?

Пауль улыбнулся.

— Может, я и не делал бы этого... Если бы сторож не прихватил мою вырусскую газету... И если б не наврал мне насчет племянника в Выру...

— Значит, проверил?

— Так точно.

Грибов стал всматриваться в книгу.

— Двигай свою версию.

— Я искал все, что приходило на ум, — признался Пауль. — Тайнописи, пометки карандашом, подчеркнутые буквы, особое значение подписей под отзывами... Ни черта!

— Так где же черт спрятан?

— Может быть, в чернильных пятнах... Многие пишут сейчас своими авторучками. Но в Городском музее возле книги стоит письменный прибор — чернильница и ручка. Присмотритесь к характеру пятен, размазанных кое-где по отзывам: они не везде одинаковы, системы в них особой нет. Система в другом: в том, что они вообще есть. И заметьте, не столь уж часто.

Полистал страницы, что-то подсчитал:

— Один день в музее выходной, шесть рабочих. На шесть дней приходится четыре отзыва в пятнах. Два написаны синими чернилами, два — зелеными. Один цвет — связников, другой — резидента.

— Любопытно, — отозвался Грибов. — Подсчитай пятна в соседней неделе.

Пауль пересчитывал, широко улыбнулся:

— Поздравляю вас и себя, Алексей Иванович. Две записи синих, две зеленых.

— Ты это с ходу придумал или уже до меня знал?

— С ходу. Да только я эти книги не один десяток раз перелистал и эти чернильные пятна не один десяток раз видел.

— Теперь объясни, зачем книгу из другого музея брал?

— Решил, что будь я на месте этих связников, то разнес бы переписку по разным музеям.

Они склонились над второй книгой.

— Пожалуй, это для них запасной вариант. Всего две записи в неделю.

— К сожалению, записи вполне миролюбивы. К примеру эта: «Не так много зданий, где бережно сохранена глубокая старина, средневековые — от львиных колотушек на дверях до стрельчатых окон 1410 года. 10-б класс». Что тут подозрительного?

— А то, что окна были прямоугольные, а в стрельчатые их переделали в XIX веке.

— Ты и это вычитал! Ну, ошибся десятиклассник...

— А в этой записи тоже ошибся? — Пауль зачитал: — «Мы не забудем...» Это не то... а, вот оно... «десяти строгих сводов большого зала. Инженер-строитель». Подпись неразборчива. Инженер мог бы на пальцах сосчитать — сводов всего восемь. Элементарные ошибки, товарищ майор.

Грибов снял трубку телефона, переговорил с начальником контрразведывательного отдела. Задумался, поискал на столах справочную книгу, полистал ее, набрал новый номер.

— Хотел бы попросить директора. Вы у телефона? Грибов беспокоит. Алексей Иванович — точно. Рад, что помните. Дело пустяковое. Не дежурит ли сейчас в музее ваш сторож, старикан, на Пярнуском шоссе проживает? Что? Благодарю. Я скоро буду у вас.

Повернулся к Паулю.

— Догадался? Планетный Гость все время нас на один ход опережает. Сторож уже неделю не появлялся. И дома его нет. Милиция поставлена в известность. Черт возьми, твоя версия, кажется, проходит.

Кто кому брат

Сторожа не нашли. Он как в воду канул. Соседи только помнили, что неделю назад он встретился им на лестничной площадке с огромным рюкзаком за плечами и охотничьим ружьем. Мюри прикинул, что как раз в эти дни из музеев были затребованы книги отзывов. Хозяева могли приказать связнику-сторожу убраться из Таллинна, а могли и сами его «убрать», как сделали это со старой тетей Линдой. И о ней новых сведений не поступало.

Дешифровщики ежедневно появлялись у Грибова и докладывали ему, что отмеченные им записи «не разгадываются».

— Да нет же такой клинописи, — кипятился Грибов, — которую нельзя понять современникам. Даже знаки древних майя на камнях начинаем читать.

Начальник шифровальной службы однажды зашел в отдел и хмуро пояснил:

— Дело в том, Алексей Иванович, что все известные нам способы шифровок донесений строятся либо на химической обработке бумаги, что в данном случае, очевидно, исключается, либо на сложных комбинациях букв и цифр, в которых мои коллеги разбираются прилично. А раз они подняли руки вверх, значит здесь применен иной ключ. Существует еще шифровка, основанная на соотношении текста записи с известным литературным произведением или справочником. Сейчас наши товарищи работают в этом направлении. Но вы же сами сказали, что вряд ли у связников хватило бы на все это времени. Нет, нет тут что-то было иначе.

Повертел в руках фотокопии нескольких отзывов.

— Совершенно стандартный набор фраз: «Рассказ экскурсовода оставил у нас огромное впечатление...» Я бы давно вам сказал, что разгадка лежит не здесь, да экспертиза обнаружила схожесть почерков у двух «зеленых». Правда, автор записей одну делал правой рукой, другую — левой, старый фокус.

— Вот видите, товарищ капитан, — загорелся Пауль. — Дважды человек не будет без особой нужды записывать свои впечатления в одну и ту же книгу. — С надеждой спросил: — А может секрет не в самом тексте, а в манере начертания букв?

— По нашей просьбе графическая экспертиза подвергла отзывы анализу на так называемое самоискажение. Кроме одного случая нет этого искажения.

Задумался, развернул фотокопии веером, как игральные карты.

— Попробуем еще дедовский способ... Подстановка в шифрограмму предполагаемых имен, географических мест.

Грибова вызвали по телефону из Тарту. Повесив трубку, майор с досадой сообщил:

— Комбат народной защиты звонил. В Тартуском уезде живет семья Оясоо. Хуторяне как хуторяне, но маленькая накладка вышла: их облыжно обвинили в кулацких замашках. А теперь вокруг Оясоо подозрительные типы забегали и, по данным комбата, двое братьев исчезли из дому. — Хлопнул ребром ладони по столу и чертыхнулся.

Пауль молчал, зная, что сейчас и до него дойдет очередь.

— А ведь переигрывают нас господа националисты, не иначе! С чего бы братьям деру давать? Между прочим, это дело в нашем плане стояло, кто-то имел честь даже в докладной на имя генерала писать о них... Оформляйте командировку в Тарту, Мюри!

Из лондонского разведцентра была переправлена депеша в Эстонию: «Друг мой, Планетный Гость! Два джентльмена «С» (Санди, он же Мак-Кибин, и Скотт) находят, что все мы,

Яан (Роотс) и Вы обязаны ответить на их доверие оглушительным псалмом (диверсией), массовыми процессиями верующих у очагов сеятелей добра (налетами на колхозы). Иноверцы вам дали прекрасный повод преследованием лесовика (Казеорга-младшего) и человека из Вастселийна (Рудольфа Илу). Начните же эту религиозную войну с размахом. Фредди».

Адресат не замедлил откликнуться и отдал приказ своим тайным силам: «Для сведения Тесьмы и Диска. Духовные пастыри находят положение сверхкритическим. Направить Яана на разгром крупного очага учреждений красных. Акцию сопроводить волной протестов против преследования семьи лесничего, человека из Вастселийна и братьев из окрестностей Тарту (Оясоо). Проверив лояльность первого, сосредоточить вокруг бункера его сына лесных братьев. Форсировать обращение к нашей вере Кооператора. Настаиваю на немедленной сенсации (провокационном акте) в зале встречи ученых Эстонии и их гостей из шести республик. Распределите силы с Улыбкой и Племянницей. Планетный Гость».

С семьей Оясоо, действительно, получилось неладно. И первым, кто сообщил об этом уездным властям, был командир батальона народной защиты, созданного в районе Тарту. Ханс Матик.

Ханс вырос в этих местах, вернулся сюда после войны в составе Эстонского корпуса, здесь же и осел на хуторе близ Вольди. Он знал еще старика Оясоо, толкового и рачительного хозяина. Семья его жила в достатке, но обходилась без батраков: «Мои батраки — три богатыря, — шутил Оясоо, — подарок жены Эльмы». Два младших сына, Арво и Айвар, в войну оставались с отцом, старший Олав неожиданно для семьи вступил в охрану Тартуского концлагеря, но не выдержал страшных картин пыток, бежал от немцев и прятался где-то в уезде. Говорил, что старика Оясоо, человека, известного своей честностью и справедливостью, измена Олава свела в могилу раньше времени. Олав после войны явился в прокуратуру с повинной, искупил свои метания безукоризненным поведением в исправительно-трудовом лагере. После выхода на свободу заявил матери, что хочет помогать ей и братьям. Перебрался с ними на пустующий хутор среди Кассинурмеских холмов, потому что находится среди соседей, помнящих его бесчестье, не мог.

Жила семья спокойно, младшие учились, обживали с Эльмой свое новое хуторское хозяйство. Олав работал на стройке. А в марте сорок девятого произошла ссора между Айваром и работником народного дома, депутатом сельсовета, человеком новым в уезде, но горлопаном и демагогом. «Ты из семьи пособников! — кричал он при всех Айвару. —

И хозяйство ваше кулацкое!» Айвар сгорал от стыда, по хуторам пошел шепоток. Дошло до Эльмы, она растерялась: «Какое же кулацкое — шесть соток, как у всех».

Бросилась в сельсовет, там обещали разобраться, а ничего не предприняли. Но кому-то понадобилось, видно, довести до трагической развязки выходку работника народного дома. В районе Табивере неизвестные бандиты ранили милиционера. В дом к Оясоо была подброшена анонимка: в ней сообщалось, что подозрение пало на младших Оясоо (а они как раз в тот день ездили в Табивере за покупками), что прокуратура, якобы, рассматривает этот террористический акт как месть братьев за клеймо кулака, советовали пока не поздно, Айвару и Арво спастись в лесу. Недолго думая, не спросясь у матери и не дождавшись приезда Олава, оба брата скрылись из дому.

Эльма бросилась к давнему другу семьи Хансу Матику. Ханс обещал помочь, но было поздно. Айвар и Арво присоединились к какой-то шайке и совершили налет на колхозную подводу.

Самое странное заключалось в том, что не успели братья исчезнуть из дому, как эмигрантские газетенки уже возвестили о «новой волне антибольшевистского протеста, начатой лесными войсками (!) братьев Оясоо».

Всего этого Мюри, приехав в уезд, еще не знал, как не знал он и того, что буквально за неделю до него в дом к Эльме Оясоо в ночной час постучал пожилой осанистый человек. Он назвался другом ее покойного мужа и попросил ночлега. Визитер помнил многие подробности их довоенной жизни. Может быть, это расположило Эльму, а может быть, просто желание излить свое горе свежему человеку.

Незнакомец, назвавшийся Роогом, выслушал ее очень внимательно, сказал, что у него повсюду много друзей, и он сделает для семьи своего давнего друга все, что от него зависит. Но для этого он должен переговорить с братьями и готов задержаться на день. И Эльма устроила гостю свидание с сыновьями.

С ними Роог говорил уже прямее и откровеннее. Он показал братьям фотографии, на которых они были запечатлены во время их пребывания в Табивере и даже... нападения на телегу в лесу. Фотомонтаж был сделан мастерски и не вызывал ощущения фальшивки, равно как и постановление уездного исполкома о выселении семьи Оясоо и аресте младших братьев. Роог добавил, что эти материалы будут немедленно напечатаны в западной прессе, которая возьмет всю семью под свою защиту и даже будет добиваться предоставления ей убежища в Англии или Швеции. От братьев требуется немного: подписать соответствующее заявление для печати

и помочь группе Яана Роотса в прикрытии. Подметив колебания Айвара и Арво, Роог предъявил им письмо их покойного отца, в котором старик Оясоо высказывал уважение господину Роогу и желание доверить ему судьбы своих сыновей. Слова отца убедили, и они написали под диктовку Роога все, что он просил. Обговорив, что прийдет к ним с дальнейшими указаниями своего доверенного человека, что паролем будет имя Тесьма, Роог исчез.

Вот в какой обстановке оказался лейтенант Мюри, впервые переступивший порог дома Оясоо. Эльма оказалась и недоверчивее, и хитрее, чем предполагал Мюри. Ни словом, ни намеком не упоминая о случайном визитере, она высказывала обиду на сельсовет, утверждала, что сыновей после их бегства не видела. Сколько ни пытались Пауль и Ханс воззвать к ее чувству благоразумия, она отвечала только одно: «Не я им грозила выселением с хутора, не я их обвиняла в убийстве вашего человека. Кто все это сделал, пусть тот и отвечает».

Наблюдения за домом Оясоо не дали ничего нового, сыновья как в воду канули. Разговор с Олавом в Тарту оказался тяжелым и надрывным: он был искренне убежден, что братья в отъезде. Процедил: «Теперь и мне туго. Только жениться хотел...»

На очередное свидание с Эльмой Пауль и Ханс явились с выпиской из решения уездного исполкома, снимающего с семьи Оясоо обвинение в кулацком характере хуторского хозяйства. За дискредитацию местной власти был отстранен от работы в уезде работник народного дома. Пауль сообщил, что органы прокуратуры расследовали покушение на милиционера в Табивере и с братьями Оясоо его никак не связывают, что явка с повинной братьев позволит им сразу же продолжить нормальную жизнь на хуторе.

Чувствовалось, что старуха растеряна. Такое быстрое и беспристрастное рассмотрение дела вызвало у нее рой новых мыслей. «Может, это друзья господина Роога помогли?» — вдруг вырвалось у нее. «Человек он влиятельный», — вслух и не без умысла предположил Пауль. Легко выпросил у хозяйки несколько подробностей, поклонился, ушел.

Наутро у матери появился Олав, потребовал объяснений. Он устроил страшный скандал, заявил, что не позволит второй раз случайным и нелепым событиям ломать его жизнь. Невзирая на протест матери, он порывлся в вещах братьев, обнаружил одну оставленную Роогом фотографию, поддельные постановления и прочие бумаги, в которых не оказалось только письма старика Оясоо. Все это он передал Мюри. Пауль явился к Эльме, уже подготовленный для разговора.

Через неделю старуха стала откровеннее, но по-прежнему уверяла, что связь с сыновьями не поддерживает, а с господином Роогом их, мол, свел случай.

Наблюдения бойцов народной защиты действительно подтвердили, что за все это время к дому Оясоо никто не подходил и старуха ни с кем не общалась. Обдумывая эту странную ситуацию, Пауль и Ханс перебирали возможности сигнализации из дома сыновьям, но ничего путного, кроме выставленных молочных бидонов на дороге, изобрести не могли. Олав, мечтавший отвести от себя малейшие подозрения в пособничестве братьям, признался Мюри:

— Все у нас, как было. Чудно только: мать любила на ночь второй раз натапливать, сейчас ежится, а не топит.

Обсудили с опергруппой. Вечером Пауль и Ханс снова появились у Эльмы, принесли булку, дескать, чайком захотели побаловаться. «Хорошо бы протопить», — предложил Ханс. «Это в два счета, — поддержал его Мюри, — я сейчас вязаночку принесу». Эльма встала в дверях, заслонила выход, из глаз ее медленно потекли слезы.

— Поговорите же с ними, — мягко предложил Мюри. — Неужто лучше, если сыновья явятся на хутор и будут захвачены с оружием? Они должны явиться сами. Сами, понимаете? Добровольно!

Эльма попросила, чтобы первый визит сыновей «на дымок из печной трубы» происходил без посторонних. Мюри дал слово. Но он наблюдал, скрытый сугробами, как в отсвете лунного сияния, будто побитые собаки, пробирались в свой дом зигзагами две дрожавшие тени.

Олав передал братьям все, что просил Пауль. И о решениях уездных органов, и о провокации-анонимке, и о фальшивках Роога. «Вы были сопляками, — презрительно сказал Олав, прочтя хранившееся у братьев «письмо отца», — никогда старый Олав не разводил нюни и не собирался доверять нас чужаку. Липа все это». Олав добавил, что братья ему поверили, но хотели бы иметь на руках какую-нибудь бумагу от властей.

Они получили через Олава все разъяснения прокуратуры. И Олав же должен был захватить за братьями в лес и привести их в Тарту. Ждал этих лесных гостей довольно почетный эскорт: кроме Мюри и Ханса Матика, в уездном отделе госбезопасности находились секретарь укома партии и прокурор, обязанный оформить явку с повинной.

Время подходило к шести вечера — «расчетному часу», когда должна была подъехать машина с братьями. Шесть часов, семь, восемь...

— Что-то мы нечетко сработали, — заметил прокурор.

— Бросьте на весы случайность, — возразил Мюри.

— Лично я верю в людской разум, — резко сказал секретарь укома. — Что сулит им иноразведка? Бегство из дома. А мы предлагаем им вернуться в свой дом, к своему труду.

В половине девятого в комнату не вошел, а ворвался Олав.

— Они здесь! — Его лицо сияло, спутанные волосы прилипли ко лбу. — Они забыли в лесу оружие, и нам пришлось возвращаться.

Когда со всеми формальностями было покончено и прокурор поздравил братьев с вновь обретенным гражданством, Мюри отвез их домой. Он дал им волю наговориться с матерью, а потом завел Арво и Айвара в их комнату, посадил напротив себя и сказал:

— На откровенность! Мои друзья и я достаточно поработали, чтобы вас избавить от погони, стрельбы, болотной гнили?

— Так, — сказал Арво, повторивший черты матери, тонкий, голубоглазый, весь в веснушках.

— Так, — сказал Айвар, вылитый отец, широкой кости, круглолицый.

— Имеем ли мы право просить, чтобы вы, обманутые старым гитлеровским агентом, теперь помогли нам?

— Имеете, — сказал Арво. — Но наше письмо на Запад?

— Да, конечно, — сказал Айвар. — Но дружба господина Роога с отцом?

Мюри показал им заключение экспертизы: «Идентичность почерка гражданина Оясоо и автора приложенной записки к его сыновьям не установлена».

— Гнус, — сказал Арво. — Надо написать на Запад.

— Гнус, — повторил Айвар. — Увижу — убью.

— Пусть пока Роог ни о чем не догадывается, — попросил Мюри, — и посланные им люди тоже.

Роог больше не появлялся у Оясоо, но, очевидно, до него дошло, что братья стали чаще ночевать дома. Вместо него на хутор пожаловала какая-то женщина, представилась посланницей Тесьмы. Она попыталась выяснить настроение братьев, но услышала только: «Ваше дело приказывать, наше — исполнять. Нужны хуторские парни — будут».

За женщиной никто не следил и никто не знал, что, доехав до ближайшей станции, она села в ожидавшую ее машину и сказала сидевшему в ней Мюри:

— Вы можете доложить в Таллинне, Пауль, что мальчики вполне освоились со своей ролью. «Заслон для Роотса» они будут имитировать тщательно.

— Диск у вас потребует более веских доказательств их преданности лесному братству.

— Точно. Он стал до чертиков подозрителен. Скажу, что братья выгнали из дому Олава за то, что тот посватался к

партийной. Мать и впрямь не жалуется невестку. И что-то надо ответить Бриджу. Он бьет тревогу.

5 июня 1950 года в Стокгольме пришла открытка: «Вессарт — Бриджу. Физик (Казеорг), добрый человек из Вастселина (Рудольф Илу) и все три брата (Оясоо) в вист играют бесподобно (поддерживают нашу игру). В последней партии передернул карты Диск (намек на его провал в беседе с братьями Оясоо, возможную перевербовку) и заставил братьев выйти из-за стола. Улыбка пытается спасти положение».

Адрес резидента

Элегантный, улыбающийся Отто Сангел легкой упругой походкой подошел к столу секретаря, извлек из портфеля коробку шоколадных конфет, пододвинул ее молодой женщине, изогнулся в молчаливом вопросе.

— Вы меня балуете, как и прежде, — улыбнулась секретарь. — Ваш преемник в отъезде, он разрешил вам посмотреть отчеты, но в кабинете сейчас телефонный мастер.

Мельком взглянув на монтера, возившегося в углу со шнуром, Сангел подошел к шкафу, достал с полки несколько папок, разложил их на письменном столе и углубился в работу. Он не заметил, как телефонист перешел на другую сторону комнаты и оказался у него за спиной. Почувствовал Сангел что-то неладное, лишь услышав почти над головой щелчки, какие издает спуск затвора фотоаппарата.

— Что вы делаете? — воскликнул он в ужасе.

Монтер, человек уже не первой молодости, но с ясным открытым взглядом, аккуратно положил фотоаппарат в свою сумку с инструментами, сел напротив архитектора и невозмутимо ответил:

— Согласитесь, товарищ Сангел, должны же мы когда-нибудь узнать, что вы выдираете из подписанных вами же бумаг.

— Кто вы? — голос архитектора снизился до шепота.

— Я мог бы сказать, что представляю ревизионное управление, но это ни к чему. Вами усиленно интересуются по меньшей мере две иностранные разведки, и согласитесь, это могло обеспокоить наши органы безопасности. Капитан Анвельт, к вашим услугам.

Архитектор на минуту задумался, как видно, пришел в себя.

— Меня оболгали. Мне нужны были цифры...

— Цифры вашей ошибки, которая обернулась пособничеством кулакам?

— Вот и вы тоже, — обиженно загудел Сангел...

Анвельт дал ему выговориться, раскрыл свой блокнот:

— Если бы мы считали вас врагом, товарищ Сангел, меры были бы приняты, наверное, более крутые. Но вы очень мягко квалифицируете свои промахи в кредитовании ново-земельцев. Среди друзей и знакомых вы распустили слухи, что вас упрекают за гуманность. Естественно, это вызвало интерес к вашей особе у иноразведчиков.

Сангел вяло промолвил:

— Поверьте... Я сам хотел убедиться, что был неправ.

— А вы передавали кому-либо из чужих эти материалы?

— Ни одной секретной бумаги — никому.

Архитектор начал багроветь.

— Вы правы в другом... Однажды мое брюзжание по поводу снятия с поста заместителя председателя, мои обиды кто-то записал на магнитофонную пленку. Мне передали, что мои слова могут быть напечатаны на Западе.

— Как вам об этом стало известно?

— Мне сообщил об этом по телефону незнакомый голос. Я стал нервничать, понаделал глупостей...

Прощаясь, Анвельт предупредил:

— Мы можем с вами остаться по одну сторону баррикады, а можем оказаться на разных ее сторонах. Все зависит от вас.

Докладывая об этой беседе заместителю министра, Анвельт с легкой досадой заметил:

— Он не все, конечно, рассказал. Ни слова об Иваре Йьги, но я не настаивал. Как мы и договорились, Павел Пантелеймонович, важно было убедиться, что в нем что-то проснулось.

— Талантливый человек, хороший архитектор, — с сожалением заметил Пастельняк, — а вот споткнулся и никак не может прийти в себя. Дадим ему шанс подняться, капитан.

Отпуская Анвельта, приказал:

— Как только вернется из Тарту Мюри — ко мне его. Дешифровщики прочли уже два отзыва с этими, как выразился Пауль, элементарными ошибками. Оказалось, что «стрельчатые окна 1410 года» прочитываются как «противник двинулся по следу переселенной уборщицы». Так и до резидентши скоро доберемся.

Но первым до резидентши довелось все-таки добраться другому человеку.

Как-то вечером, сидя в ресторане, Ивар Йьги вдруг почувствовал на своей спине колющий взгляд. Сделал резкий поворот, засек легкое движение мужчины, сидевшего у ближнего столика, невольно взгляделся в его спутницу, женщину в летах: дородную, с высокой прической, сказал себе, что где-то

ее видел, прикрыл на мгновение глаза...

И только позже он вспомнил, что не эту женщину, а очень похожую на нее, годившуюся ей в младшие сестры, с таким же профилем древней римлянки, с таким же лбом, нависшим над глазами, и несколько утяжеленным подбородком, он встретил, поднимаясь по лестнице к бухгалтеру Яласто. Ему бы и в голову не пришло, что женщина идет от него, если бы Диск не обронил мимоходом: «Им бы обеим, сестрам Мартсон, за морем отсиживаться, а они в Таллинне, ослицы, дефилируют». Потом об одной из Мартсон он услышал от Альвине Лауба, при случае запросил на нее досье у Бриджа и узнал, что обе сестры давно бы сбежали в Новую Зеландию или на острова Океании, не окажись сын одной и муж другой в английской тюрьме. «Интеллидженс сервис» решила воспользоваться с помощью обыкновенного шантажа услугами сестер Мартсон. Но если младшая, Эва, была в чести у эсэсовцев, то роль старшей, Лонни, оказалась несколько скромнее, она занимала всего лишь должность стенографистки в фашистском директорате Хяльмара Мяз. Младшая была объявлена военной преступницей, старшую власти не преследовали.

А все же почему сверлил Ивара взглядом ее спутник? Этот эпизод вызвал в нем неясные ассоциации. Кто-то уже разыскивал довоенные афиши циркача Йыги...

Дождавшись ухода интересовавшей его пары, Ивар незаметно последовал за нею. Они вошли в трехэтажный дом неподалеку от церкви Олевисте. Постояв напротив и дождавшись, пока зажглись два окна на втором этаже, он отправился к себе.

С самого утра Ивар помчался за цветами и привез букет Эстер Тийвел по случаю дня ее рождения. У калитки он встретил Сангела.

— Я знал, что вы не преминете поздравить Эстер, — заговорил Сангел. — Всего два слова, Йыги. Вы очень обязали бы меня, вернув мне переданные вам снимки. Я хотел бы расторгнуть наш уговор.

Ивар как-то странно посмотрел на него:

— Снимки уже не у меня, Отто. Но дело, как я понимаю, не только в них. Есть еще, простите, проклятое интервью, есть несколько цифр — скажем мягко — трудностей роста кооперации.

Отто кивнул.

— Я знал, что вы так скажете. Я догадывался, что вы не очень-то сын Эстонии и будете меня бессовестно шантажировать. Но несколько дней назад я почувствовал, что есть ценности подороже личного благополучия.

Ивар сочувственно сказал:

— Вернемся к этому разговору, скажем, через месяц. Я не столь уж жесток, как вам кажется. И хотя бы во имя дружеских чувств Эстер к вам, я постараюсь...

— Я буду ждать фотографии, господин Йыги, — церемонно поклонился Сангел.

...Полдня Ивар Йыги крутился возле церкви Олевисте, наблюдал за людьми, которые входили в здание, что-то полезное высмотрел для себя. На другое утро, дождавшись, пока дородный степенный мужчина, которого он приметил в ресторане, зашагает по улице Лай, проскользнул в облюбованное парадное.

Ему открыла уже знакомая по ресторану женщина. Она стояла в маленькой прихожей, собираясь надеть парик. Взгляд ее темных, с легкой поволокой глаз в недоумении обжег всю фигуру раннего визитера.

— Кажется, я вас узнаю. Акробат? Не ошиблась?

— Да, вы не ошиблись, госпожа Лонни Мартсон.

— Простите, мое имя Леонтина Килп.

— Килп? Возможно, по мужу... В конторе Мяз вас знали как Лонни Мартсон. Могу я войти? На десять минут.

Молча она посторонилась. Ивар снял шляпу, прошел в маленькую гостиную. Женщина плотно притворила за собой дверь.

— Уже не впервые, — деловито заметил он, — прыгун и эксцентрик замечает интерес, который проявляет к его скромной особе ваша семья, госпожа Мартсон. Причины?

— О господи, — кажется у нее отлегло от сердца, — это проще простого. Мы с Роби просто обожаем эстраду. Мы до сих пор помним вас, господин Йыги, по довоенному цирку.

Да, не иначе эта пара и наводила о нем справки!

— В таком случае, объясните мне, Лонни Мартсон, — он упорно цеплялся за это имя, — зачем вы или ваш Роби выпытывали мою подноготную у ресторанной прислуги? Кто из вас ходил разыскивать старые довоенные афиши с моим бенефисом? Объясните все это, и я уйду.

Женщина потянулась к пачке сигарет, лежавшей на столике, извлекла одну, щелкнула зажигалкой, затянулась. выпустила из ноздрей тонкую спираль дыма.

— Может быть, лучше об этом спросить у мужа? — предложила она. — Роберт Килп возвращается в пять часов.

Йыги широко осклабился.

— Возможно, это было бы и лучше. Но Роберт может не захотеть мне ответить. А вы захотите. Непременно захотите.

— Я не понимаю вас, — нерешительно сказала она. — Почему у нас с Роби должны быть разные... позиции, что ли?

— А потому, что не у Роберта Килпа, вашего второго мужа.

а у вас, у Лонни Мартсон, сын заключен в тюрьму для особо опасных преступников одного из британских доминионов, заключен как глава мафии по транспортировке наркотиков. Но даже британцы не знают того, что знаем я и один мой друг. Они не знают, что этот юноша с благородными манерами и открытым счетом в двух столицах Европы лично сжег в концлагере барак с пленными английскими парашютистами, захваченными наци. Пояснить вам, с какими заголовками выйдут английские газеты, если вы...

Он, как кошка, отпрыгнул в сторону, и почти в то же мгновение зажигалка «выплюнула» пулю в то место, где он только что находился.

— Напрасно, — он выбил из ее рук пистолет-зажигалку. — Вы ослышались, я сказал, что в курсе этого также мой друг. Он отомстит за бедного Йыги. Так я жду.

Она опустила на стул, ее лицо было сплошной гримасой.

— Что вам надо?

— Тайну за тайну, Лонни Мартсон. Кто такая Тесьма?

— Понятия не имею, — она твердо выдержала его взгляд.

Он поднял с пола шляпу, пошел к двери, обернулся.

— Ивар Йыги еще никогда не нарушал данного им слова. Либо я услышу в течение минуты ответ, либо через час на столе у редактора «Таймс» будут лежать отчеты о сожжении английских парашютистов.

— Но как это облегчит ваш поиск этой дамы? — хрипло вырвалось у нее.

— Ну, я полагаю, — улыбнулся он, — в этом случае мадам Тесьма начнет меня разыскивать, так сказать, для расчета, и мы встретимся.

— Она и так рассчитается! — выпалила Лонни. — Когда надо, мы умеем кусаться. Считайте, что вас нет.

— Глупо, госпожа, — лицо Йыги приняло лунообразное состояние, — глупо: нет меня — нет и вашего отпрыска.

Дав ей время оценить сказанное, лениво добавил:

— А то, что вы умеете кусаться, Лонни Мартсон, мы поняли, прослышав про задушенную в сарае старушку-уборщицу.

— Не я! — поежилась женщина. — Она содержала наш магазин в завидной чистоте.

— По-моему, милиция ищет именно вас...

— Чертово сходство! — простонала она.

— А, значит, ваша сестрица Ээва! Впрочем, свои семейные дела улаживайте сами. Мне пора.

— Да, ладно. — Она на что-то решилась. — Роби Килп... Если он узнает, что я выдала Тесьму, он прикончит меня. Я ни слова не скажу ему.

— Пожалуйста, без предисловий.

— Роби Килп и есть Тесьма.

День выдался трудный. Нещадно трещала голова. Только к вечеру сложился текст депеши к Дедушке:

«Ваша телеграмма могла бы застать Роберта Килпа за обшивкой куртки т е с ь м о й в его медной лавке. Там все дышит опрятностью и чистотой, которую наводила женщина, не угодившая владелице дога. А все же оставьте мне возможность выехать с Килпом к Яану: иду на серьезный риск, чтобы спасти наш храм. Из Эстонии. Лето 1950».

Как всегда, он закончил выступление под всплеск аплодисментов. Ивар отворил дверь в артистическую, но легкое прикосновение к нему женской руки заставило обернуться.

— Эстер! Вот это сюрприз! Где ты сидела, дорогая?

— Пятый столик слева. С Отто Сангелом и еще одним приятелем. Ты всем безумно нравишься. Кроме Отто... Что у тебя с ним произошло, Ивар?

— Не будем об этом. Когда-нибудь...

— Я тут ни при чем? — мягко спросила она.

— Нет, Эстер, совсем ни при чем.

И так как Эстер продолжала смотреть на него долгим и каким-то необычным взглядом, Ивар изящным движением притянул ее руку к себе, нежно поцеловал кончики пальцев:

— Ты должна извинить усталого акробата. Два выступления и утром сложная репетиция с новой партнершей. А потом выезд в провинцию.

Собирая свой несложный реквизит, он снова мысленно обратился к вчерашним откровениям Лонни Мартсон. Откланявшись и надеясь вырвать у нее незаметно еще одно признание, он, как мог равнодушно, посоветовал: «Килп становится неосторожным. Хорошо, что его расспросы обо мне касались вашего союзника. Если кусочки моего досье имеются в этой квартире, лучше сожгите их». Она окрысилась: «Мы не держим дома картотеку!». Он рассчитал: «Значит, в лавке. Да ведь я был там, вот почему я запомнил эту женщину».

Почти одновременно с тем, как отправлял свое сообщение Ййги, составляли донесение офицеры службы безопасности:

«Докладываем о результатах сопоставления всех данных, связанных с установлением личности резидента иноразведки Тесьмы...»

Под этой кличкой выступает чеканщик изделий из меди, ныне работающий в Таллинне, Роберт Килп: при буржуазном правительстве — биржевой маклер, предположительно давний агент Канариса под кличкой «Сагар», исчезнувший из Эстонии в 1942 году и заброшенный обратно год спустя после обучения в спецшколе в Германии и проведения пластической операции.

Ожидаем указаний. И. Анвельт, А. Мялло, П. Мюри, Э. Труу».

На донесении появилось указание Пастельняка. Он предписывал проявить величайшую осторожность. Мастерскую и квартиру Р. Килпа взять под круглосуточное наблюдение. Ни одного входящего и выходящего из мастерской не задерживать и не опрашивать. Проследить ожидаемый маршрут резидента по республике. Задержание произвести по его личному приказу. Докладывать ежечасно.

...Ивар прошелся по узкой, в три шажка поперек, Сайа кяйк, скользнул в какой-то тупик, пролез под балками. Через несколько минут он оказался у дверцы, аккуратно вставил в узкую щель замка отмычку.

Не зажигая света, на ощупь двигался по комнате, словно уже знал ее расположение. Его тонкие пальцы легко прошлись по внутренней переборке, разделявшей комнату на две части, ощупали кресло приемщицы, стол и покоившуюся на нем картотеку заказов. Только на секунду он осветил карманным фонарем картотеку. В то же мгновение его оглушил удар по голове. А когда Ивар пришел в сознание, он понял, что лежит в каком-то подвале, туго связанный, с кляпом во рту, а рядом на камне сидит и выжидательно поглядывает на него Роберт Килп собственной персоной.

— Я уже много дней ждал вас здесь, — шепотом сказал Килп, увидев, что Йыги пришел в себя. — Я уже давно сообразил что вы из тех, кто любит лезть не в свои дела. Теперь скажите, что это вы наговорили вчера жене.

Вспомнив, что Йыги лежит с кляпом, Килп продолжил:

— Я сниму с вас повязку, но один крик — и вы уже никогда не встанете, Улыбка.

Килп вытащил из его рта платок.

— Я жду, Улыбка. Какого черта вы шарите по моим столам, что вам нужно было от жены и вообще — что вам нужно?

— Свободу действий, — шепотом сказал Йыги. — Я хотел расширить свои явки. Когда меня засылали сюда, мне обещали содружество с вами, связника, радиста. Я не получил ни одно, ни другое, ни третье. Но от меня все требуют. Одни — информации, другие — действий, а вы и ваши друзья — пожалуй, самого трудного: чтобы веселый циркач, любимец толпы, самый, как говорят, эстонец из эстонцев, помог вам поднять лесных братьев на то, на что нам с вами приказывают неэстонцы. Скажете, я не прав, господин Килп?

После некоторого молчания Килп резанул:

— Что вы обо мне вынюхали? Чем вы напугали Леонтине?

— Это я-то вынюхал? — рассвирепел он. — Вы рылись в

моих старых афишах, обегали рестораны в поисках доверенных официантов, которые бы меня помнили? Я сразу понял — какой-то дилетант, а не разведчик. Ну, и решил выудить у вас малую толику. Нет, Килп, вам есть чему у меня поучиться. Ну, какого черта вы меня завязали, что это вам даст? Неужели мои шефы простят какому-то связнику, — он хотел притупить его недоверие — что он стал на дороге их доверенного лица?

Килп хмыкнул, и Ивар подумал, что эту часть поединка он выиграл. Но он плохо знал Килпа.

— Я бы мог поверить вам, Йыги, — усмехнулся Килп, — если бы вы сунулись сразу сюда. Но вы пришли к жене. Зачем?

— Жены разговорчивее мужей, — небрежно сказал Ивар.

— Что вы узнали от Леонтине? И каким образом?

— У каждого из нас есть свои секреты, Килп. Я знал, что Леонтине работала у Мяз.

— Не лгите, Йыги. Это ее не волнует. Она была слишком маленькой спицей в этом большом колесе.

— Да, но ее сестра была не просто спицей.

— Ее уже нет здесь, Йыги.

— Да, в Таллинне ее уже нет. Она неподалеку от Пяру. И Леонтине к ней весьма привязана.

— Что вы еще знаете о жене? — приглушенно спросил реидент.

— Разве этого мало? — Йыги поморщился. — Ну и режут же ваши ремни... Разве мало узнать, в какой лавке вы при торгуете и держите ли дома бумаги своей клиентуры?

Килп вздохнул, кажется, с облегчением.

— Да, Йыги, вы были на волосок от смерти. В счастливой сорочке вы родились. Вот что, я ничего сейчас не решу. Но мне хотелось бы, чтобы двое суток вы провели в этом уютном алькове. Знаете, береженного бог бережет.

Порылся в кармане, достал хрустящую бумажку, развернул ее.

— У меня решающие дни, — задыхаясь, шепнул Йыги. — Если вы даже простой связник, вы знаете, что я должен мчаться к Яну.

— У меня тоже решающие дни, Йыги, хотя я и более мелкая сошка. Я не хочу рисковать собой.

— Меня найдет здесь милиция... или случайный прохожий.

— Надеюсь, вы подержите язык за зубами... если вы наш?

Он разжал клинком сомкнувшиеся зубы Йыги, всыпал между ними порошок.

Убедившись, что его пленник заснул, Килп выбрался из подпола.

Проснулся Ивар оттого, что руки женщины грубо хлес-

тали его по щекам, тонкая струйка воды стекала из чайника на его лицо, шею.

— День? — язык не двигался. — Какой день?

— Килп уехал шесть часов назад, — всхлипнула Лонни Мартсон, — по приказу какого-то Планетного Гостя. Я не знаю, куда. Я всюду вас искала. Йыги, они не убьют моего мальчика? Я не опоздала?

— Не знаю, — он дернулся. — Развяжите меня.

— Слушайте, Лонни. Жизнь вашего чада — в ваших руках. Что вам приказал Килп?

— Отнести эту записку, оставить под булыжником...

Он жадно впился взглядом в смятый бумажный лоскут. К счастью, текст был открытым: «Тесьма — Планетному Гостю. Совет друзей получили. Физик самим богом нам ниспослан для спасения движения. Братья, вопреки сомнениям Диска, решились избрать наш приход. Ян колеблется в выборе объекта. Выезжаю в район действий с задержкой на день из-за необходимости ограничить самостоятельность действий Улыбки. Пока научные контакты ученых Эстонии и шести республик воспеть не удалось».

Генеральная репетиция

Особой дружбы с Самуэлем Цернаском, с лесником, Ааре Казеорг никогда не водил. Тем более было удивительным, что Цернаск зачастил к старику. Несколько странным было и то, что в свои короткие наезды Цернаск стал интересоваться личной жизнью Ааре, его братьями, его довоенными друзьями. Казеорг сообщил об этом «прорабу», который на следующий день передал старшему лесничему набор цветных открыток с аргентинскими пейзажами и попросил к очередному визиту Цернаска выставить их на видном месте рядом с письмом Хиндрихсона. Старик все это проделал добросовестно, даже оставил Самуэля на несколько минут одного в комнате, и по раскрытому письму понял, что Цернаск в него заглядывал.

Дальше уже пошло легче. Цернаск стал намекать Казеоргу, что можно хорошо заработать, надо, мол, только найти кормушку, у него есть люди смелые и находчивые. Казеорг делал вид, что не понимает смысла сказанного, хотя и ему и чекистам стало ясно, что Цернаск связан с бандитами.

Наконец в присутствии Цернаска была разыграна интермедия между лесничим и «прорабом», шипевшим из-за задержки на полторы недели зарплаты рабочим. «Всему лес-

хозу задержали, не только вам, — пояснил Казеорг. — Шестого июня банк, говорят, произведет выплату».

Было решено задублировать обе легенды — и о письме Хиндрихсона, и о дне выдачи зарплаты — для сведения банды Роотса.

— Нет у нас гарантии, — добавил Мюри, — что Цернаск связан именно с Роотсом. Давайте пригласим кассиров других учреждений в банк на шестое, оповестим их телефонограммой. Наконец, аппетит Роотса «подогреет» наш бункер.

— Роотс хитер, — заметил заместитель министра Чернышев, прибывший в уезд. — Откуда у засевшего в бункер ученого может появиться информация о дне выплаты зарплаты рабочим лесхоза?

— Пусть тогда Вьяртмаа, — нашелся Анвельт, — будет назван Роотсу как сбежавший рабочий лесхоза.

— Это уже лучше, — Чернышев побарабанил пальцами по оконному стеклу. — Ну, и как запасной вариант? Если не ошибаюсь, старший из братьев Оясоо работает в каком-то тартуском стройуправлении. У нас есть еще время. Переведите его в лесхоз, и вот вам возможный источник информации для младших братьев, а через них — для бункера Энделя Казеорга.

Дольше пришлось провозиться с составлением убедительной легенды по поводу письма коммерсанта. Ради чего, собственно, аргентинские переживания Хиндрихсона отец будет пересылать сыну в бункер? Возникло остроумное решение: коммерсант знаком не только с Ааре, но и с его братом в Швеции, переписывается с тем. Вполне естественно, что Тобиас мимоходом указывает ему в письме на примере Хиндрихсона, как плохо не иметь протекции в западном мире.

— Что-что, а поучать бизнесмены любят, — аргументировал Анвельт.

Приготовления к встрече с Роотсом шли и в бункере «Дубль-Э», как шутливо называли его чекисты в честь обитателей бункера Энделя и Эльмара. Физик и чекист стремились предусмотреть все возможные варианты. Яан Роотс через своих доверенных людей уже дал согласие на переговоры с Казеоргом, но потребовал, чтобы условия встречи были оговорены им и чтобы более одного лесного брата вместе с физиком на встрече не присутствовало. Но Яан их на этот раз перехитрил. Когда Эльмар и Эндель вышли в полночный час умыть лицо и руки, на них набросились несколько человек. Они скрутили их, заткнули им рты, пронесли с километр, втолкнули на заднее сиденье легковушки, ожидавшей на лесной дороге, и та помчалась, подпрыгивая на корневницах деревьев. Потом машина остановилась, сидевший с водителем человек распахнул дверцу, выскочил, его место занял другой.

— Я Ротс, — сказал он. — Прошу извинить за меры страховки. Сейчас вас развяжут. Кто из вас Эндель Казеорг?

Они разминались, ворочались, жадно вдыхали лесные запахи.

— Я Казеорг, — сказал, наконец, Эндель. — Прошу больше таким образом не шутить. Ваши люди оставили следы борьбы у бункера. Оставляйте их, если вам нравится, у своего убежища, господин Ротс.

— Хорошо, — покорно согласился Ротс. — Следы будут затерты. Я хотел бы знать ваши намерения. Но, если помните, мой посланец предупредил, с чего я хочу начать нашу встречу. Случайно ли ваше имя связывают с исчезновением Хиндрихсона? Зачем молодой ученый сбегает из университета?

Эндель достал из кармана куртки письмо дяди. Водитель поветил фонариком, Ян внимательно прочел послание Тобиаса, раз и другой, долго разглядывал конверт, медленным движением вернул его Казеоргу.

— А что, — с любопытством вдруг спросил он, — вы и впрямь похитили какие-то расчеты, чтобы передать их англичанам?

— Не собирался, — отмахнулся Эндель. — Дело обстоит проще. Кто-то позарился на мое место, анонимка. И вообще, господин Ротс, — жестко сказал он, — мы будем воевать за интересы своего народа, а не чужого! Я нахожу в себе силы помочь нашему движению — только поэтому я ушел из науки. Вы способны это понять?

После долгого молчания Ян Ротс сказал: «Да».

Они обсудили многое. Ротс спросил, как мыслят себе друзья Эстонии переброску их и соседней лесной группы на острова, кто обеспечит их переправу через пролив и есть ли вообще в этом смысл. Эндель пояснил, что сейчас изучает эти возможности, действия на островах будут кратковременные. А Загранцентр обещал прислать катера. «Браво! — отметил Ротс. — Катера — это вещь... Если не надуют, как бывало». Когда речь зашла о директивах резидента, Ротс твердо заявил, что не бросит своих последних людей на схватку с милицией или батальоном народной защиты. Он сам заговорил о лесхозе, как о более легком, но достаточно эффективном наказании местного большевизма, но сомневался в достоверности данных своего связника.

— Об этом больше меня знает Херберт Йоала, — Эндель небрежно кивнул на своего спутника. — Вместе учились на младших курсах, потом его вышибили, работал на ряпинских делянках.

Шофер осветил его лицо фонарем, Эльмар залепил ему оплеуху, тот ругнулся, Ротс хохотнул.

— За что тебя вышибли, парень?

— Пристегнули к делу о порнографических открытках. А насчет лесхоза, я так скажу, Энделя на это дело не очень тянет, он у нас чистоплюй. Но полмиллиончика для нашего лесного братства, пока мой друг не отоварился в шведском банке, будет как раз. Старший из братьев Оясоо подтверждает дату, шестое июня.

— При чем тут старший? — настороженно спросил Яан.

— Олава перебросили в Ряпинаский лесхоз.

Вмешался Эндель.

— Собственно, я не против этой вылазки, — пояснил он. — Но пусть люди говорят не об уголовщине, а о политическом акте.

— У нас для такой политической демонстрации, — сказал Роотс, — недостает пустяка: армии. Кто нам обеспечит тылы со стороны деревни и со стороны озера? — На него вдруг нахлынуло острое чувство беспокойства, подозрительности: — Кто проверит, нет ли засады в доме?

— Засады — это моя забота, — разъяснил Вяртмаа. — Моя и моих людей. Оясоо уверяет, что уже сколотили отряд, он перекроет обе дороги к лесхозу.

— С Оясоо я встречаюсь, — хмуро пообещал Роотс. — Кажется, всё. Извините, что обратно вам придется пешком. Не будем дразнить гусей. Итак, шестого июня, в восемнадцать часов.

До бункера они шли молча. И только спустившись в свое жилье, Эльмар сказал:

— За такой зевок мне пять нарядов вне очереди полагаются. Надо же — вдвоем вылезать из бункера!

— Но если бы не твой зевок, — возразил Эндель, — не было бы и встречи.

Роотс сумел разыскать двух братьев, которых его люди доставили к берегу Чудского озера.

— Ты пойдешь со мною? — спросил Яан у Арво.

— Так, — сказал Арво.

— Так, — повторил Айвар.

— Вы сможете перекрыть дороги?

— Сможем, — сказали братья.

Роотс заходил, вдруг яростно бросил:

— Если что... и дом сожгу, и мать.

— Не надо так с нами, — сказал Арво.

— Не надо, — повторил Айвар.

Подобной атаке подвергся на другой день и сам Роотс. Роберт Килп, который встретился с ним на краю болота, потребовал ударить разом по лесхозу и исполкому волостного Совета. В ответ на все уговоры Килпа, на все его напоминания о принесенной клятве главарь банды отвечал только одно:

— У меня не армия, у меня всего полтора десятка человек, и я каждым дорожу.

Пряча скрытую ненависть к этому мужику, вообразившему себя эстонским фюрером, Килп предложил:

— Если уж брать штурмом лесхоз, то с фейерверком, Роотс, чтоб пол-леса сгорело.

— Лес наше богатство, — усмехнулся Роотс, — с чем мы останемся без него? А вы эстонец, господин Тесьма?

Роберт Килп смачно сплюнул:

— Ты вот что... Я был эстонцем, еще когда ты соску жевал. Я буду ждать здесь, Роотс. Ежедневно в четыре, на почте в Выыпсу. Значит, твое впечатление о Казеорге-младшем?

— С ним можно поднимать людей, — обронил Роотс. — Я извещу вас через Сторожа.

Роберт Килп неловко помялся.

— Планетный Гость доверил мне известить тебя, Яан Роотс. После первой же крупной акции ты вправе рассчитывать на политическое убежище в Швеции. Тебе открыт счет в шведском банке.

— Гарантии... И хотелось бы знать номер своего счета. Знать до акции, господин Тесьма.

Никто не мог сообразить, каким образом Самуэль Цернаск, побывав в банке и расспросив всех, кого смог, про день и час выплаты, подал об этом знак Роотсу. И тем более трудно было предположить, что после многочисленных проверок Яан Роотс сделает еще одну.

Смуглый появился в домике лесничего неожиданно, под вечер, застал Ааре в компании с захмелевшим прорабом. Вызвав старика к двери, пришедший шепотом пояснил, что он товарищ Херберта Йоала. Старик кивнул, пригласил гостя к столу, налил в стакан самогону. Гость отхлебнул, сблизил два стакана и при этом быстрым движением насыпал в стакан прораба какой-то порошок. Он дождался, пока собутыльник лесничего, расплескивая жидкость по подбородку, свитеру, штанам, отхлебнет несколько раз, медленно сползет на пол и начнет мерный с присвистыванием храп.

— До полуночи выпится, — рассмеялся Смуглый. — Вы уж, папаша, извините, но у нас с Хербертом был такой уговор: если я успею привести до операции своих на подмогу, чтобы непременно заявился сюда!

Фраза была явно двусмысленная. Она могла означать, что Йоала привлек в район операции каких-то лесных братьев, могла дать понять, что лесничий видит перед собой посланца организаторов бункера, если он был «придуман». Ааре добродушно усмехнулся.

— Йоала учился с сыном когда-то в Тарту, разок гостил у меня. С тех пор я о нем не слыхивал.

— Странно, — Смуглый нахмурился. — Он сказал точно: лесничий Казеорг приютит.

Ааре пожал плечами.

— В ночлеге никому не отказывал.

Он подошел к печке, снял крышку с кастрюли — запахло слегка пропеченной картошкой.

— А я о вас, папаша, — говорил Смуглый, с хрустом надкусывая картофелину, — еще от одного человека слышал. Хиндрихсона — не знали такого? В одной камере с ним сживал.

Старик пододвинул к гостю стакан.

— Пей, да с языка не лей. Вы что — на чужбине с ним успели побывать?

— Какая чужбина? — удивился Смуглый. — В Таллинне с ним знакомство свел, в заключении.

— Или вы околесицу несете, или он нес, — старик выдвинул ящик буфета, швырнул на стол два письма. — Одно из Стокгольма прислал, второе — из Буэнос-Айреса. Кому верить?

Смуглый словно приняхивался к конвертам, вытащил письма, пробежал глазом, взглянул на старика:

— Дыма без огня не бывает, папаша, Хиндрихсон виделся с вашим сыном — перед тем, как его накрыли.

«Значит, все-таки их видели вместе, — подумал лесничий. — Иначе кто бы вообще стал лепить Энделя к Хидрихсону?» И решив это для себя, он пренебрег советом Мюри и ринулся в расставленную ему ловушку.

— Да, было такое, — жестко сказал он. — Эндель выполнил мою волю. Но уж извините, гость, я не всякому это выложу.

Он увидел наставленный на себя карабин, положил тяжелые кулаки на стол, нагнулся вперед.

— Теперь ясно, от кого вы. Только напрасно — на этом языке мы не договоримся.

Спящий замычал и заворочался. Смуглый резко обернулся на звук и в то же мгновение старик двинул на него стол всей мощью своего тела, а еще через мгновение прижал его в угол, отбросив ногой карабин.

— Я мог бы тебя придушить, как молодого петушка, — насмешливо рявкнул старик. — Говори, для чего тебе вся эта волынка!

Смуглый захрипел. Старик отпустил его, спокойно поднял стол, расставил стулья.

— Если тебе так уж нужно знать, — угрюмо сказал Казеорг, — я передал Хиндрихсону адрес брата. Это единствен-

ное, что я мог сделать для друга. А теперь уходи.

Смуглый скованной походкой двинулся к карабину. Старик не мешал ему. Поднял оружие, ухмыльнулся:

— Надо было давно это объяснить. Вы избавили бы и себя и меня от многих тревожных минут. Теперь последний вопрос, и я уйду. У местных строителей можно наскрести денег?

— Они все ждут полочки. У меня позанимали. До шестого выплаты не будет. Что тебе еще?

Смуглый взял ведро с водой, поднес его к похрапывающему прорабу, начал поливать его тонкой струей, мямлил уши, хлопал по щекам. Наконец бандиту удалось заставить того открыть глаза, из горла захмелевшего вырвалось мычание.

— Деньги! — орал ему в ухо Смуглый. — Деньги есть?

— Не дали, — вдруг произнес прораб. — Шестого будут... А, тля! — выругался он и завалился на бок.

Смуглый пошел к двери, невесело сказал:

— Извините меня, папаша. Не по своему хотению. Я надеюсь при следующей нашей встрече быть галантнее. Он поклонился и прикрыл за собой дверь.

Прораб сел.

— Извините, папаша. Я надеюсь, следующая встреча с ним будет куда менее галантной с нашей стороны.

Без стука вошел рабочий в куртке, измазанной белилами.

— Разрешите, товарищ младший лейтенант? — обратился он к прорабу. — Того, кто вышел от вас, поджидал за деревьями старик. Как и приказано было, не тревожили.

— Приметы, сержант?

— В темени не много разглядишь. Но разок прожектором по чаще пошарили. С лица сморчок, нос будто клюв. Зарисовал по памяти.

Чернышев, Мюри и Анвельт разглядывали в уездном отделе зарисовку сержанта.

— Не встречал, — сказал Анвельт.

— На гриб смахивает, — что-то вспоминая, произнес Пауль, и вдруг его осенило: — Да, конечно же, сторож. Музейный. Значит, он перебрался к Ротсу.

Чернышев пригласил офицеров к карте, раскинутой на столе, и провел карандашом замысловатую линию. — Все совпадает. После проверки Казеорга-старшего Ротс сообщил в наш бункер, что разделит банду надвое. Сам поедет из Выру, пока остальные подберутся к лесхозу со стороны Выипсу. Наверно, схватит здесь такси или частную машину, и, наверно, бандитам велел проверить, нет ли засад по дороге. Есть вопросы?

— Только один, товарищ полковник, — Анвельт обвел карандашом поселок Вярска. — Здесь у Ротса знакомый

хуторянин. Что мешает ему в последний момент переменить планы и двинуться в лесхоз из Вярска?

— В Вярска ему не достать машины, — предположил Пауль. — Да и не захочет он шататься поблизости от медка. Знает, лихой, что мы его ищем в окрестностях Ряпина. Для него главное — внезапно: налететь издалека и умчаться подальше с полмиллионом рубликов.

— На всякий случай мы подготовим более широкое оцепление местности. Итак, путь Ротса: Выру — Вериора — Ряпина. Мы выезжаем вслед за ним из Выру в Ряпина, но через Вямела — Пылва — Каукси. Наш маршрут движения немного длиннее, но мы возьмем реванш на скорости. Проиграем этот вариант на местности, Анвельт и Мюри едут в обход, я — по маршруту Ротса.

Посмотрел на ручные часы.

— Генеральная репетиция начинается в пятнадцать тридцать. В семнадцать ноль-ноль вам надлежит находиться внутри лесхозовского дома на своих боевых позициях.

Две машины выезжают из Выру почти одновременно, с интервалом в несколько минут. В кузове грузовой — Мюри, Анвельт, отделение солдат. И, конечно, Санников. С шофером сел полковник Аверкиев. Объяснил: «Поскольку столь большие люди делают ставку на Ротса, разрешите уж и мне вспомнить молодость».

Машина вырвалась из лесной просеки на деревенскую дорогу, резко затормозила у двухэтажного бревенчатого дома, и полковник Аверкиев спрыгнул на траву.

— Уложились в расчетное время! — крикнул он. — Санников, выводите из дома людей, остальным занять посты.

...Когда «газик», который привез заместителя министра, тоже затормозил у лесхоза, вокруг царило безлюдье. Затерты были следы колес на песчаных тропах.

— Дом окружен! — шутливо крикнул Чернышев. — Всем выходить по одному!

А возле соседнего поселка крутился в ожидании «возмездия большевизму» резидент со странным именем Тесьма.

Не обмануть ожидания!

Наступило шестое июня 1950 года.

А в тесных комнатах вырусского отдела Министерства государственной безопасности сотрудники оперативной группы по ликвидации банды Ротса снова прикидывали, подсчитывали, спорили и снова возвращались к задуманному и перепроверенному.

— Жизнь сложнее любой заданной схемы, — сказал кто-то. И тут позвонил дежурный и доложил: звонили из Тарту, сообщили, что исчезла мать братьев Оясоо.

Обнаружил это командир батальона народной защиты Ханс Матик. Придя на хутор, он увидел, что дверь в дом распахнута. На столе, придавленная кувшином, лежала записка: «Если все будет по уговору, со старухой Оясоо ничего дурного не случится. Слово Яана твердо». Стало понятно, что, верный своей подозрительности, Роотс заручился заложницей.

Заместитель министра проанализировал ситуацию.

— Отменять операцию сейчас невозможно, — высказал свое мнение капитан Анвельт. — Подобных благоприятных условий для захвата всей банды целиком мы уже никогда не получим. Пока что не будем тревожить братьев, а постараемся побыстрее найти мать.

Младшие Оясоо уже несколько дней назад пришли к старшему брату.

Однако ничего нельзя было поделаться. Роотс позаботился, чтобы новость дошла до братьев. Уже позвонил Арво и сообщил, что Айвар отправился искать Роотса.

Главарь банды рассчитал точно. Он внес смятение в жизнь братьев Оясоо и в случае западни их неожиданные действия могли бы ему кое-что прояснить. И погоня Айвара за Роотсом как раз и означала верный прокол всей операции.

Полковник Аверкиев, офицер находчивый и решительный в действиях, предложил:

— Как ни жаль, но я вижу единственный выход в том, чтобы разыскать и укрыть Арво и Айвара и продолжить наши действия по плану.

— Не только уезд, но и республика, товарищи, — сказал председатель уездного исполкома, — ожидает известия о разгроме самой, пожалуй, коварной банды из всего гитлеровского охвостья. Наверное, мы не вправе обмануть ожидания республики...

— Оправдать ожидания республики, — вдруг вырвалось у Мюри, — по-моему, прежде всего, означает уберечь жизни тех людей, которые пошли за нами.

— А ведь старший лейтенант прав, — секретарь укома партии обвел всех внимательным взглядом. — Тут-то и можно проверить нашу стратегию. С тактикой, не сомневаюсь, у нас все ладно, а как насчет стратегии?

Чернышев изредка вскидывал взгляд на говорившего. Когда все высказались, он встал.

— Правы из вас и те, и другие...

«Не то говоришь, — сказал он себе. — От тебя ждут не рассуждений, а приказа. Но так ли это? Люди должны

знать, почему им отдают не приказ «Вперед на врага!», а приказ «Глядеть в оба!» Что им сказать?» И вдруг вспомнилось письмо Дзержинского из Сибири к жене. Дзержинский писал: он должен сосредоточить всю свою силу воли, чтобы не отступить, чтобы устоять и не обмануть ожидания республики. Он и начал свой разговор с этого письма.

— О чем тревожился тогда Феликс Эдмундович? — спросил Чернышев своих офицеров. — О том, чтобы его рапорт был доставлен первым? Нет, друзья. Он видел паровозы, вставшие из груд металлолома на рельсы. Он думал о голодающих людях, о тех, кому предстояло строить новую жизнь. Вот и мы подумаем о старой крестьянке и ее сыновьях. а уже потом — о нашем оперативном плане.

Резким движением отодвинул карту уезда на край стола, словно она ему в данную минуту мешала.

— Капитан Анвельт, поднимите на ноги весь батальон народной защиты Ханса Матика. Женщина укрыта, без всякого сомнения, в ближнем лесу, на соседнем хуторе. До пятнадцати ноль-ноль Эльма Оясоо должна быть разыскана и находиться под нашей защитой. У нас в запасе девять часов до начала операции.

Обратился к секретарю укома:

— Вы у нас из гвардейцев корпуса, поднимите по-гвардейски весь свой актив — не милиционерам же и чекистам гоняться на виду у всех в поисках братьев.

Мучительно текли минуты и часы. Телефон молчал. Но вот раздался звонок. Чернышев схватил трубку. Из Таллинна сообщили данные об исчезнувшем стороже: до сорокового года он был владельцем склада деревянной тары, при немцах открыл лавку скобяных товаров, предположительно поддерживал связи с гестапо.

Через некоторое время позвонили, что братья находятся в надежном месте.

В два часа один из постов наблюдения передал для Мюри. что на шоссе, ведущем из Антсла, с грузовой машины соскочил человек, похожий на Роотса. Он движется к центру города.

— Передавать человека от поста к посту: ни на минуту не терять его из виду! — приказал Мюри.

Но от Анвельта и Ханса Матика — ни слова, ни звука.

А поиск продолжался. Бойцы народной защиты уж исходили, кажется, все ближние лесные тропы вокруг Кассинурме.

После четырнадцати в Вырусский отдел позвонили из Кассинурме и сообщили:

— Разыскиваемую нашли. Целехонька. Сторожила ее хуторянка из кулачья.

Едва Мюри успел братьям Оясоо рассказать об этом, как пришло новое сообщение.

В пятнадцать двадцать «центральный» вырусский пост доложил, что человек, похожий на Ротса, бродит у стоянки такси. Группе офицеров и солдатам Аверкиева приказано занять места в грузовой машине, поданной к подъезду. Новый звонок:

— Похожий взял такси.

— Что и требовалось доказать, — довольно спокойно изрек Чернышев. — По коням!

На стоянке находились три машины. Прежде, чем выбрать себе шофера по вкусу, Ян Ротс, не забывая наблюдать, нет ли за ним слежки, долго присматривался к каждому. Водитель зеленой «Победы» в дреме сполз на сиденье, прикрыв лицо от солнца парусиновой кепкой. «Вполне может притворяться», — сказал себе Ротс. Другой таксист, веснушчатый, юркий, только что высадил пожилую женщину с бесконечным числом мешков и корзинок, не стесняясь намекал на чаевые. Еще один водитель наклонился к капоту машины, держа перед собой развернутую газету. «Из-под нее не сложно стрельнуть глазом», — усмехнулся главарь банды.

Ротса, конечно, беспокоило, что он впервые за много лет попал в уездный центр, где легче встретить помнящих его или охотящихся за ним людей. Но он успокаивал себя обычной бандитской логикой, что именно здесь его не ожидают увидеть. К тому же на случай любой неожиданности близости толкался один из его связников, рекомендованный ему самим Диском. Музейный сторож не имеет «боковых выходов». Кроме того, расслабляла мысль, что через несколько часов он станет обладателем полумиллионного куша, а с ним можно целым оружейным складом обзавестись и мощной радиоаппаратурой, привлечь к движению в лесах новых людей, при случае и на Сааремаа перебраться и, наконец, нанести визит вежливости своим западным покровителям и режиссерам.

Ротс еще раз рассмотрел таксистов и подошел к веснушчатому парню.

— Поедем? — спросил он.

— А куда? — отозвался таксист.

— В Элва, — сказал наугад, привыкший уже не один год скрывать свои истинные маршруты.

Парень вел машину лихо. Пассажиры спохватились:

— Извини, милоч, бери от развилки вправо...

— Если на Элва — влево, — упрямо возразил веснушчатый. — Сразу бы говорил, — обиделся он. — Чего кружить

зря? И бензин, между прочим, не дармовой.

Откинувшись на сиденье, Роотс лениво поглядывал в полуоткрытое окошечко, узнавая места, по которым не раз бродил в детстве и в пору своих опасных лесных странствий.

Не доезжая нескольких километров до Лэви, он попросил водителя свернуть к маленькому озерцу.

— Чего я там не видел? — запротестовал таксист. — Дорога шальная и глухомань.

Что-то ему не понравилось в молчании седока, голову поворотил назад, увидел наставленное пистолетное дуло. От неожиданности едва не врезался в дерево, что на обочине стояло, с трудом выровнял машину, притормозил.

— Не дури, — сказал Роотс, — деньги тебе светят.

— Тюрьма мне светит... Не надо мне ваших денег, у меня домик свой и корова, проживем прекрасно с моей Матильде.

— «Корова», «Матильде», — передразнил он таксиста, — Что, сжился с большевиками? А родина у тебя есть, бабья юбка? Про Эстонию свою подумай!

— А что, Эстония? — встрепенулся таксист. — Что она, по дорогам с пистолетами ездит? — И прикусил язык. — Да я что? Как желаете... Только лучше отпустите меня.

— Когда надо — отпущу, — распорядился Роотс. — Сво-
рачивай!

«Неужели они все так мыслят?» — лихорадочно думал Роотс.

Когда они подъехали к крошечному озеру, из ближайшего леса выбрались четыре фигуры и побежали к машине. Запыхавшиеся от бега, они уселись на сиденья.

И снова потянулись желтые дороги, темные взгорки, сосняки.

Роотс спросил у своих:

— Кто нас страхует?

— Оясоо, — сказал один из бандитов, — за мать трястись будут. Еще Йоала. Уже выслал своих к Чудскому озеру.

— Деньги в банке получены?

— Кассиры поехали в лесхоз. Лично видел. Два тяжелых портфеля. Как валуны.

— Если засада стрельбу откроет, — вдруг предупредил Роотс, — один за мною в лес, другие в заслоне! Все ясно?

В километре за Ряпина остановил машину. Оставил при ней шофера и сторожа, велел тому глаз с водителя не спускать, а ждать их до половины восьмого. Трое бандитов гуськом потянулись за главарем. Подошли к упавшей сосне. Из огромной ямы, в которой покоились узловатые корни дерева, выскочили еще несколько человек.

— Все в лучшем виде, — доложил один.

Роотс взглянул на часы: время шло к половине шестого.

— Кассиры? — коротко спросил он.

— Уже в лесхозе. Ужинают.

— Следы грузовиков, легковушек, мотоциклов?

— Все чисто, Ян.

— Заслоны?

— Приходил человек от Йоала, его группа между лесхозом и озером. И братьев он видел, те сюда поближе расположились.

Роотс долго смотрел на часы, на упавшую сосну.

— А, с богом и чертом! — вдруг вырвалось у него. — Жить — так по большому счету. И помните, после моего сигнала — все поджигайте, все, что можете!

Чернышев подал команду забираться в кузов.

В пути подшучивали, вспоминали разные веселые истории, не говорили об одном — о предстоящей операции.

Дороги, дороги... Вечно они ведут этих людей к опасным поворотам, крутым спускам, топким болотам, и очень редко они обещают им покой, тишь и усладу теплого летнего дня.

Не заметили, как проскочили Ряпина. Разговоры, шутки стихли сами по себе. На повороте, где шоссе пересекала проселочная дорога, ведущая к лесхозу, машину остановил Вяртмаа.

— В лесхозе, товарищ полковник, пусто, — доложил он. — С полчаса назад двое бандитов тут пошатались, убедились в сонном царстве и — назад, видимо, за главарем топтали.

Еще через четверть часа солдаты Санникова и чекисты заняли свои исходные позиции. Жильцы дома были благополучно выдворены. Двухэтажный дом и подходы к нему словно погрузились в предзакатный сон. Ничто не предвещало схватки, которая должна была начаться через несколько минут.

Первый сигнал к ней подали сами бандиты. Из кучного ельника, живописно раскинувшегося в ста шагах от бревенчатого дома, раздались беспорядочные выстрелы и, перерезая поляну, к крыльцу ринулся десяток теней. В ту же секунду, как по команде, распахнулись окна верхнего этажа, заговорили, забили автоматы, связки гранат полетели на землю.

— Санников, окружать! — крикнул Аверкиев.

Крики раненых бандитов слились с топотом солдатских сапог — с крыльца, из окон первого этажа, из коровника посыпались бойцы Санникова. Голос, перекрывший и стрельбу и крики, прозвучал воплем: «В лес, назад!»

— Это Роотс! — крикнул Мюри.

Мюри и Анвельт, а за ними обоими Чернышев, скатились с лестницы и бросились на звук голоса, который шел от кущи берез со стороны озера. Впереди уже мчались солдаты, прорезая кустарник, поливая огнем темнеющие тропинки леса.

Неожиданно просеку пересекла тень, лишь на секунду оказавшаяся в розовом закатном отблеске, тень разразилась гулкой автоматной очередью. Но этой секунды оказалось достаточно, чтобы десяток винтовок и пистолетов ударили по цели.

— Он! — сказал Пауль, наклонившись над белесым лицом со спутанными волосами.

— Он! — подтвердил Анвельт.

И каждый, кто участвовал в этом поединке, непременно хотел убедиться, что перед ними лежит действительно этот «неуловимый» Ян Роотс.

Вокруг дома еще не унялась стрельба. Санников преследовал бандита, зигзагами и огромными прыжками добирающегося до лесной кущи, откуда вышла банда. Расстояние между ними все уменьшалось. Но бандит неожиданно обернулся и выстрелил в своего преследователя из нагана. Он издал дикий вопль, увидев падающего солдата, но в тот же миг автоматная очередь, которой Санников ударил, падая в траву, сразила бандита.

— Человек Шелленберга, — сказал Анвельт, переворачивая труп лицом к небу.

— Одно плохо, ребята, живыми никого не взяли, — сказал Чернышев и приказал: — Обыскать бандитов! Кого вы еще хотите найти, Мюри?

— Музейного сторожа, — Пауль обшаривал поляны, высокую траву, подступающую к рощам. — Нет «Гриба».

Медленно въезжала во двор лесхоза грузовая машина, возвращая домой живущих здесь людей. Пауль помог спуститься кассиру, любезно сказал:

— Мы вас сейчас подвезем к нашему отделу в Выру и обратно.

— Зачем? — удивленно спросил кассир.

— Настоящие-то портфели, с зарплатой, у нас. Уж извините, подменили их вам. Так что милости просим, обменяем полмиллиона на ваши портфели со старыми газетами. Согласны?

В одном небольшом доме приозерной деревни Выльпсу размещалось почтовое отделение и сберкасса. Дверь сюда не запиралась круглые сутки, но больше всего народу набивалось после конца рабочей смены. В такой час седьмого июня сюда прошествовал широким крепким шагом муску-

листый человек, одетый в просторную рабочую блузу, легкие полотняные штаны. Подходя к дому, он увидел сидящего на крыльце приезжего с рыжей шапкой волос, который приветственно махнул ему рукой. Мужчина остановился, потом резко повернулся и зашагал в противоположную сторону.

Ивар Йьги легко догнал Роберта Килпа и пошел с ним рядом.

— Вам недостаточно было одного предупреждения? — спокойно осведомился Килп. — Вы не оценили моего терпения?

— Роли несколько переменялись, господин Килп, — вежливо пояснил Йьги. — После того, как вы провалили нашего общего святого... Не смотрите на меня так страшно — его уже нет, и, кажется, не осталось никого из его группы.

Килп резко остановился.

— Бред! Непроверенные слухи! Сегодня утром меня разыскал мой связник. Еще во времена Пятса мы провернули с ним не одно дельце. Тихий музейный сторож, он обведет вокруг пальца десяток ищек... Он был до самого вечера с Ротсом и уверяет, что лесхоз не ждал гостей.

— Отчего же ваш связник, — саркастически спросил Йьги, — не дождался Ротса после гостевания? Где он сейчас, этот тихий сторож?

— Я отправил его на Сааремаа, — растерянно пробормотал Килп, и, пожалев об оброненной фразе, выпалил: — Вам-то что до него? Он имел приказ Ротса — ждать только до полвосьмого вечера.

Йьги присвистнул:

— В полвосьмого Яана Ротса уже не существовало.

— Подробности? — угрожающе спросил Килп. — И при чем тут я?

— Подробности — в газетах, — не скрывая издевки, заметил акробат. — А при чем вы тут? Вы уж разбирайтесь сами со своими партнерами. Но, по моим данным, Прийдик Яласто запутал братьев Оясоо, запутался сам, по существу предал Ротса. Почувствовав за собой хвост, решил выскочить из вашей игры.

— Не у коммунистов же он вербуетя!

— Как знать... Коммунисты тоже не будут пренебрегать стоящей информацией.

Килп мрачно смотрел в одну точку и вдруг очнулся.

— Что вам нужно от меня, Улыбка?

— Лично мне ничего. Но Альфонс Ребане, в некотором роде мой партнер, просил меня, а его просил, видимо, некто Санди или некто Скотт, помочь Тесьме спастись от чекистов.

— Что же вы ответили? Пусть, мол, волки Тесьму сжуют.

— Приказ центра не обсуждают, господин Килп, — холодно отозвался Йыги. — Я ответил, что, хотя госпожа Тесьма готова сжить меня со света, но я буду спасать ее, несмотря ни на что. Тем более, что мне поручено с вашей помощью отыскать на многочисленных эстонских островах какого-то Референта.

— Я буду ждать подтверждения. Так какой же якорь спасения вы мне подбросите?

Йыги нарочито задержал ответ. «Пусть дергается. Его уже не волнует, что я знаю его псевдоним. Игра ва-банк!»

— Почему вы замолкли, Улыбка?

— За углом стоит моя машина. Залезайте. Махнем к морю, а там...

Теперь безмолвствовал Килп. «Пожалуй, мне не обойтись без него, — лихорадочно думал резидент. — А тут еще последние указания Планетного Гостя: «Тесьма, вы безмолвствуете. В случае неудачи помогите Яану перепрыгнуть на сковородку Алекса, хотя и она раскалена. Стоит нам расширить помещение святой обители (плацдарм действий), и вы убедитесь, что интеграл оказывается берущимся. Надеюсь, владелица дога уже знает, что молодой спринтер, проделавший у Пярнуского рыбокомбината шесть кругов забега (выполнивший за пятилетие шесть годовых заданий) должен невидимо достичь финишной ленты (быть ликвидирован). Планетный Гость».

— Итак, Килп?

— Извините меня, Улыбка. Я просчитался...

Тайная любовь Ивара Йыги

До Тарту Роберт Килп не проронил ни слова. И только когда Ивар заправился у бензоколонки и медленно вывел машину за пределы города, Килп неожиданно спросил:

— Я все раздумываю, Йыги, не возвели ли вы поклеп на Прийдика Яласто. Мы проработали с ним десяток лет, и он никогда не проявлял трусости.

Лицо Ивара сморщилось в смеющуюся маску.

— Трусость и уход от погони, Килп, как учил меня Бен-младший, это не одно и то же! Когда у тебя на пятках сидят люди из НКВД, не очень-то будешь щепетилен...

— А с чего это Прийдик полез к Оясоо? — раздраженно спросил Килп.

— Вот уж не скажу, коллеги.

Ивар газанул, машина рванулась вперед.

— Если хотите знать, — рассуждал как бы сам с собою Ййги, — он объективно сыграл на руку чекистам. А история с Кооператором? Да Сангел же ел у меня как белка — с ладони... И вдруг Прийдик перед самым моим отъездом в Выру сам выходит на Сангела. Где это видано? Если я узнаю, что он получил от ворот поворот, я сообщу своему Центру, Килп, что имею дело либо с человеком, одержимым манией величия, либо с перевербованным резидентом.

Килп потер переносицу, кивнул:

— Логическую линию вы выстраиваете правильно.

— Послушайте, Ййги, — Роберт Килп вернулся к одолевшей его мысли. — Не думаю, чтобы такой опытный разведчик, как вы, мог относить все провалы на счет одного Яласто.

Не снимая левой руки с баранки, Ивар правой пошарил в ящичке под ветровым стеклом, извлек смятую записку, протянул, не оборачиваясь, листок назад.

— Как вы расцениваете такое предложение, Роберт? Узнаете почерк своего партнера?

Килп жадно схватил, хотя очень не хотелось ему верить в измену своего компаньона: «Кое-кто передоверился братьям, — без обращения говорилось в записке, — и я обязан спасти положение. Вас же попрошу помочь переводу оставшихся грешников в другую обитель. Диск. 3 июня». Он прочитал этот текст дважды, опустил боковое стекло, подставил разгоряченный лоб бьющим ударам ветра. Ййги протянул назад руку, и Килп вложил в нее записку.

Ивар почувствовал, что Килп проявил первые признаки панического настроения.

— Он перевербовался, Ййги, — лихорадочно заговорил Килп, — вы правы. Он знал о разгроме Ротса еще до разгрома. Эти «оставшиеся грешники» — его подачка своим бывшим партнерам: мне, вам, Альвине Лауба... Потрясающая сволочь! Я должен его немедленно увидеть, Ййги. Сразу после Кадриорга.

— А разве мы мчимся в Кадриорг? — удивился Ййги.

— Я не сказал? Да, сначала туда, к музею.

Обычно сдержанный, хладнокровный, не щедрый на слова, Килп сейчас ворочался, как медведь, которого жалят пчелы, покряхтывал, что-то бормотал. Проезжая Пайде, Ййги подвел машину к холму Валлимяги.

— Зачем вы выключили мотор? — зашипел Килп.

— Не валяйте дурака, — впервые окрысился Ййги. — У меня здесь свой информатор. Вот вам советую пригнуться. Он смешался с людьми и быстро вернулся.

— Надежный партнер, — изрек он, — для разведчика и дом и крепость.

С языка Килпа, который думал о Яласто, сорвались проклятия и в адрес владельца рулетки, и тех, кто его вербовал, и даже тех, кто его вербовал впервые. Может быть, это была первая и последняя жалоба шпиона Роберта Килпа на удел, который ему достался в жизни, на профессию, которая лишила его обычных людских утех, ничего не дав взамен.

Когда Ивар поставил машину у ворот старинного дворца, Килп приказал:

— Ждите меня здесь.

— Болтаться на виду у всех было бы не очень умно, мой господин, — с иронией сказал он и посмотрел на часы. — Если вам хватит на осмотр комнат час, то вы найдете меня здесь.

— Через сорок минут, — брякнул Килп и проскользнул в зеркальные двери подъезда.

Йыги смотрел ему вслед, убедился, глядя сквозь стекло дверей, что Килп и не думает проходить дальше, а крутится вокруг столика с книгой отзывов. После этого Йыги отправился погулять по парку. Через четверть часа к его локтю осторожно прикоснулся незнакомый человек с сединой на висках и вполголоса сказал:

— Итак, вы в полном доверии у Бена-младшего, а скоро будете — и у Мак-Кибина. Поздравляю.

— Вы успели расшифровать этот сигнал доверия? — осторожно спросил акробат.

— Конечно, мы уже руку на этом набили.

Молча подал ему записку, дождался, пока Ивар ее прочтет, отобрал. Ивар бесстрастно заметил:

— По-моему, из людей Ротса уцелел один музейный сторож. По непроверенным данным, переметнулся на Сааремаа. Мне бы сейчас в самый раз знать, не удалось ли англичанам выжать что-либо из Кооператора.

— Исключено. Между прочим, сорвались они на попытке уверить Сангела, что в их возможности помочь ему заполучить Эстер. Вот еще что... Откреститься от спутника советую возможно позднее.

Не прощаясь, человек ушел.

Ивар сделал круг, прежде чем вернулся к машине. Он повторял про себя: «Свидетельствую свое почтение Планетному Гостю, вмешательство Диска лишило нас духовной поддержки братьев (Оясоо) и кооперативного идеалиста (Сангела). Отправляюсь проверить возможности Диска к переориентации и прозорливости Улыбки, который вывел меня из опасной зоны и способен заменить Диска. Уточню

по каналу экстремального назначения. Тесьма. 7 июня».

Когда Ивар включил зажигание, задняя дверца распахнулась, тяжелое тело плюхнулось на сиденье. Голос Килпа срывался:

— Вы опоздали на семь минут! Немедля — к Яласто. От него на вокзал. После всего этого везите меня куда хотите, но на обратном пути позаботьтесь о супруге. Ей придется трудно, очень трудно.

Он едва не завыл.

...На звонок им открыли не сразу, только через три минуты на лестнице раздались осторожные шаги и низкий голос бухгалтера спросил:

— Кто так поздно?

— Ревизия, — насмешливо отозвался Роберт Килп.

Дверь распахнулась. Яласто стоял в прихожей, с плащом, переброшенным через руку. Другой рукой он держал высоко над собой канделябр с зажженной свечой. Бухгалтер наклонил голову, приглашая гостей в комнату. Уже войдя, Килп подозрительно осмотрелся, ткнул пальцем в сторону сложенного чемодана.

— В дорогу готовишься, дружище?

Яласто с тревогой взглянул на Ййги.

— Что это значит, Роби? Ты допрашиваешь меня?

— А если бы и так! — вскипел Килп. — Да тебя после всего случившегося на немецкой растяжке надо допрашивать!

Выслушав обо всем, что произошло неподалеку от Выру, бухгалтер начал пространно объяснять предысторию готовившегося выступления Яана Роотса.

— Так дело не пойдет, — решительно оборвал его Килп. — Все это я знаю не хуже тебя. И ты, и Вессарт подтвердили в последнем донесении, что Оясоо готовы стать рядом с Роотсом. Какого лешего ты сунулся к ним? — Судорога перекосила его лицо, и он взвизгнул: — Да, да, какого лешего?!

— Я и не думал к ним обращаться, — недоумевал Яласто. — У меня была возможность передать Яану Роотсу весточку, и я посоветовал ему застраховаться от колебаний братьев. Ййги, да разве не от вас исходила информация об их метаниях?

— От меня? — Ивар захохотал. — Ну, и номера вы выдаете, бухгалтер Яласто. Вы же сами послали меня под Япина почти накануне решающих событий!

— Возможно, я спутал... Может быть, Вессарт...

— А может быть, Борис Кумм тебе подсказал эту уловку? — рявкнул Килп. — Выкладывай, чего уж там...

Яласто схватил со стола очки, надел их, взгляделся в Килпа.

— Роби, тебе нездоровится... Кто тебе наплел все это?

Килп махал перед его лицом пальцем:

— Факты против тебя на сей раз! Оттолкнув Оясоо, Роотс попал в западню, и не было заслона, и не было тыла.

— Но не мой же совет...

— Твой, именно твой! — заорал Килп. — Не раскрывая больше глотку, если у тебя нет фактов, или я просто впусти в нее пулю и на том разойдемся.

Яласто сел за стол, в лице его появилась сосредоточенность.

— В чем ты еще меня обвиняешь?

— Ты удивительно точно умеешь наводить на нас хвосты. Чем тебе помешала старая Линда?

— Ты же не младенец, Роберт! — Яласто искоса взглянул на Йыги. — Оказывается, она помнит и наши вальпургиевы ночи, и, к сожалению, меня.

— Разве тебе мало было переправить ее в деревню? Кажется, я распорядился точно. «Переселить», а не «Перевести в святую обитель»!

Под жгучим взглядом Килпа бухгалтер испытывал беспокойство.

— Считаю, Роберт, — он жалко улыбнулся, — я немного застраховал себя.

— И вызвал огонь на всех нас! — Килп сжал пальцы в кулаки. — Идиот, свое скудоумие ты нажил с девками в Париже, а кто тебя рекомендовал разведке? Может, когда ты явился в мою лавку, вопреки всем запретам Планетного, ты уже тогда тащил за собой хвост?

— Ты забыл, Роберт, информация не могла пролежать у меня и ночь: одна за другой проваливались группы Пресса, Пихо, Вихму... Суди нас, боже, не за мелкие прегрешения наши...

— Давай о крупных! — Килп говорил жестко, лицо его выражало свирепость. — Что ты выудил у Кооператора? Яласто задумчиво смотрел на партнера.

— А что, Роби, у тебя не было ни одного прокола доселе?

— Ты хочешь сказать, — Килп чуть на задохнулся от негодования, — что уже сидящую на крючке рыбу ты выпустил в озеро?

— Улыбка, — мягко, почти просительно обратился к Йыги бухгалтер, — поясните моему коллеге неточность его формулировок.

Ивар сконфуженно улыбнулся.

— Мне очень жаль, бухгалтер, но я не хотел бы, чтобы мои донесения за океан вы перечеркивали одним неуклюжим шагом. Я получил у Сангела весь цифровой материал по сельской кооперации, кое-какие планы их ЦК по застройке

островов и даже фотоматериал. Не вы ли отобрали у меня эту рыбку на крючке?

Яласто ударил кулаком по столу.

— Все это пахнет провокацией, Килп.

Маска добродушия слетела с лица Ивара, оно вытянулось и превратилось в ехидну, готовую укусить.

— Провокацией? — переспросил он. — Но с чьей стороны? Да Сангел же идейный недоброжелатель обидевшей его власти, а вы... вы... Кто вас дернул сболтнуть, что вы делаете его непревзойденным соперником всех женихов Эстер Тийвел? Он понял, что вы несерьезный человек, Яласто. А он, имейте в виду, варил всю жизнь бизнес с людьми серьезными.

Килп обошел стол, положил свою тяжелую руку на плечо Яласто:

— Ты говорил с ним о Тийвел? Отвечай!

— Говорил, а что с того? — дернулся бухгалтер. — Не такой уж он аристократ и бессребреник, каким его изображает Йыги. Борец за идею, как же! Сытая, хитрая и самовлюбленная поросятина!

— Так вот, — припечатал Килп. — У меня тоже бывали проколы. Но не десяток за неделю. Роотс, Оясоо, Кооператор, а до этого уборщица, — начал он перечислять и сорвался, перешел на бешеный шепот. — Безмозглый перестраховщик, труха! Шкуру свою хотел спасти, перевербовку затеял?

— Эти шуточки ты оставь, — Яласто сбросил с себя руку Килпа. — Чужой грех мне не шей!

Шепот Килпа принял драматический оттенок:

— Вот как? Чужой грех? А кто писал об остатке людей Роотса за три дня до его разгрома? Кто?

Яласто потер лоб, напряженно вспоминал:

— Что-то в этом роде я написал... Для Альвине или Йыги... Речь шла о переводе их на Сааремаа... Да. Но имелись в виду остатки других групп... Одиночки, шатающиеся по лесу... — Он встретился взглядом с Килпом. — Ты что, вообще не веришь мне? Столько лет...

Килпа затрясло, он хотел что-то сказать и вдруг пошел к двери, обернулся.

— Цианистый калий при тебе? Это последнее, что я могу для тебя сделать.

Ивар первым увидел пистолет в руке Яласто и, не успев решить, кто из двоих для него важнее, прыгнул и выбил оружие из рук бухгалтера. В то же мгновение почти бесшумно хлопнул выстрел, и Прийдик Яласто начал медленно оседать. Ивар попытался поддержать его, проверил, куда вошла пуля, шепот Килпа остановил его:

— Я стреляю классно, Йыги. И классно вешаю пере-

бежчиков на самой короткой тесьме.

...На вокзале он поднялся вместе с Йыги в комнатушку медпункта, попросил у дежурной фельдшерицы книгу регистрации заболевших.

— Месяц назад здесь мне оказали первую помощь, — задыхаясь, каким-то чужим голосом прошептал он. — Хочу поблагодарить... письменно... Да палец вот ушиб. Не откажите записать — я продиктую.

Его блуждающий взгляд, нервное подергивание бородки пугали. Дежурная робко взялась за карандаш...

— «Выражаю глубокую благодарность...» — начал он диктовать рваным скребущим голосом...

Через какой-нибудь час Йыги будет знать, какое место в тайной войне окончательно отвел ему Килп: «Сердце подсказывает, мой любезный Планетный партнер, что мы долго не встретимся в нашей переписке. Со мною скверно, возобновились старые приступы. Мои подозрения подтвердились: Диск оказался перевербованным засевшими в Вышгороде. Мне пришлось вывести его навсегда из наших игр. Улыбка, напротив, доказал свою преданность нам и нашим идеалам. Испросите согласия заменить ушедшего Диска Улыбкой.

Сопоставьте все это с неудачей владелицы дога: в трех уездах ей не удалось отыскать ни одного тренера (убийцу), который помог бы финишировать (убрать из жизни) пярнускому спринтеру (рабочему-ударнику). Тесьма. 7 июня, 1950».

На двадцатом километре за Таллинном Йыги затормозил, выключил зажигание, проверил ручной подсос.

— Пожалуй, горючим лучше запастись здесь, — предложил он. — В трехстах метрах живет знакомый механик...

Когда Йыги поднялся на холм, машине уже преграждал путь мотоцикл, а дверцу открывал дежурный милиционер.

— Вы нарушили правила, — пояснил он. — Попрошу документы.

Роберт Килп уже не мог достать из кармана пальто оружие. Услышав слова старшего лейтенанта Мюри: «Резидент иностранной разведки Роберт Килп, именем народной власти, вы арестованы!», Килп громко захохотал, а его ноги начали дергаться, как у пляшущей марионетки.

— Народ! Демос! — кричал он. — Почему я стрелял в друга? Почему мы все стреляем друг в друга? Вива всем, кто стреляет! Мой адмирал, вот мы и встретились...

Экспертиза определила: «Делирий профессиональный, хронический, сопровождаемый изменениями головного мозга».

Голоса в эфире безуспешно разыскивали на планете Планетного Гостя, Тесьму, Диска. Они словно сквозь землю

провалились. Некий Фредди по поручению двух джентльменов «С» из Лондона взывал к обитателям прихода Святого Тоомаса в Стокгольме: «Мы потеряли адреса лучших проповедников вашей паствы и будем крайне благодарны Вам или Улыбке за уведомление. 1950, 8 июня». После некоторой паузы первым объявился Улыбка, сообщивший через Фредди двум лондонским джентльменам «С» и Бриджу: «Мы потеряли святого со всем семейством (банду Яана Ротса), но сумели совместно с Племянницей утвердить в движении приоритет человека из Вастселийна (Рудольфа Илу), трех братьев (Оясоо) и Физика (Энделя Казеорга), вокруг которых будем постепенно накапливать свежие силы. Устранили от движения перевербованного Диска, которого Тесьма лично перевела в тихую обитель. Сама Тесьма, преследуемая еретиками, была вывезена мною из святых мест и подготовлена к отдыху у вас, но в последний момент выведена из строя хронической и прогрессирующей душевной болезнью и помещена в местную клинику».

Зная о беспокойном характере Дедушки, Улыбка и его не оставил вниманием: «...Недавно мне удалось получить частичный доступ к документации, явкам резидентуры Британской спецслужбы, выявить и вывести из строя некоторых давних агентов Канариса, перевербованных после войны Лондоном (Роберт Килп, он же Тесьма, он же Сагар; Прийдик Яласто, он же Диск, он же Суве), в чем оказала серьезную помощь учительница Альвине Лауба.

Из предыдущих донесений Вам уже известно мое участие в изоляции и ликвидации наиболее озверелых, прогитлеровских банд Аво Пресса, Тыниссона, Багрового, Яана Ротса, в легализации заблуждавшихся крестьян, в гражданственном становлении архитектора Отто Сангела. (Здесь мы действовали совместно с И. Анвельтом и П. Мюри.)

Считаю себя в силах продолжать эту деятельность в любой предложенной Вами форме.

Благодарю за высокое доверие и за досрочное присвоение мне звания майора.

Ильмар Йыги. Июнь 1950».

На этом рапорте появилась резолюция:

«Ознакомить с рапортом секретариат ЦК партии. Представить к правительственной награде. Министр Государственной безопасности Эстонской ССР».

Они сидели втроем, Кумм, Пастельняк и Йыги, на маленькой закрытой террасе, выходящей на вспененное море. Говорили мало, больше смотрели. Иногда обменивались лаконичными репликами.

— Я хорошо помню рыжеволосого курсанта, — задумчиво

произнес Кумм, — которого мы отправляли к сестре за море. Осенью сорокового. Уезжал мальчишка, вернулся зрелый чекист.

— Ничего не скажешь, — пробасил Пастельняк. — С Сангелом ты сыграл, как король преферанса. Может, благодаря тебе этот себьялюбек сохранил свое честное нутро.

— Именно так, — кивнул Кумм. — А вот с объявлением Камердинера ты нам задал работку... Надо же, столько сумбура ради одного факта, что Улыбку гонят домой.

— В объявлении, товарищ генерал, — как мог скромно напомнил Йыги, — вместе с просьбой не пристукнуть меня на границе излагался конспективно новый план националистов.

Раздался веселый смех.

— А Альвине зачем напугал? — легонько подзуживал Ильмара Кумм. — Признаюсь, что она тебя то Удавом называла, то — Другом Под Большим Вопросом...

— Пожалел я ее, — засмеялся Йыги. — Ну, и шлифовал по долгу истинной службы. А вот вы меня не пожалели, товарищ генерал, когда Роберт Килп мне кляп в горло заталкивал. Небось, наша группа у его лавки уже толкалась.

Пастельняк развел руками.

— Капитан Анвельт клялся, что искушение ворваться уже почти перевешивало. И вдруг откуда ни возьмись летит на всех парах, звеня ключами, мадам этого Килпа...

— Игорь Анвельт рассчитал точно, — прокомментировал Кумм. — Не было расчета у Килпа тебя начисто убирать и вступать в конфликт с ЦРУ.

Йыги уже рассказал о своих американских скитаниях, о смерти брата Ивара, имя которого он взял и на которого был невероятно похож. Ивар попал под машину, но есть предположение, что его устранил гангстер, нанятый соперниками клоуна Йыги по арене.

— Что ценного нашло в тебе ЦРУ? — шутливо спросил Пастельняк.

— Советологов ЦРУ, — отозвался Ильмар, — вполне устраивало, что я из Эстонии, что хотел жить красиво, богато, обладал независимым характером и не желал принимать подачки от сестры, вышедшей за бостонского коммерсанта. Ильмар я или Ивар — это второй вопрос, да в сущности это им было уже до лампочки...

— Допустим, допустим, — Кумм сощурился, — ну, а как же насчет Эстер Тийвел? Образованная женщина, художница, не узнала своего жениха?

— Эстер — умница, — Йыги вдруг вспыхнул и, чтобы скрыть легкую сконфуженность, воспроизвел несколько мимических масок. — В ней и талант, и такт, и хорошее

советское начало. Конечно, она сразу догадалась, кого перед собой видит...

— Она не догадалась только, — подкинул шепотком Пастельняк, — что видит перед собою уже давно влюбленного в нее юношу.

Ильмар поднял руку, защищаясь:

— Запрещенный прием, товарищ полковник! — Несколько грустно добавил: — Если говорить по совести, я и сам не представляю всего этого. Не представляю, что подумает Эстер о человеке, который сватается к ней, зная, что она была невестой его брата. Не представляю, положено ли разведчику заводить семью, детей. Есть ли такая практика?

— Да видишь ли, — сказал Кумм, — много ли, мало, но пятнадцать лет меня тюремщики Пятса продержали в застенке. А любимая... ждала, да. И вот Павла Пантелеймоновича, на восемь лет исчезнувшего в своих развед-странствиях, семья тоже ждала. Марксизм не возводит стену между революцией и семьей. Конечно, разведчику тяжелее, — он задумался и вдруг широко улыбнулся. — Бери меня в сваты.

— Если разрешите, товарищ генерал, я вашего Мюри возьму. Он с хитринкой — вот даже Эстер перехитрил, и кажется, первый, кто догадался, что я не очень-то ему враг.

— Положим, он и догадался, и получал кое-какие «ЦУ», — вставил Пастельняк. — Ну, а как насчет отпуски?

Йыги задумался.

— Разве что Эстер даст согласие, — наконец решил он. — Неделю-другую испрошу. А вообще — не время. Бой за Сааремаа надо начинать.

— Все бои да бои, — пошутил Кумм. — Надоело. Уйду от вас на более спокойную работу. Уже предлагают. И здоровье не то...

— Не такой у вас характер, Борис Гансович, — засмеялся Пастельняк. — Вы тихую гражданскую службу на боевой лад перевернете...

Они подходили к даче Эстер, и Йыги непохоже на себя тянул:

— Высмеяла она Ивара и меня отошьет. Что ей какой-то акробат... Тройное сальто!

Мюри, как человек уже женатый, наставлял:

— Выходят не за сальто, выходят за личность... У тебя на плечах неглупая голова, Ильмар, и смелости тебе не занимать, она должна это оценить.

— Охота ей быть женой артиста-гастролера...

— Она будет женой советского офицера.

— Я, что ли, ей об этом скажу?

— Сама догадается, если дальновидная...

— Ты вот дальновидный, — не уступал Йыги, — а долго же меня принимал за иностранного разведчика. Когда прозрел?

— Как только услышал, что ты попросил у Сангела снимки его коттеджей, я понял, что иноразведке они нужны, как прошлогодний снег. Между нами, рискованную игру ты вел.

...Эстер открыла дверь, увидела пышные букеты роз у обоих, ахнула:

— Неужели сватовство? Вот здорово! Один сват, второй жених. Ильмар, я согласна.

Часть третья

МГНОВЕНИЯ, РЕШАЮЩИЕ СУДЬБЫ ЛЕТ

Островные хищники

Пастельняк вызвал к себе Грибова и весь отдел, попросил сообщить о ближайших оперативных планах по делу инорезидентуры, выслушал, пододвинул к себе настольный календарь, с хрустом перевернул страницу:

— Сводка за вчерашний день — не столь уж утешительная. В окрестностях Выру, как будто, поутихло. Но кто-то расправился с бойцом народной защиты неподалеку от Пярну. Снова зашевелилась банда Ильпа на Сааремаа. Все «омакайтчики», фашисты и их подручные. Десять террористических актов и двадцать три вооруженных ограбления кооперативов, колхозов и крестьян-единоличников, поджог нескольких хуторов. И все это в течение лишь одного года.

Зашелестел стопкой депеш, выхватил одну.

— В Лондоне спецслужба начеку. Планетный Гость позволяет принять план Улыбки по рассредоточению верующих, — читай: банды — временное укрытие одной-двух групп на островах». Им во что бы то ни стало нужно спасти Яана Роотса и усилить за чей угодно счет банду Ильпа... Во имя этого они готовы живодера Роотса возвести в святые, а заурядного вора Ильпа — чуть ли не в президента Сааремаа. Да вы послушайте: «При этом кое-кто склонен рассматривать Скакуна — так они прозвали Ильпа — как карманника, для нас же он лидер лесного царства». Ишь ты, лидер.

— И короновать его, — насмешливо продолжил Пастельняк, — поручено Улыбке, а чтобы тот не колебался — в одном из своих донесений намекают, что вскоре потребуют от него отчет: «Сообщите Улыбке, что с ним в дни визита в брюссельский Королевский музей изящных искусств встре-

тятся балтийские друзья». Ясенько, что его где-то в Европе поджидают руководители Прибалтийского отдела английской спецслужбы. У них все расписано, а мы еще выжидаем.

Встал из-за стола, могучий, крупный, чем-то недовольный.

— Не исключаю, что выход на Ильпа приведет нас к убежищу резидента. «Ассистентов» у него уже практически нет. Диск застрелен, из Килпа умного слова не выжать, хотя Планетный Гость требует от Мартсон проверить и Килпа — то есть не способен ли сболтнуть лишнее, а заодно и вязальщицу — возможно, нашу Эрику Ярвекюлг. Какой-то еще связной Алекс у него сохранился, этот должен отвезти доверенных — не иначе, лидеров братьев — на заброшенные плантации: проще — свяжет с бандой на Сааремаа.

Пастельняк вернулся к столу.

— Алексей Иванович, вы начали операцию при участии Эрики Ярвекюлг. Считаете ли вы, что операция перспективна?

— Так точно, — поднялся Грибов. — У Планетного Гостя тает агентура. Эрика на днях получила открыточку, ее просят погостить неделю в Таллинне. Конкретного адреса не сообщили.

В Таллинне Эрика находилась уже несколько дней. Приютила ее знакомая семья, живущая в деревянном доме по улице Койдула — по странной иронии судьбы, как раз наискосок от здания, в котором размещалось в войну «Бюро Целлариуса». Привезла она на продажу детские шерстяные изделия своей вязки, деревенской выделки мужские и женские свитера. Адресом ее снабдил Пауль. Хотела она хозяйев квартиры отблагодарить, несколько вязанок своих предложила, но немногословный хозяин вежливо отвел ее предложение.

— Зовите меня Акселем, — представился хозяин. — Я работаю с вашими давними друзьями Паулем и Эльмаром. И давайте без церемоний.

Ей было в этой семье хорошо, надежно. Присмотрелась к ценам на рынке. Днем гуляла по Вышгороду или улочкам Нижнего города. Заходила в музеи. Опасалась и в то же время ждала того, что с ней заговорят.

— Почему со мной не согласовали? — голосом, не предвещавшим ничего доброго, спросил Пастельняк.

— Вы были в командировке, товарищ полковник, — пояснил Грибов. — Я согласовал вопрос с министром.

— Другой табак, — кивнул Пастельняк и заключил: — Прошу внимания... Подполковнику Белянину контролировать события на Сааремаа постоянно, майору Грибову — подключаться по мере надобности. В группу подстраховки Эрики вводятся Мялло, Анвельт, Мюри, Паоранд. Прошу

не забыть, что в легенду и для Бессарт, и для Казеорга-младшего входит временный перевод одной-двух банд на острова. Все свободны. Старшим лейтенантам Вяртмаа и Мюри задержаться.

— Вы новенькое начальству заготовили? — спросил он офицеров. — Если нет, тогда я вам кое-что предложу. Попытался подобраться к Планетному Гостю со стороны стиля его распоряжений. Заметьте, языковая точность, научная аргументация изложенного. Из памяти не выходят все его «эпсилон-окрестности», «берущиеся интегралы»... Мы бы с вами написали: «Ударьте по пункту Н.», а он — по-ученому, и этак небрежно велит Килпу: «Ответьте ударом в эпсилон-окрестности...» Будто маклер Килп с детства только и занимался высшей математикой. Значит, это привычный язык для Планетного Гостя? Уловили? Это не делец от рулетки и даже не гравер. Может, ученый, а?

Дал собеседникам время оценить сказанное и задумчиво добавил:

— Один наш общий знакомый отправляется на гастроли за рубеж. Возможно, он привезет нам какой-нибудь адресок. А пока поднимитесь на Вышгород. Посоветуйтесь в Академии. Кто знает, может Планетный Гость и действует на ниве науки...

Референт ввел их в кабинет академика-секретаря. Пожилой человек встретил их как давних знакомых и без всяких предисловий начал:

— Товарищ Пастельняк поставил передо мной задачу высокого класса трудности. Да. По крайней мере четыре ныне существующих института могут соотноситься с поисками... именно так... планетных или инопланетных сюрпризов. Начните с Института геологии. Институт химии и Институт промышленных проблем. Рекомендую Институт физики и астрономии в Тарту. Научный секретарь подготовит вам списки секторов и изучаемых проблем. Так. В науке есть правило: как сеть закинешь — таков улов и получишь. Простите, но вы расставляете сети чересчур широко... Чересчур.

На пути в Нижний город Эльмар и Пауль по-братски поделили между собою институты.

Зашли за Ильмаром и втроем отправились на давно обещанный обед к Эстер. Эльмар и Пауль с торжеством извлекли из портфеля бутылку коньяка, кулинарную книгу и альбом довоенных фотографий каждого из молодоженов, чем привели их в совершеннейший восторг.

Немного позднее Эстер пояснила гостям, что еще до войны чувствовала, как относился к ней Ильмар, какие трогательные знаки внимания — цветок, открытку, сти-

хотворение — передавал ей через брата, с которым она познакомилась раньше. В чем-то они были схожи, но Ивара отличал более деспотичный характер, более резкие манеры, да и всегда его преследовало сильно развитое честолюбие. Тем не менее, он был проникновенен, прощаясь с Эстер перед отъездом в Америку, как бы небрежно заметил: «Не знаю, сойдутся ли дороги братьев Йыги с прекрасной барышней Тийвел. Учти только, что ты сможешь выбрать любого из братьев. И, кажется, Ильмар в нашем дуэте более пылок и надежен».

Эстер оставила мужчин, чтобы заварить кофе. Ильмар заметил:

— Брат был неистощим на выдумки. Но... налетел на хищников. К слову говоря, — это я о хищниках — что собой представляет сам Ильп? Интеллектуал, политик или бандит чистых кровей? Что ни говорите, а моя дорожка лежит к нему.

— Фигура странная. — Пауль задумался. — Я могу тебе пересказать несколько документов. Еще при гитлеровцах на Сааремаа выходила уездная газета «Мейе маа». В начале 1944 года в ней была помещена в разделе хроники заметка «За взлом — в тюрьму». Это как раз об Ильпе. Он, оказывается, и раньше имел судимости, произвел новый взлом, «украл разное имущество, чтобы это впоследствии реализовать на материке. Суд приговорил Ильпа к 6 месяцам тюрьмы...»

— А вот еще оценка, — продолжал Пауль. — Один наш сотрудник, занимавшийся этой бандой, утверждал, что в ней собрались предатели, которые бежали в свое время из Красной Армии, пособники фашистских оккупантов, активные деятели «Омакайтсе», воры, мародеры, истязатели.

— Объясни, — нетерпеливо спросил Йыги, — неужели этот карманник и пустобрех мог заинтересовать Запад?

— А на кого им прикажешь ставку делать?! Тем более, что эмигрантское руководство решило представить Ильпа в глазах английских спецслужб таким крестьянским самородком, глашатаем назависимой Эстонии. Анекдот! Даже палач Хяльмар Мяэ разразился бранью в адрес Альфонса Ребане, мы все хохотали над этим письмом: «Почему свою службу в СС ты считаешь чище моего руководства Эстонским самоуправлением? Почему ты не включил меня в свой Эстонский комитет? Но зато от его лица, проклятый двурушник, поздравил известного на Сааремаа вора, развратника и дешевого демагога Ильпа с мифическим захватом острова?»

...Эльмар Ильп испытывал острое и все возрастающее чувство беспокойства. Злило уже одно то, что в дом к своему

брату Оскару, в своей же родной деревне Выхма, он должен был пробираться полусогнувшись, а где и ползком сквозь щели в ограде — и это несмотря на полуночный час. Выводила из себя и растерянность Оскара. Брат, правда, приготовил для Эльмара стопку свежего белья, очистил от грязи и отмыл его куртку, но все это сопровождал прозрачными намеками: «Это по-умному, что часто сюда не заворачиваешь!», «Мать извелась вся — уж лучше бы на материк перебрался, сплетен меньше пойдет...» Эльмар, наконец, прикрикнул: «Ты это брось! Мать пожалею, а тебя — ни в коем разе! В штаны наложил или компанию с красными начал водить?»

Этого рослого двадцатилетнего парня, с сужающимся к подбородку лицом и острым, с горбинкой, носом, никогда не привлекали ни землепашество, ни ремесло. Самая мысль, что нужно трудиться, ему претила. Уже в детстве Ильп прослыл в Выхма хулиганом и воришкой. Мать колесила по соседям, разносила по хуторам найденные в карманах у сына безделушки, со слезами на глазах умоляла простить и забыть. Ее жалели, в полицию не обращались. Но пару раз воришку отколотили как следует. Эльмар отлеживался и принимался за свое. После шестого класса он забросил тетради, книги, но в семье рабочие руки не прибавились: шлялся с такими же бездельниками, как сам, по деревне, резался в карты.

Когда остров оккупировали немцы, они загнали Ильпа на судоверфь в Трийги. Ильп начал бахвалиться перед гестаповцами тем, что саботировал советские порядки, уклонялся от работы, но особенно не выслужился. А когда он взломал кладовую и утащил ворох одежды и мешок продуктов, полиция сунула его за решетку. После освобождения Сааремаа Ильп занял счетоводческую должность в Курессааре. Складывать цифры он умел, да к тому же обладал каллиграфическим почерком. Теперь он изображал из себя борца с фашизмом, врага и жертву оккупационных властей.

Но и работа в городе его не привлекала. Настраивал трофейный приемник на волны западных станций, ловил каждое слово эмигрантских кругов. Завелись подозрительные дружки, появились листовки, переписанные каллиграфическим ильповским почерком. Он стал даже приторговывать огнестрельным оружием. Предупреждению из милиции не внял. Недоучка, бездельник и вор, на которого весной сорок пятого вдруг обратили внимание эмигрантские дельцы, неожиданно вообразил, что его ожидает карьера политического борца. В минуты пьяного застолья, в своих более поздних лесных скитаниях он разглагольствовал о

том, что его не оценила ни родная деревня Выхма, ни родная волость Мустьяла, что островитяне — злейшие враги Ильпа и он еще покажет им дьявольскую жаровню.

Еще до всего этого милиция обнаружила в его комнате маленький склад огнестрельного оружия и препроводила Ильпа в камеру предварительного заключения. Ночью Ильп проделал в кирпичной стене дыру и бежал еще с одним заключенным.

Ограбления магазинов, насилие над продавцами, запугивание хуторян... Жертвой Ильпа падает крестьянин, боец батальона народной защиты Иоханнес Сийнер и односельчанин Роберт Пахапилль, «вина» которого была в том, что он при случайной встрече узнал бандита. Ильп стреляет в председателя сельсовета и в члена своей же банды, выражение лица которого ему показалось подозрительным.

У Ильпа нет ни четкого плана действий, ни понимания обстановки на Сааремаа. И люди, которые втягиваются им в банду, столь же мелки и беспринципны, как и их главарь. Но все они обладают великолепным знанием местности, физической выносливостью и способностью внушать на хуторах страх. Это на время спасает их от облав и преследований.

Туула, бывшего офицера «Омакайтсе», участника ряда нападений на советских работников, привело в банду желание стать полезным эмигрантской верхушке и перебраться на Запад с надежной оказией. Братья Метсы — Аренд и Юрго — успели совершить налеты на хутора в составе менее опытных банд и пришли под более надежное укрытие к Ильпу. Херберт Кяй, в свое время дезертировавший из Красной Армии, служил у немцев, позднее он скрывался на хуторе Лауры Куузе, женщины поистине эсэсовской закваски, с рябым лицом и загорающим при виде крови взглядом. Оба искали, где обрести выход своим жестоким инстинктам, и примкнули к Ильпу. Беспечную, развратную Реэт Томп высмотрел и затащил в банду сам Ильп. Ушел с ними в лес и Харди Ааслайд: шофер, не чуравшийся «левых» доходов, он бежал после тяжелой аварии, решил, что в банде жизнь будет повольтотнее.

И, наверное, картина этой воинственной компании была бы неполной, если бы не появился среди них, пожалуй, самый ловкий конспиратор из всей этой своры лесных братьев и немного более образованный Алекс Туул. Черноволосый, смазливый, любимец женщин, подвижный, сверхосторожный и почти никогда не открывавший своих истинных намерений и мыслей перед случайными спутниками по лесным скитаниям и разбою, Алекс тоже имел биографию дезертира. Почти одногодок Ильпа, 1920 года рож-

дения, мобилизованный в начале войны в армию, Туул перебежал под Великими Луками к немцам. Судя по его дальнейшей жизни, в эти месяцы пребывания у гитлеровцев он прошел недурную подготовку в одной из диверсионных школ. Имея возможность уйти с немцами, остался в Эстонии, скрывался, а застигнутый на одном из хуторов на севере Сааремаа, убил солдата, который его караулил, и уже окончательно связал себя с лесным братством.

Ильпа и Туула, столь несхожих между собой по темпераменту, образованности, кругозору, объединяла жгучая подозрительность. Но если у Ильпа она шла от презрения к нему земляков, черной ненависти к большинству людей, то в Алексе Тууле — была вскормлена гитлеровской школой шпионажа и диверсии. Да и держались Ильп и Туул большей частью особняком от всей банды — притом один остерегался другого.

Алекса представил Ильпу его дядя — старый Туул. И никто в банде не знал о содержании их первого разговора. А разговор, между тем, был примечательный.

Сидели они в полночь на валунах под Выхма, разогретых еще дневным солнцем, и больше молчали. Когда стихали порывы ветра, налетавшего с побережья, один из них подавал реплику:

— Цель у тебя есть... настоящая?

— А у тебя есть?

И оба замолкали, пока скрип дерева не подавал им знак для продолжения этой ночной дипломатической игры.

— Мы как, Туул, так и будем зайцами гоняться по острову?

— Ты главарь, тебе и карты в руки. Возьмут нас здесь в кольцо — переберись на материк.

На сей раз затянувшееся молчание первым решился нарушить Ильп. С хрустом потянувшись всем телом, нарочито протяжно зевнув, он выдавил из себя:

— Так и рассвета дожждаться можно... а меня баба ждет, теплая, ядреная.

— Ну и шагай к своей печке, — насмешливо бросил Туул. — Я-то тут при чем?

— Баба ждет, — повторил Ильп, будто и не услышав его реплики. — А я желаю, чтобы Эстония меня ждала, не то, чтоб одна баба.

— Эстонию и помани к себе, — в голосе Туула послышались новые ноты, казалось, он оценил серьезность момента. — Помани, попробуй.

Ильп помолчал. Прикидываясь равнодушным, он, как бы невзначай, спросил:

— Знаешь такие способы?

— Поищем, — откликнулся его собеседник.

— Я спрашиваю: знаешь? — упрямо повторил Ильп.

Теперь долго молчал Туул. Наконец выжал из себя:

— Что тебе сказать, Ильп? На материке красные крепко потрошат наших. Здесь еще больше глаз и засад, но кое-кто находит, что здесь можно кое-кому из наших кое с кем встречаться. Когда на острове вооруженные отряды, бдительность властей уже не та. Продержишься год-другой, и лесные братья к тебе примкнут. Под твое знамя.

Ильп ждал, ему чего-то не хватало в этом предложении, и Туул это понял.

— Я тебе помогу это знамя поднять, чтобы его издали было видно. Есть у меня для такого дела люди.

Договор их был заключен: договор бандита и человека, прошедшего школу абвера.

Бункер, объятый огнем

В этот вечер Эрика решила, что и она нынче сходит в театр. Днем пошла покупать билет, но объявление на окошечке кассы возвещало, что все билеты на сегодня проданы. На всякий случай, переспросила в кассе, и, услышав ответ, скорчила недовольную гримасу. Стоявший чуть поодаль молодой человек с прилизанной прической на маленькой, схожей с птичьей, головке громко рассмеялся и предложил Эрике лишний билет.

Места их оказались, как и предполагала Эрика, рядом. Ее сосед был модно одет, темно-коричневый костюм сидел на нем безукоризненно, на галстук эффектно примостилась янтарная заколка. Он молча поклонился ей, почти не приметно окинул взглядом ее терракетовое, тонкой вязки, платье, к которому удивительно шел медальон, обрамленный ажурной платиновой оправой, но на протяжении всего спектакля не проронил ни слова. Когда вспыхнул свет, он встал и предложил:

— Вы позволите взять ваш номерок? Как-то положено, чтобы спутник дамы помог ей одеться.

Они вышли вместе. Он любезно спросил, не может ли он проводить даму. Эрика пояснила, что остановилась у знакомых на улице Койдула и трамвай ее довозит почти до самого дома. Спутник кивнул, но продолжал держаться рядом.

— Извините, — вдруг заметил он. — От вас веет удивительной силой. Я не удивлюсь, если мне скажут, что вы отлично управляетесь с ножом. — И с лукавством: — Кто вас научил обращаться с холодным оружием?

— Отец рыбачил. Сколько себя помню, мы сидели вечерами за столом и разделявали океанскую рыбу. Но последнее время я ножом не пользовалась.

«Кажется, начинается, — сказала себе Эрика, и каким-то холодком полоснула ее волна вечернего воздуха, по спине пробежали мурашки. — Аксель советовал заводить разговор о Рихо Рандметсе не сразу».

Сделала еще несколько шагов и вдруг услышала долгожданное:

— Медальон вам удивительно подходит. Как в ваше Сымерпалу попала эта старинная безделушка?

«Ага, ты уже знаешь, птицеголовый, что я из Сымерпалу», — с торжеством отметила Эрика, не подозревая, что она дала кличку своему спутнику по тем же признакам, что некоторое время назад его окрестила Качалкой Альвине Лауба.

— Бывают в жизни такие случайности, в которые трудно поверить, — сказала она, словно отмахиваясь от воспоминаний.

— А если я попрошу доверить мне эту случайность? — вдруг жестко отрезал он всякую иллюзию на отсрочку, промедление.

— А кто вы мне, чтобы просить или приказывать? — возмутилась Эрика.

— Я друг Рихо. Точнее, был его другом. Таким же, как вы, — выпалил ее спутник.

«Один ноль в мою пользу», — с удовлетворением отметила Эрика. В ту же минуту рядом закрипели тормоза и у самой обочины тротуара остановился тяжело пыхтевший «Опель». Дверца распахнулась, и птицеголовый мягким, но властным движением подтолкнул Эрику к машине. Длинные сильные руки втянули ее в салон, следом уселся ее спутник.

«Один — один, — утешила она себя. — А все же для деревенщины совсем неплохой счет». Повернулась влево и узнала по описанию Лысого. Он смотрел на нее цепким жалящим взглядом. Спустя несколько секунд, оценив ее назависимую усмешку, дерзкий взгляд больших серых глаз, упрямую складку, прорезавшую крупный лоб, вдруг с легкой зевотой предложил:

— Вам придется объяснить друзьям Рихо, госпожа Ярвекюл, какую роль вы сыграли в его жизни и за что удостоился столь высокого доверия.

Она молчала, и с той же ленцией он подал ей наглазную повязку. «Пять минут, — начала она отсчет времени, — едем пока медленно... Наши не упустят, может, они уже мчатся следом...»

Эрика не ошиблась. Друзья уже спешили ей на помощь...

«Полковнику Пастельняку П. П. Докладываю, что ино-разведка или банда из леса повторила в отношении Эрики Ярвекюлг действия, уже известные нам в случае с Учительницей, причем втолкнувший ее в машину спутник похож на словесный портрет одного из участников насильственной «проверки» Лауба.

Все наши указания и Эрика, и театральные кассир, и дежурившие в театре оперативные сотрудники выполнили. В записке, оставленной Эрикой на Койдула, говорится:

«Медальон и тем более пудреница со мною. 15 ряд, 9 место».

Веду преследование «Опеля» шоколадной окраски «РУ 27—16» в направлении Кохила—Рапла. Сигналы от Эрики путаные. Прошу подготовить заслоны в Мярьямаа, Ярваканди, Тюри. Капитан Анвельт, 23 ч. 27 м.»

Вот уже две недели Мюри и Вьяртмаа пытались в беседах с учеными очертить круг лиц, имеющих какое-либо отношение к сюрпризам из околоземного пространства. Задача оказалась куда сложнее, чем предполагалось. Вежливых, любознательных, но весьма далеких от науки молодых людей, снабженных личной запиской известного академика с просьбой оказывать максимум внимания и содействия, принимали в академических учреждениях более, чем гостеприимно. И все же дело не сдвигалось с мертвой точки. Астрономы, астрофизики, космологи, геофизики, геоботаники, — голова кружилась от самих названий.

— По-моему, — решительно заявил однажды Эльмар, — мы хотим затолкать в досье всю мировую науку. Между тем, древние говорили: две монеты издают в кошельке больший звон, чем сто.

— Пусть две, — усмехнулся Пауль, — да где они?

В чем-то им помог научный сотрудник Института геологии Мартин Воксепп. Жизнерадостный и мобильный человек, необычайно разносторонних познаний и увлечений, филателист, меломан и заядлый танцор, Мартин довольно популярно и легко изложил им все те более чем скромные «приветы», которые человечество получило из космоса.

— Пожалуй, самое ощутимое, кроме солнечной радиации, приливов-отливов и магнитных бурь, это, конечно, залетевшие к нам метеориты. В Тарту их целая коллекция и, по-моему, одна из превосходнейших в Европе. Если желаете, поедем в Тарту вместе.

В дороге они отметили для себя, что геолог в поисках заинтересовавшей его пластинки или марки кочует на своем мотоцикле из уезда в уезд, причем и на Сааремаа он бывал неоднократно.

— Сааремаа, — небрежно обронил он, — для многих из нас командировочная пристань.

В музее геологии их сопровождал Каарел Уйбомяэ. Под стеклами витрин, в шкафах, просто на столах и полу лежали причудливой формы каменные осколки и каменные исполины. Уйбомяэ был скуп на слова.

— Камень из металла, — отрывисто комментировал Уйбомяэ. — Уникальный вес среди посланцев космоса — одиннадцать килограммов.

— Это подарок космоса персонально Эстонии, — пошутил Воксепп.

— Нам бы ваши командировочки... Вместо кохтла-ярвских шахт и пылваского колхоза прямо в космос!

— Коллега Уйбомяэ, — фыркнул Мартин Воксепп, — предпочитает командировки на более короткие дистанции: Тарту — Курессааре.

— Кажется, коллега Воксепп, — поморщился Каарел Уйбомяэ, — даже отпуск свой проводит на Сааремаа.

— Почему вы все, — недоуменно спросил Мюри, — так часто упоминаете про Сааремаа?

Мартин улыбнулся.

— Сааремаа — наша лабораторная база. Там — единственное в Европе озеро метеоритного происхождения. Около трех тысячелетий назад в остров врезался гигантский метеорит и... Словом, поезжайте на озеро Каали, честное слово, не пожалеете!

Грибов, услышав о тартуских впечатлениях своих подчиненных, не скрыл скептического отношения к их затее.

— Я бы давно пошел на Планетного Гостя от банды Ильпа, — задумчиво произнес Эльмар. — Взять бы ее в кулак! А Сааремаа — всего лишь остров, одно крепкое оцепление — и...

— Одно оцепление уже было, — строго отрезал майор. — Я вас сейчас познакомлю с двумя документами, оба помечены мартом сорок шестого года. Заместитель начальника погранотряда и начальник Сааремааского уездного отдела госбезопасности доложили: «...3 марта 1946 года была проведена операция по «прочесыванию» лесных массивов Сааремаа и отдельных хуторов, где у приспешников могли базироваться бандиты Ильпа. Достигли болота Эйкла и обнаружили на болотном острове тщательно замаскированный бункер банды Ильпа. Бой продолжался четыре часа...» Почти тогда же мы перехватили записку главаря банды своему компаньону Туулу: «Алекси! Ты удачно ушел от облавы. Хвалю! И знаю, что они метили в меня. Жаль Юрго, но без потерь мы не придем к власти над всем остро-

вом. Отныне будем стараться действовать, да и жить более мелкими группами. Чувствую, что победить мы сумеем, оставляя после себя кровавую кашу. Я перед этим не останюсь. Эльмар Ильп».

...Отсиживались в болотах. Когда становилось невмоготу и сырость разъедала легкие, перебирались в заброшенные овчарни, в прогнившие сараи. Собственно, никто толком бандой не командовал, Ильп появлялся в группе редко — обычно перед ограблением высмотренного магазина или покушением на сельских активистов. Алекс Туул — и того реже.

И манера обращения с людьми у них была разная. Алекс, приходя, разговаривал мало, глухим голосом осведомлялся, кто кого пристукнул, да что присвоил, о себе не вытянуть было и слова. Так же глухо и тихо кого-нибудь отчитывал, а если ему возражали — подходил к недовольному и вlepлял затрещину. На расправу был крут и смелости ему было не занимать, но привык осторожничать, хитрить, даже своих боялся.

Ильп был другой. Тоже осторожный, подозрительный, он умел, однако, поддержать компанию, шутку, не чужд был бахвальству. Свои уголовные операции высокопарно именовал актами отмщения тиранам. При всем при том он умел властвовать над приставшими к нему людьми. Дело было совсем не в его мобильности, умении уходить и уводить банду от преследования, а в особой жестокости, которая самой природой была отмечена в его остром оскале.

Но чем он брал пустых, отчаявшихся и не слишком образованных людей, — это умением сулить им золотые горы после изгнания с Сааремаа коммунистов. Он уже распределял между бандитами хутора и волости, амбары с добром и ветряки, батраков для ухода за посевами и домашнюю прислугу. Даже самых красивых женщин обещал этим оторванным от своих хозяйств и семей людям, души которых мучили зависть, безысходность и, как следствие их, ненависть ко всему живому, смеющемуся, любящему. Ильп знал, кого и чем пронять. Харди Ааслайда, шофера потребительской кооперации, пообещал сделать со временем главным конюшим острова. Своей нелепостью он попал в точку: честолюбец и пройдоха Ааслайд видел себя уже не иначе как министром транспортных средств мифической буржуазной Сааремааской республики. Старому Туулу, у которого были особые планы на Швецию, он обещал выхлопотать специальный фонд от Эстонского национального комитета в Швеции.

Маневрируя небольшими группами, избегая появляться

в людных поселках, обживая топкие места и лесные массивы в центральной и северной частях острова, банда Ильпа почти десять месяцев избегала открытых столкновений с милицейскими нарядами, отделениями и взводами народной защиты.

Алекс Туул как-то облюбовал в волости Каарма болотный островок, добраться до которого можно было лишь хорошо зная дорогу, да и то местами надо было идти, погружаясь где по колено, а где по пояс в болотную жижу. Ильп согласился вырыть здесь в торфяной грунт бункер, и бандиты принялись за дело.

Навещал Ильп работающих редко. Бункеры не любил, считая их ловушкой для неопытных лесных братьев. Даже в готовом бункере переночевал только два-три раза. Поэтому, когда операция, проведенная 3 марта, захватила одним своим крылом и островок, давший приют банде, в бункере оказались, как потом уже выяснилось, только Алекс Туул и братья Метс.

Штурмовать почти полностью погруженный в землю огнемётный пункт представлялось рискованным. Решили взять бандитов измором.

Почти к самому дзоту подобрался сержант Сирель и, пригнувшись, метнул в щель связку гранат. Он успел откатиться, избежать осколков, но уже на пути к своим был ранен выстрелом из карабина. В ярости ринулись чекисты, чтобы успеть подхватить и оттащить из опасной зоны своего товарища, но из бункера повалил густой дым. Бандиты подожгли торфяные пласты, из боковых лазов метнулись тени, загрели выстрелы. Под прикрытием дымовой завесы скрылся в болотистой жиже Алекс Туул. Преследовавший его офицер-пограничник Ивко был смертельно ранен Арендом Метсом, который прикрывал вожака. Предположили, что бандитов засосало болото, но потом оказалось, что они продолжают свое черное дело на острове. У стен бункера обнаружили только полуобгоревший труп старшего из братьев — Юрго.

...Алекс Туул и Аренд Метс отдышались, только уйдя за полтора десятка километров. Ползли болотом и по суше, прорезали лесные заросли, яростно ломали кусты. Наконец выдохлись, нашли какую-то яму, забросали еловыми ветками, забрались в нее. Сбросили с себя насквозь мокрые и измазанные в болотной жиже куртки, сапоги, в которых хлюпала до голени вода, зарылись в хвою. Туул достал из кармана фляжку, долго, с присвистом тянул густую наливку, передал остаток Аренду, отвалился на скос ямы.

— Можешь вздремнуть, — сказал Алекс соседу. — Я все равно не усну. — И вдруг яростно выпалил: — Они мне

ответят, все эти партийцы, чекисты и народные защитники. Я столько крови выпущу на этом растреклятом острове, сколько весят все их книги, статьи и газеты. Слово Туула твердо, Аренд Метс.

Алекс Туул и не подозревал, что вскоре останется на этом острове последним загнанным бандитом из сообщества лесных братьев и что конец его будет таким же бесславным, как и конец всех других.

События развиваются

Все это уже было: вход в уединенную виллу, и комната с заколоченными ставнями, и неожиданное появление женщины с ледяным голосом и ухватками типичной эсэсовки в сопровождении дога песочной масти. Только до сего дня это существовало для нее всего лишь в изложении Пауля Мюри и Эльмара Вьяртмаа, которые сами слышали этот кошмарный рассказ из уст другой женщины. А сейчас все это ей, Эрике Ярвекюлг, предстоит испытать, пережить, вынести самой, на собственном опыте и, может быть, на своей коже.

— Малейший крик, шум, намерение выйти отсюда, — отчужденно, без всяких эмоций произнесла Эва Мартсон, почесывая ухо пса, — и вы можете считать себя попавшей в рай или ад.

Эрика независимо уселась на диван и, смерив недобрым взглядом стоявшую в дверях женщину, сказала:

— Пригласите сюда тех, кто меня привез, или больше слова от меня не услышите.

— Да ты!.. — из уст Мартсон чуть не сорвалось грязное ругательство, но она сдержалась, потянула дога за ошейник, захлопнула дверь.

Эрике показалось, что за дверью из маленького коридорчика доносится приглушенный шепот. Чтобы немного успокоить себя, она достала из сумочки пудреницу, провела пуховкой по носу, сама себе сказала:

— Надо же. Тридцать три несчастья... Час с лишним мчаться в темень в чужой машине, чтобы тебя еще и догом пугали...

Дверь открылась, заглянул ее театральный спутник.

— Что вы там бормочете, барышня?

— Тридцать три сюрприза! — гневно крикнула она. — Сначала билет в оперу, потом машина, эта сумасшедшая гонка на какую-то пустынную дачу, опереточная старуха с песочным догом, угрозы, предупреждения...

— Эрика! — попытался остановить ее Качалка. — Вы доказали свой природный ум, сметку, умение действовать в весьма сложных условиях. Дайте же возможность нам убедиться, что за эти месяцы вы остались той же Эрикой Яркекул.

— С помощью дога? — с презрением вырвалось у нее. Он опешил, развел руками:

— Поймите нас. Как можно поверить, что молодая женщина, не державшая в руках оружие, да еще напившись допьяна с людьми Рихо, так ловко сразила офицера милиции?

— Однако Рихо поверил! — швырнула ему записку Рандметса, раскрыла крышку медальона: — Это его мать! Он завещал мне носить его! Этого мало вам, мало?

Он знаком показал, что ознакомит с запиской партнеров, тихо прикрыл за собой дверь. Она услышала зычный голос Ээвы Мартсон: «Эта девка набита доказательствами, что уже само наводит на подозрение. Дайте мне ее хоть на пять минут!»

— Тридцать третий сюрприз! — крикнула Эрика, смотрясь в пудреницу. — Сейчас меня начать шпиговать!

Мартсон ворвалась в комнату в тот самый момент, как в дом застучали, и голос, усиленный рупором, крикнул:

— Предлагаю сдать! Дача окружена! Через минуту здесь останутся только одни трупы!

В коридорчике заметались. Входную дверь прошла автоматная очередь. В руках Мартсон появился пистолет, но в ту же секунду Эрика выбила его ударом ноги. Мартсон набросилась на девушку, ее руки протянулись к горлу своей жертвы. Эрика отчаянно сопротивлялась. Раздался глухой лай дога, ударил выстрел, и в комнату ворвался капитан Анвельт.

— Ээва Мартсон! — крикнул он, оторвав ее от Эрики. — Не много ли для вас убийств? А, старая эсэсовка! — заорал он, потому что та вцепилась зубами в его палец, и оттолкнул ее с такой силой, что Ээва отлетела в угол.

Встав на ноги, прерывисто дыша, Мартсон дико захохотала:

— Вы ошиблись, господин капитан. Я слишком осведомлена, чтобы стать в разряд старух. Ваше начальство, уверяю вас, оценит меня выше этой деревенской девки.

В комнату ввели в наручниках Качалку и Лысого. Оба были смертельно бледны. Капитан Мьялло подошел к Мартсон, она с усмешкой протянула ему навстречу руки.

— Передайте мне сначала записку — она должна быть при вас! — потребовал капитан. — Ту самую, которую два

часа назад вы зашифровали и должны были закопать под деревом на Вышгороде.

Медленным движением она достала из лифа лоскуток бумаги, Мялло прочел вслух: «Мой покровитель, человек из Вастселийна (Рудольф Илу) и братья (Оясоо) готовы к выезду, но ждут приглашения от Скакуна (Ильпа) или Референта (Туула). Тесьма не заговорит и вряд ли дотянет до первого снега. Подлинность медальона (имеется в виду национализм Эрики Ярвекюлг) не вызывает сомнений, осталась небольшая физическая проверка. Умоляю Вас, Планетный Гость, помочь мне выбраться навсегда из кольца преследования. На выставке в Пярну, на одной из фотографий о зверствах нацизма, я нашла себя в форме оберштурмфюрера СС. Ээва».

— Снова Планетный Гость, — задумчиво произнес Мялло.

— Его знал один лишь адмирал Канарис, — с торжеством в голосе ответила Мартсон. — Никто из нас никогда его не видел и с ним не разговаривал.

Арестованных вывели в сад.

— Как она сказала? — Анвельт помог Эрике подняться с дивана. — Ее оценят «выше деревенской девки»? Наша дорогая подруга, наш боевой соратник, лично мы оцениваем вас очень высоко. В особенности, когда мы ловили по радиции ваш «тридцать третий» позывной...

Теми же июльскими днями 1950 года Ивар Йыги тоже искал возможность как можно скорее оповестить своих. Но было это уже в расплавленном безжалостным солнцем Брюсселе.

А сначала был Париж. Концерты советских артистов проходили в переполненных залах. Йыги хорошо запомнил свое первое выступление в огромном, забитом людьми зале. Публика бесстрастно взирала на его эксцентрические движения. Он проделал каскад своих обычных упражнений и в ближних рядах раздались жидкие хлопки. «Это тебе не Москва и не Таллинн!» — сказал он себе со злостью и «выдал» сверх программы, до своего финального сальто, стремительную комбинацию прыжков и вертящихся «колес». И опять кто-то из мальчишек заорал с галереи «Бис! Бис!», и опять первые ряды сдержанно наградили его аплодисментами.

«Где же ваша живинка, французы, — лихорадочно спрашивал он себя, готовясь к финалу. — Черт возьми, я должен иметь право на зарубежные гастролы!»

Настал черед тройного сальто. Он вложил в него все искусство, накопленное за годы выступлений, странствий, тревог и надежд. По залу пронесся одобрителный шепот и тотчас смолк. После чего неистовый шквал рукоплесканий загремел под сводами. Ивар Йыги стоял среди этого многоголосья,

всплесков, тайфуна, благодарный, растроганный, онемевший от счастья.

Утренние выпуски парижских газет вышли с заголовками: «Крупный успех советского артиста!» Некий журналист, выражая свой восторг, даже написал, что Ивара Йыги следовало бы наградить цирковым «Оскаром».

— Поздравляю вас, Йыги! — раздался рядом с Иваром баритональный голос. Он стоял на набережной Сены у одного из букинистических лотков. Услышав свое имя, названное вполголоса, оглянулся. Окликнувший его человек по покрою костюма походил на американца. Арво Хорм уже считал себя таковым.

— Друг мой, — значительно произнес Хорм, — в Брюсселе с вами встретятся довольно высокие персоны. Мы работаем с вами на одну фирму и заинтересованы в агентуре англичан. Меня просили еще на Потوماке передать вам, что если вас поставят перед выбором утопить это ничтожество Ребане, но зато расширить свои связи, — топите его. Но это не значит, что нужно бросить тень на все эмигрантское движение, поэтому не преуменьшайте масштабов лесной войны.

— Это либо большая провокация, либо маленькая глупость, — прыснул Йыги и учтиво откланялся.

В Брюсселе парижский вариант встречи советских артистов не повторился. Местные газеты вышли в день премьеры с гостеприимными обзорами, были опубликованы даже интервью с Иваром Йыги. Его первое выступление в Бельгии прошло с подъемом и принесло ему удовлетворение.

На следующий день советских артистов повели в Королевский музей изящных искусств.

К плечу посетителя робко прикоснулась рука:

— Господин Улыбка, если вы ожидаете приглашения... Я от Роберта. Послезавтра вы не заняты в спектакле. Вас просят пожаловать к восьми утра по этому адресу...

Перед глазами артиста появилась визитная карточка: некий меесь Андре Годдар, «Салон мужских и дамских шляп». Вкрадчивый голос над ухом Ивара произнес певуче, даже игриво:

— Сэр, Бен-младший желал бы вас видеть в аптеке напротив вашего отеля в любой из удобных для вас дней. Честь имею.

Выбритый до синева, благоухающий в своем легком кремовом костюме, с цветком в петличке пиджака и огромным платком, небрежно спадающим из верхнего кармана, Йыги медленно движется по шумным улицам бельгийской столицы.

В модном салоне Годдара хозяин проводит гостя в свои личные апартаменты. Окно комнаты, куда его приглашают,

плотно задрапировано шторами. При виде Ййги поднимаются из кресел трое — Альфонс Ребане и два офицера: по форме — британские военно-морские силы. Четвертый, в котором Ййги при первом же взгляде угадывает одного из заместителей Мак-Кибина — «разведчик должен знать в лицо всех сколько-нибудь крупных разведчиков», — остается сидеть полуотвернувшись, его крупное лицо с раздутыми ноздрями чем-то неуловимо напоминает Уинстона Черчилля, только губы более тонкие.

— Рад видеть вас в здравии, Роберт, — беспечно замечает Ййги. — Много о вас доброго слышал, полковник Скотт, — продолжает он. — Здравствуйтесь, джентльмены. Как будем строить нашу беседу? Начнем с моих претензий или ваших?

На тонкие губы полковника набегают улыбка, но он непропускаем. Ребане обеспокоен... «Видать, давно не кредитовали», — замечает про себя Ййги.

— Ивар... Улыбка, — Ребане пытается придать предстоящему не очень приятному объяснению характер салонной беседы, — я поручился за вас перед нашими друзьями. Мы с вами готовы рассеять любые их недоумения — не так ли?

На лицо Ййги набегают плутоватая маска.

— Мы с вами, Роберт? Вы из Стокгольма... я из глубинки Эстонии. Неравное положение и должны быть разные ставки. Не так ли, джентльмены? Но впрочем, давайте рассеивать...

Офицер, которого Ййги назвал для себя Бекон — за его полноту и жирные щеки, любезно предлагает гостю стул.

— Господин Улыбка, позвольте вас так называть для удобства? Наша служба готова вас выслушать и готова более эффективно, чем ранее, помочь несчастной Эстонии. Однако нас кое-кто удивляет.

— Улыбка, — перехватывает инициативу офицер, которого Ййги назвал для себя Старшим. — У нас была возможность сравнить несколько ваших депеш для нас и для некоего Бриджа или некоего Бена-младшего. Сдается, что ваши заокеанские друзья получают менее тухлый товар.

— Они и наняли меня, джентльмены, несколько ранее, и, простите, были более исправны в поставках радистов и аппаратуры.

— Тем не менее, — продолжает допрос Бекон, — ваше, а стало быть и наше движение теряет одного за другим свои лучшие опорные силы: Рихо Рандметса, Тыниссона-Багрового, братьев Вяэрсси, а недавно и Яана Роотса. А вы, получивший некоторый доступ к английской кухне, хотите уверить нас, что все эти провалы обошлись без новых функционеров?! Без рекламируемых вами Казеоргов, Вескартов?!

— Спокойствие! — Йыги поднял руку, как бы защищаясь. — Все эти провалы произошли вопреки новым функционерам, а не благодаря им! И, если быть абсолютно точными, то благодаря определенному традиционализму в мышлении некоторых ваших старых агентов. Роберт, — обратился он к Ребане, — надеюсь, джентльмены ознакомились с моей шифровкой, где я попросил осовременить методы господ Диска и Тесьмы?

— Это донесение я помню, — признал Старший. — Что вы вменяете им в вину конкретно?

— Неуважение к эстонским традициям, — спокойно перечислял Йыги, — ставку на одни террористические акты, непонимание психологии современного эстонского крестьянина.

— И поэтому их изловило МГБ? — грубо спросил молчавший до сей поры Скотт.

— Частично поэтому, — не уступил Йыги. — Диск хотел, чтобы братья Оясоо пропустили себя через мясорубку ради спасения Роотса, и они прекратили с ним контакты. Тесьма требовал от Роотса дублирования действий нациста Онгуара и этим погубил очень способного и нужного нам человека.

Бекон возмущенно воскликнул:

— Погубил! А кто погубил самую Тесьму, то есть Роберта Килпа? Кто уверял нас, что вывезет его в Швецию?

— Несправедливо, джентльмены, — отразил этот выпад Йыги. — Такое извещение было, видимо, подтверждено самим Килпом.

Он попал в точку, все эти люди из спецслужбы великолепно помнили последние сообщения Килпа.

— У меня стоял подготовленный мотобот со шкипером, — продолжал Йыги. — Но в Килпе перевесила жажда отомстить бывшему партнеру, и мы потеряли дорогое время. А потом — этот чудовищный приступ безумия в самый решающий момент и разложение личности.

— Вы уверены, что это не выдумка чекистов? — спросил Старший.

— Абсолютно, — он произнес это категоричным тоном и сразу же нанес англичанам удар. — Тем не менее, джентльмены, я бы не стал на вашем месте ради свежего медицинского бюллетеня подсылать в клинику бывшую ээсовку Ээву Мартсон, за которой давно уже охотились чекисты, и отнять у всех нас еще одного связника.

— Как? Мартсон у них в руках? — быстро спросил Скотт.

— Да, полковник. И за это вы вправе спросить с джентльменов, обвиняющих меня в неточности.

Вдворилось минутное молчание.

— Наконец, два слова и о личной обиде, — протянул

Йыги. — Целых два месяца я ловил случай, отыскивая единственного человека из лесного отряда Вязрси, уцелевшего после разгрома группы. Оказывается, вы, господа, или ваши посланные отлично знали его координаты и прятали их от меня. Право первооткрывателя? Извольте. Но когда я разговорился с этим крестьянином Илу, он прямо сказал, ваши люди сообщили, что в его услугах более не нуждаются.

— Был слух, что он переметнулся к Советам, — начал припоминать Старший.

— Слух еще не факт, — отрезал Йыги. — Не будет служить крестьянин той власти, которая чуть не отняла у него одного сына и лишила права учительствовать другого... Рудольф Илу ищет дела, и с ним вы провалились, господа.

— Послушайте, Улыбка, — елейно обронил Бекон. — Допустим, все, что вы утверждаете, правда. И наши люди что-то напоролы. Но как же так: вы мчитесь с Килпом к морю, чекисты вашего спутника забирают, а Улыбку с улыбкой отпускают на все четыре стороны. Где ваша логика разведчика?

Йыги нарочно задержал ответ: пусть думают, что загнали его в угол, хотя атака с этой стороны уже «отражалась» в доме на Пагари. Альфонс Ребане завозился в своем углу. Скотт слегка повернул голову в сторону Йыги, Бекон самодовольно улыбнулся. И вдруг раздался оглушительный хохот Йыги. Офицеры недоуменно переглянулись.

— Странно! — Йыги даже слезы утер от смеха. — Этот вопрос задают офицеры службы, двое из которых вынырнули из гитлеровского лагеря смерти, где пятьдесят остальных десантников остались лежать...

Он уже не улыбался.

— Согласитесь, у каждого разведчика есть свой шанс удачи, свои запасные мосты. Но мой запасной мост — не в работе на чекистов. Приступ с Килпом начался за десять километров до того, как машину, в которой он сидел, задержала автоинспекция. Мне пришлось из чувства самосохранения пересадить его во вторую нашу машину, таким образом я просто-напросто объехал милицейскую группу.

— А кто вел вторую машину? — быстро спросил Бекон.

— Лесничий Ааре Казеорг, джентльмены, отец нашего Энделя Казеорга. Милиции была подброшена версия, что Ааре Казеорг нашел Килпа, валяющимся в беспмятстве на дороге. Это подтвердил водитель молочного фургона, которого Казеорг специально дождался до того, как отправиться дальше. Так как же насчет логики разведчика, господа офицеры?

Скотт поднялся, подошел к вскочившему со стула Йыги,

улыбаясь, протянул ему руку.

— Господин Йыги, — весело сказал он, — чутье меня редко подводит, а я почувствовал в вас союзника. Вы работаете вдохновенно, — он оглядел офицеров, — чего хочется пожелать всем нам. Вы получите, господин Йыги, необходимых связников, радиста и, на первых порах, скромный кредит, который будет возрастать по мере нашего общего продвижения. Я испрошу для вас у начальства также канал связи с нашим основным агентом в Эстонии Планетным Гостем. Разрешите напоследок удовлетворить личное любопытство, господин Йыги.

Полковник задумчиво потер подбородок, взглянул Йыги в глаза:

— Вас увезли в Америку совсем в юном возрасте. Что побудило вас вернуться в Эстонию в этой миссии? Жажда расплаты, денег, честолюбие?

Йыги напустил на себя сконфуженность.

— И то и другое, — пробормотал он. — А в общем я вернулся за невестой. Поверите ли, я сгорал от любви, полковник, и недавно получил согласие на брак.

— Мои поздравления вашей жене, господин Йыги.

Теперь заулыбались все присутствующие.

Эта ситуация повторилась через день в аптеке, в гостях у Бена-младшего, который без всяких предисловий усадил Йыги в кресло, подсоединил к нему с помощью проводов «детектор лжи», запустил в движение узкие бумажные ленты и бесцеремонно начал:

— Мы могли бы поладить и попроще, если бы какая-то нечистая сила не затащила вас в компанию довольно высоких чинов британской разведки. Что от вас хотел Скотт и прочие джонни? Поехали...

Прощаясь, он угрюмо сказал:

— Кажется, с вами все в порядке. Просто слишком много проколов в этих советизированных республиках. Эти свиньи и в самом деле оставили вас без связников и радики. Я все доложу, как есть, Улыбка. Жмите теперь на экономическую информацию, на человека из Вастселийна и этого сааремааского скакуна: по мне хоть карманный вор, хоть медвежатник, лишь бы он в советский бульон вливал керосин.

Старший лейтенант Мюри докладывал Пастельняку:

— Ни один из братьев Оясоо, по моему наблюдению, на подлинного лесного брата не смахивает.

— Что же, сначала мы вовлекли их, теперь отстраняем от операции?

— Никак нет, товарищ полковник. Они будут с нами. Но не на первых ролях.

— А кого вы планируете на первую роль?

— Рудольфа Илу. Он многим обязан Советам, смышлен, мыслит правильно. Либо сам, либо вместе с одним из братьев Оясоо он будет нами внедрен в банду.

— Опять переживаем?

— Так почему же я? — повторил Рудольф Илу.

Анвельт кивнул, будто ожидал такой вопрос. Мюри внимательно разглядывал узор скатерти.

— Тут много причин, — наконец отозвался Пауль. — У братьев Оясоо уже есть определенная репутация на Западе. Но ни Арво, ни Айвар по своим характерам, замедленности в принятии решений, если хочешь знать, некоторой узости мышления никогда не будут приняты ни Ильпом, ни его бандой за лидеров лесного братства.

— Я знаю еще многих башковитых людей, — упрямо продолжал Рудольф. — Почему именно я?

— Ты — хуторянин, — вздохнул Пауль. — Психология крестьянина, да еще повывавшего лесное братство, тебе близка. Эти сааремааские молодчики чужака вынюхивают за версту.

— Ты со мной не крути, Пауль, — выдохнул Рудольф. — Хуторянин в Эстонии хватает и еще многих вы вывели из лесу. А ты пришел не к ним — ко мне. С чего бы?

Пауль, наконец, не выдержал:

— А с того, что мы в тебя верим, Рудольф. Что ты еще хочешь спросить? Приказ это? Нет, просьба друзей. У тебя малыши. Есть о чем подумать.

Анвельт дал Рудольфу время переварить сказанное и заключил:

— Ожидается визит Алекса Туула к Оясоо. И у них в доме Туул застанет их давнего приятеля Рудольфа Илу.

...Так и случилось. Но до этого Алекс получил некоторые заверения: «Я верю, Алекс, в ваш природный ум и здравый смысл. Объединение с человеком из Вастселийна и братьями (Оясоо) не лишит ни вас, ни вашего Скакуна (Ильпа) почетного места в нашем движении. Продолжайте вывоз лакомств (грабеж магазинов), устройте фейерверк для детей колхозников (поджог школы). Наша связь — там же, с пролонгацией на сутки. Планетный Гость. Начало июля 1950».

Они сидят в доме у Оясоо друг против друга — Алекс Туул и Рудольф Илу — и не спеша обговаривают все условия совместных действий на Сааремаа. Мать на это время переселили в Тарту, к старшему.

— Айвар и Арво останутся пока здесь, — предлагает Рудольф. — Будут собирать желающих к нам пристать.

Я поеду с тобой или днем позже, как скажешь.

— Я тебя встречу через два дня, — осторожничает Туул и задает тот самый вопрос, который его волнует больше всего: — Если привалит удача к нам, как роли поделим?

Илу безразлично пожимает плечами.

— Не туда гнешь, Туул. Ни славы, ни богатства я не ищу. Мне бы жить, — запнулся на мгновение, — на своем хуторе, да вырезать свистульки или чертяк разных из дерева. Эстония для эстонцев, — вот все, чего хочу.

Он догадался, что тяжелый камень снял с души честолюбца и карьериста Туула. Алекс заметно повеселел, разговорился, рассказал о положении их группы, но Рудольф чувствовал, что природная хитрость и настороженность бандита не притуплены. Рассказав о себе самое малое, Алекс испытующе спросил:

— Ты сам-то, Илу, хоть одного большевика скосил?

Тихий, неразговорчивый Айвар пришел на помощь Рудольфу:

— Мне сказал человек от Вяэрси. Они спалили школу, и Рудольф был с ними. Он страховал их со стороны опушки. Появился уполномоченный. Ну, Илу его и отправил на тот свет. Может, зря...

— Жалостливый? — недобро усмехнулся Туул.

Договорились о встрече, явках, Туул не преминул каверзно спросить:

— Не скребет у тебя на сердце, что на чужом острове за чужое счастье воевать будешь?

— Мне с Советами из одной миски щи не хлебать, — невозмутимо отговорился Рудольф. — А здесь хутора прочищены, бороться трудно и безнадежно. — Глянул в глаза Туулу: — Сам-то веришь, что у нас есть завтра, Алекс?

Туул промолчал, закинул мешок за спину, пошел к двери.

Через две недели чекисты получили записку: «В ночь с 24 на 25 июля будем пересекать деревню Сагаристе волости Пихтла. Ориентир — баптистская молельня. Отец шестерых».

— Это что же получается? — с тревогой спросил Пастельняк, когда к вечеру ему доложили об этом. — Сегодня уже двадцать четвертое. Почему Сааремаа задержал сообщение?

Засада

В рефектории бывшего епископского замка мимо Бориса Лоо прошли три экскурсионные группы — Курессааре принимал столичных архитекторов, художников, историков. Оперуполномоченный Лоо уже сам мог бы рассказать посе-

тителям обо всех этих колоннадах и обо всем прочем, что здесь можно было увидеть и что видно не было. Но нужный ему человек не появлялся. Оставалось предположить, что запущенный в банду хуторянин либо не мог выбраться в Курессааре, либо Ильп его разгадал и расправился с ним.

Испытывая чувство острого беспокойства, Борис Лоо спустился по каменным ступеням во двор. И в крепостном дворе его человека не было.

На Сааремаа Лоо приехал по командировке ЦК комсомола республики. Товарищи оценили его природную наблюдательность, отвагу, Борис не раз выезжал с отрядами народной защиты на операции по предупреждению бандитских вылазок. А вскоре уком партии рекомендовал Лоо на работу в органы государственной безопасности. Он стал оперативным уполномоченным на Сааремаа. Молодой офицер участвовал в некоторых операциях по обезвреживанию банды Ильпа, но все попытки чекистов и бойцов народной защиты пока наталкивались на обостренную интуицию главаря, умевшего обходить расставленные ему ловушки. Были у чекистов отдельные удачи, но банда перегруппировывала силы и уходила от преследований.

У ворот младшего лейтенанта дождался невысокий черноволосый юноша с живыми чертами крупного энергичного лица. Оперативник и переводчик уездного отдела, Федор Тедре был восьмым ребенком в семье. Когда на остров вторглись немцы, в числе других советских активистов был расстрелян и его отец Юхан Тедре, скромный почтальон, которого знали все в Курессааре. Разнося почту, он пересказывал каждому, кого встречал, содержание газет и таким образом знакомил с декретами и распоряжениями молодой советской власти в Эстонии. Гестапо расправилось с ним за пропагандистскую работу на большевиков. Федор, в то время ученик инструментальщика, участвовал в сборе нужной информации для командования фронта. В сорок четвертом он попросил использовать его для борьбы с лесными братьями, совершил с добровольцами ряд смелых налетов на лесных бандитов в районе Выру и здесь, на Сааремаа.

— Что, явился ваш парень, товарищ младший лейтенант? — спросил Тедре у Лоо.

— Нет, — и, подумав, добавил: — Как бы не пришлось нам но нем тризну справлять.

— Дурные мысли прогонит утреннее солнце, — философски отозвался Тедре. — Значит, пока будем ждать приветов от Илу?

— Выходит, так.

Они пошли молча в уездный отдел. Начальник отдела капитан Василий Димитриевич Закрывалов, плотный черно-

волосый сибиряк с лицом, осыпанным оспинками, и его заместитель старший лейтенант Иван Ильич Гураев, которые начинали свою чекистскую службу в Эстонии в Выру, при виде вошедших подняли головы. Удрученный вид Лоо не требовал пояснений.

— Все дело в том, — сказал Закрывалов, — что многие крестьяне Сааремаа судят о силе нашей власти по тому, как мы обуздываем Ильпа. А он звереет не по дням, а по часам, кровь льется на острове. — Помрачнел. — В секретариате ЦК спрашивали, не помочь ли нам свежими силами. Скажу откровенно, это не знак большого доверия.

Гураев осторожно сказал:

— Мы немного увлеклись внедрением в банду людей. Часть их была мало подготовлена для схватки с позиций психологии и тактики. Возможно, Рудольф Илу окажется в этом отношении более подходящим человеком.

— От Илу тоже ни ответа ни привета, — отозвался Лоо, — хотя, судя по обговоренным срокам, он прибыл и уже бродит в группе Туула.

— А с самим Ильпом он виделся? — настойчиво спросил Закрывалов.

Последовало молчание.

Закрывалов повздыхал и спросил у Лоо:

— А как до этого, внедренные нами люди быстро о себе подавали знать? Опыт что говорит, опыт?

Борис Лоо стал вспоминать. Юло Нийнепуу из волости Лейзи вышел из лесу, легализовался, предложил свои услуги сам. Чем-то оттолкнул его Ильп. Но главарь с ним свел счеты раньше, чем Нийнепуу назвал его явки. Харри Сийлак из волости Пейде успел больше — он провалил одного из надежнейших людей Ильпа. Были и другие парни, разобрались в обстановке и решили жить одной жизнью с народом. Одних Ильп «достал», о других не подозревает. Поредели ряды бандитов. Если бы не Туул и его предприимчивость, остался бы Ильп вдвоем со своей сожигательницей. Подавали о себе вести добровольные помощники чекистов по-разному: одним требовались дни, другим — недели. Но что важнее — о явке бандитов на тот или иной хутор все сообщали буквально за несколько часов, а то и за полчаса до этого.

Между тем Ильп после долгих уговоров Туула согласился встретиться с Рудольфом Илу, но оговорил условия: во-первых, ничего определенного заранее обещать пришельцу с континента не желает; во-вторых, потребовал, чтобы Рудольф Илу с момента их первой же встречи признал Ильпа безусловным главарем будущей объединенной группы лесных братьев, а в-третьих, представил доказательства

своего участия в последних операциях Вязрси. Когда Туул сообщил обо всем этом своему спутнику, он ожидал взрыва негодования, но услышал другое:

— Я уже тебе сказал, Алекс, за почестями не гоняюсь. Все же нашими будущими ударами один Ильп распоряжаться не будет. Есть ты, есть я, есть люди вроде Казеорга, есть, наконец, наши друзья, — многозначительно напомнил он, — которые помогали нам из-за моря советами, присылали передатчики, направляли к нам связных. Если у Ильпа короткая память, напомни ему об этом сам. Остальное мы уладим.

И вот теперь они встретились. Ильп не торопится. Он долго всматривается в лицо нового для себя человека, размышляет. Не просто принять решение — «впустить» к себе незнакомца. Да и дела у него, неуловимого Ильпа, из рук вон плохи. Что из того, что чекисты числят за ним сорок нападений на хуторян, что он безжалостно расправлялся в деревнях, на дорогах, лесных делянках. Он потерял за эти годы лучших своих людей. Доверившегося ему главаря крошечной банды, великолепного водителя Харди Ааслайда, 24 июня, как раз в Иванов день, заманили в ловушку. Харди ринулся на грабеж продуктового магазина и был, как дурак, схвачен вдруг выскочившими из-за прилавка парнями из батальона народной защиты. Юрго Метс сгорел в бункере — вот судьба! Его младшего брата Аренда Ильп всегда опасался и недолюбливал. То ли случайно, то ли «по наводке», Аренд, уже захваченный на хуторе у своей родни чекистами, был предательски застрелен из засады Алексом Туулом.

Эрбо Кяй, прятавшийся за женской юбкой от службы в армии и нашедший со своей любовницей приют у него, у Ильпа, был тоже убит во время грабежа хутора Тильга в окрестностях Каарма. Но кем? Самим Ильпом. На этот раз автомат в руке главаря не подвел — подвело мимолетное сходство вдруг метнувшегося Кяйа с кем-то знакомым по допросам в милиции. Когда не стало Кяйа, Лаура Куузе заявила, что ей нечего больше делать в лесу, она жила ради любви, ушел Кяй — ушла любовь. Ильп уговаривал, грозил, но однажды женщина исчезла. Старого Туула «увели» у Ильпа из-под самого носа. И увел его родной племянник, вызванный чекистами с далекой дальневосточной службы. Он объяснил дяде, что все его иллюзии о переезде в Швецию бред, а ему дается, может быть, последний шанс выбраться из опасной игры. Знал старик, что кое за что придется ответить, но знал и то, что Ильп не очень долго терпит в отряде старожиллов и людей пообразованнее и подальновиднее себя. Гибель Аренда Метса ему на многое открыла

глаза. И он ушел.

Да, приходят новые люди. Явился в банду и Феликс Вахемяэ, который заменил ему для «хождения» сбежавшего партнера. Простой паренек, из крестьянской семьи, тихий ремесленник, как говаривал Ильп, выше навозной кучи нос не задерет. Такие его устраивали, но это не лесные братья первых послевоенных лет.

Все это пронеслось подобно вихревому потоку, пока он приглядывался к этому Рудольфу Илу, его рослой крепкой фигуре, хорошей осанке и красивой аккуратно подстриженной русой бороде. Представил своих спутников — Феликса и Реэт. Протянул руку, сразу почувствовал себя в тисках великана, хмыкнул:

— Гляди ты, какие у вас на материке водятся... Что у нас на островах ищете, лесные братья? Может, угри у наших берегов жирнее?

— В Эстонии за жиром еще по свету не гоняются, — с достоинством ответил Рудольф.

Главарь банды вскинул голову, повернулся, тяжело ступая, зашагал назад в рощу, через пять шагов остановился, махнул всем рукой: мол, чего стоите, следуйте за мной.

Разговор Ильп продолжил сам, и довольно остро:

— Так вот, Рудольф Илу, надо бы вам сначала объяснить этому островному простаку Ильпу, каким образом чекисты не ухлопали вас вместе с Вяэрси. Чего не сделали они — успею, имейте в виду, я.

«Раз на «вы» — так на «вы», — решил для себя Рудольф Илу. — А сначала спесь я с тебя, недоумок, собью». Приглядел бородку, начал:

— Власти обидели моих лучших друзей, Ильп. Я говорю об Оясоо. Потом спохватились, не всех же стричь под одно... А с Вяэрси мы братались кровью. Еще подростками. Много Рихард для меня сделал, да и я не оставался в долгу. Продукты в его отряд завозились через меня...

— Слушок появился, — испытующе процедил Ильп, — клял тебя Рихард за что-то.

— И среди братьев бывают размолвки, — невозмутимо ответил Рудольф. — Приезжали к нам разные люди, и все по-разному говорили. Господин из Эстонского комитета велел колхозные посеы жечь, господин из Загранцентра — нападения на сельских активистов участить. А я посоветовал Рихарду на время притаиться, чуял, что нас загоняют. И сам бы попал с ними в силоч, да случилось так, что господин Казеорг — слыхивал про такого? — чтоб сбить парней из НКВД со следу, подсунул мне пригласительный билет на уездное совещание по полеводству. Хорошо, Туул предупредил о вашей осторожности — пригласительный билет

при мне. Нужен? Как раз, пока я на совещание ездил, Вяэрс и обложили.

Полез в нагрудный карман куртки, извлек картонку, подождал, пока Ильп осветит себе фонариком, прочтет в сумерках, сверит в уме даты.

— Там мое выступление внизу обозначено, — добавил Рудольф и вдруг, после этой спокойной тирады, жарко выдал главарю: — Но ежели ты еще раз, вожачок, мне пулей пригрозил, я первый стрельну. Это заруби на своем горбатом носу!

Ильп вскочил, хотел взяться за оружие. Туул отвел его руку:

— Прав он, Ильп. Не горячись, прав он.

— Прав? — тяжело дыша прохрипел Ильп. — Пришел проситься ко мне и с этого начал совместное дело?

— Не он начал, Ильп, а ты.

— Я проверяю. Имею на то право.

— Он не меньше тебя по лесу шастал, — Туул не уступал. — И проверять надо умом, а не угрозой. Илу хорошо ответил, и пригласительный билет его не подделка. Есть отчеты в газетах.

Ильп долго молчал, прислонился к дереву.

— Обидчивые вы, на материке, — наконец с иронией продолжил он беседу. — Независимые... А как же с этой независимостью и обидчивостью приказы мои намерены выполнять? Или в моей группе два командира будет?

— Командир будет один, — сухо ответил Рудольф. — Будете этим командиром вы. И приказы командира готовы выполнять. Но не все, как на ладошке. Время нелегкое, многие из нас растеряли своих парней. Бороться, как боролись сразу после войны, — глупо. Окрепла власть, новые пути искать надо. Может, вам самому будет легче, если все главные вопросы нашего братства обсудим вместе — вы, Туул, я... Вызовем к нам Казеорга, человек знающий, у него сильные связи с Западом. Будет вроде коллегии: как у Тыниссона-Багрового, Рандметса. А все приказы — за вами.

И снова Ильп раздумывал, подносил фонарик к пригласительному билету, который все держал в руке, к лицу Туула, Рудольфа.

— Все хорошо, милый, — шепнула Реэт.

— Закрой фортку, — лениво процедил он и повернулся к Феликсу. — Как тебе этот красавчик, по душе?

— А по душе, — резанул Феликс. — Все по правде говорит.

— Ой ли?

— А тогда чего мне от вас нужно? — вмешался Рудольф.

— А шкурку мою повыгоднее продать, — сощурился Ильп.

— Хозяйство у меня справное, хватает.

— А явку с повинной себе облегчить, — продолжал его

прощупывать главарь.

— Да какая же явка, ежели я уже давно легализован, — засмеялся Рудольф. — В том-то и штука, папаша Ильп, что руководим мы своими парнями из вполне легального хутора. Была бы охота, стали бы землю вспахивать, а с остальным — под завязку, и никуда ходить не надо.

Ильп оторопел, перевел взгляд на Туула, тот кивнул.

— Другое дело, — немного веселее заметил Ильп. — Мог бы с этого и начать.

«Мы уже перешли на «ты», — отметил для себя Рудольф.

Вскоре после этой встречи Алекс отправил шифрованное сообщение: «Мой покровитель Планетный Гость, Ваши разъяснения внушили надежду, и я первым из людей сааремааского движения протянул руку для содружества человеку из Вастселийна (Рудольфу Илу) и братьям (Оясоо). Во время визита к ним и мучительно сложного объяснения сначала с ними, потом со Скакуном (Ильпом) я сполна оценил природную сообразительность, выдержку человека из Вастселийна. Признаюсь, наша политическая программа пока расплывчата, а финансы и трещотки (оружие) весьма скудны. Жду встречи, канал связи по тем же дням. Референт».

— Выступаем ближе к ночи на 25 июля, — предупредил своих ближайших помощников Закрывалов. — Ориентир — баптистская молельня. Вопросы, дополнения?

— Таллинн извещен? — спросил кто-то.

— Это ничего не меняет, — насупился Закрывалов. — Вот закончим подготовку и доложим. К операции привлекаются...

Назвал несколько имен оперативных работников и закончил:

— С целью строжайшей конспирации засада организуется без привлечения партийно-комсомольского актива и батальона народной защиты.

Офицеры недоуменно переглянулись.

Из Курессааре вышли поздним вечером. Решили автобуса или грузовика не заказывать — у бандитов могли быть свои соглядатаи. Двигались малыми группами, по два-три человека. Лоо шел с оперативниками Тедре и Агу. Впереди, в километре, вышагивала по шоссе Курессааре—Пихтла группа подполковника Евстигнеева, еще две группы солдат, примерно с таким же интервалом, «открывали» и замыкали эту цепочку.

Тедре с увлечением рассказывал об утиных токах — эти места он знал как пять пальцев. Лоо больше молчал, не все нравилось ему в операции, на которую шли. Не выходило из головы, что Закрывалов не вызвал из Таллинна тех, кто

готовил Илу к внедрению в банду, и лишь через несколько часов после получения сигнала доложил о нем в министерство. Не разделял он и мнение начальства о том, что привлечение хотя бы одного отделения народной защиты из Пихтла может сорвать всю операцию. Но приказ есть приказ. Его не обсуждают, его выполняют.

В Сагаристе вошли, когда деревня засыпала. Свет горел лишь в нескольких окнах. Крошечную молельню окружал густой можжевельник. Именно в нем полковник и расположил своих людей: по одну сторону — младшего лейтенанта Лоо, оперуполномоченных Агу и Калдре, двух солдат, с остальными занял позицию напротив.

Потекли томительные часы и минуты. Первым заговорил можжевельник — зашуршали кусты, как раз посередине между двумя группами. Лоо услышал сухой щелчок автомата Агу — неисправным все-таки оказалось оружие... Наступила секундная пауза, кто-то начал с силой разрывать кусты. Подполковник крикнул: «Вы окружены! Руки!» Стрелять было опасно, в своих попадешь, — но все же кто-то пулянул наугад. Раздался женский крик. Несколько теней стремительно пронеслись к молельне и исчезли за ней прежде, чем группа успела выскочить из засады. Следов крови в темноте было не обнаружить. Подполковник, Лоо и Тедре метнулись в непроглядную мглу, где-то издали воздух прорезала автоматная очередь, и все стихло.

— Ушли! — с тоской крикнул Евстигнеев. — Проморгали банду! Я что говорил — оцепление нужно, оцепление!

— Чего сейчас других критиковать! — хмуро сказал Лоо. — Ошибка на ошибку нашла. Нас без оцепления пустили, а мы мишень друг из друга устроили.

Возвращались молчаливые, обозленные, кляня про себя всех и все подряд. В нескольких километрах за Пихтла их подобрал автобус, посланный Закрываловым. Солдаты сошли у окраины Курессааре, остальные доехали до уездного отдела, ввалились в комнаты. Евстигнеев только и произнес: «Докладываю, упустили!» Закрывалов, бледный, не выпуская из рук телефонной трубки, задал несколько беглых вопросов.

— Бандиты прошли между нами в кустах можжевельника, — у Евстигнеева дернулась щека. — Мы замешкались, чтоб не пулянуть друг в друга. Эта секунда и провалила операцию.

— Хорош стратег! — сыпал Закрывалов. — Чему вас учат в академиях? Да любой солдат... Эх!

Созвонился с Таллинном, сообщил обо всем дежурному по МГБ, тот немедленно переключил его на квартиру полковника Пастельняка.

— Павел Пантелеймонович, — осторожно сказал Закрывалов, — простите, что ночью беспокою. Упустили его...

— А вы бы лучше вчера пораньше меня побеспокоили, — пробасил заместитель министра. — Вчера, а не сегодня! Ну, что теперь нам на воду дуть... Грибов и Мюри утром вылетают, вечер нелетный выдался, не то они уже у вас сидели бы и, наверно, промашки ваши и ошибки предупредили. Об остальном при встрече.

В министерство Пастельняк пришел с рассветом, перехватил перед самолетом Грибова и Мюри, всмотрелся в их лица.

— Не завидую нашим сааремааским коллегам, — заметил он. — Быть буре. Впрочем, напоролы они изрядно... А траур при чем, Мюри?

— У Рудольфа Илу шесть детей, — у Пауля дрогнул голос. — Загребалов поставил его под удар. К тому же, без всякой страховки.

Заместитель министра ободряюще сказал:

— Именно Мюри уверял нас, что Рудольф Илу переиграет бандита Ильпа. От себя добавлю, что крестьянская сметка, как правило, выше воровской хитрости. А пограничников попросим «пощекотать» банде хотя бы пятки. Возможно, это притушит ильповскую жажду мщения.

... Совещание в уездном отделе поначалу проходило непривычно монотонно. Были приглашены первые секретари укомов партии и комсомола, председатель уездного исполкома, начальники уездного отделения милиции и погранчасти, командир батальона народной защиты. После краткого сообщения Закрывалова о провале очередной операции против банды Ильпа, приглашенные один за другим высказывали удивление, что операция проводилась без их участия. Были рассмотрены меры по ликвидации банды. Грибов предложил усилить связь с родственниками участников банды, жестче «отслаивать» от банды хутора, где она могла бы получать кров и пополнять запасы одежды и продуктов.

Когда в комнате остались одни чекисты, поговорили о проведенной операции начистоту, страсти разгорелись с новой силой.

— Да вы же опытный контрразведчик, Василий Дмитриевич, — с укORIZНОЙ заметил начальнику отдела Грибов. — Вы отлично знали, сколько усилий все мы затратили, чтобы подобрать и подготовить хуторянина для внедрения в банду. И вот человек Центра вам просигналил, а вы извещаете Таллинн через три с лишним часа.

— А что бы изменилось, Алексей Иванович?

— Что изменилось бы? В пять вечера аэродром Курессааре еще мог нас принять, в десять это было невозможно.

— Мы ждали указаний по телефону, — пробормотал Евстигнеев.

— По телефону много не скажешь, — возразил Грибов. — Да и кто мог предположить, что вы откажетесь от традиционного в таких случаях оцепления местности или хотя бы нескольких засад. Опасались огласки? Да разве нельзя было произвести скрытого оцепления? И не такое придумывали, когда требовалось.

— Я другого не понимаю, — добавил Мюри, — только прошу не обижаться, мы все не безгрешны. Как могла горстка чекистов отказаться в такой трудный момент от батальона народной защиты? Да ее бойцы доложили бы вам о приходе банды за четверть часа до этого. А почему обошли погранотряд с его техникой, рациями, служебными собаками? Все хотим сами. Вот и получается, бдительны парни, да волки в овчарне.

— О тактике самой операции — вопрос более сложный, — Грибов тяжело вздохнул. — Грубо говоря, сосредоточили всю оперативную группу на одном локальном участке, как остроумно заметил товарищ Лоо, в виде двух мишеней друг против друга.

Встал, посмотрел на часы:

— А самое главное, друзья-товарищи... Мы подарили вам внедренного в банду человека, и молитесь богу, если верите в такового, чтобы этот человек после провала операции уцелел.

Мюри обратился к Закрывалову:

— Через полтора часа мы вылетаем, Василий Дмитриевич. Я хотел бы побывать на озере Каали. Найдется свободная машина?

И вот они стоят на берегу маленького озерца, а точнее — на краю огромной, будто врытой в землю чаши. На дне глубокого кратера блестит рябь темной воды, а по его стенам вздыбленные, взъерошенные породы залегли между стройными соснами бесформенными глыбами, страшными массивными оборотнями, застыли в момент своих фантастических перемещений, от удара мощной массы небесного камня...

— В двадцать седьмом году, — поясняет таллинским гостям старожил острова Тедре, — горный инженер Рейнвальд заявил: сюда упал гигант-метеорит. Через десять лет он нашел здесь или в соседнем кратере метеоритные осколки.

— С чего это ты ударился в планетологию? — подозрительно спрашивает у Мюри Грибов.

— Версию одну проверяю, Алексей Иванович.

Мюри оглядывается, что-то высматривает, наклоняется

к вывороченным известняковым глыбам, поднимает с земли осколок...

— Есть тут поблизости почта, гостиница? — спрашивает он.

— Рядом только школа и магазин, — отвечает Лоо. — Кстати, как раз его-то и ограбила когда-то банда.

— А можно узнать, кто был в последние месяцы зачислен на работу в школу или магазин?

Лоо раздумывает:

— Учителя и завхоз в школе уже давно. Завмаг и продавщица здесь тоже старожилы. Иногда нанимают для погрузки людей, но они не в штате, им выплачивается за дежурства...

— Я бы хотел знать их поименно, — Мюри задумывается. — А что здесь еще есть по соседству? Музей какой-нибудь или что-либо подобное?..

— Музея нет, а у дороги есть павильон с небольшой экспозицией: фотографии, описание кратера...

— Пройдемте в павильон, — предлагает Мюри.

Он заходит в легкую летнего типа постройку, направляется к маленькому столику, на котором лежит большая книга отзывов. Пауль нежно берет ее в руки и широко улыбается.

Мужчины, которых оторвали от небесных дел

Эльмар Ильп стал неузнаваем, приступы бешенства, которые и раньше охватывали его, сейчас, после засады в Сагаристе, казалось, не покидали его вовсе. Резт Томп получила ранение в плечо — это она вскрикнула в можжевельнике и спаслась лишь благодаря тому, что Ильп мощным рывком буквально выдернул ее из кустов и стремительно поволок за здание молельни. Потом они скатились в какой-то ров, где их догнал Феликс, прикрывший отход главаря.

К бешенству примешивались страх, притаившееся в глубине сознания чувство обреченности. Понимая, что с таким настроением людей за собой не поведешь, Ильп на засаду чекистов ответил несколькими кровавыми расправами. Ворвавшись на хутор Сельямяз в окрестностях Вальяла, бандиты захватили и прикончили сельских активистов, работавших на заготовке дров. Среди них был и председатель сельсовета Вальяла.

Никому не доверявший, видевший во всех предателях, Ильп решил привлечь в банду откровенных уголовников,

надеясь, что они-то наверняка не пойдут на контакты с чекистами. Так под его началом появились Калев Кепп и Август Сякк. Для них несложным делом было в считанные секунды обчистить магазин или раздеть в мороз человека донага и закопать его в сугроб. Они не знали, что значит угрызения совести. Именно такие люди нужны были сейчас Ильпу.

Он не забыл о страшных минутах в можжевельниковых зарослях и при первом удобном случае вызвал к себе на беседу Алекса Туула и Рудольфа Илу. Надеялся, что услышит об исчезновении Илу и тогда все сразу станет ясно. Но на встречу, назначенную у земляного вала древнего городища Каарма, явились оба. Главарь упорно смотрел себе под ноги, будто в них и была разгадка тревожной ночи 25 июля. Позади него Феликс Вахемяэ будто случайно поигрывал пистолетами.

— Что у тебя за счеты с Реез? — насмешливо спросил Ильп Рудольфа, пытаюсь себя сдержать. — За что она получила от тебя пулю в плечо?

— Я все понимаю, командир. — Илу отвечал медленно, с сочувствием. — Единственной у нас женщине досталась пуля, приготовленная для мужиков. Но командир даже в горести не должен выходить из берегов. Мы так условились.

— Ты неглупый человек, Рудольф, — желчно возразил Ильп, и желваки заходили на его заросшем щетиной лице. — Давай с тобой без крутежа разберемся. Когда мы говорили о переходе отряда, нас было трое: я, Туул и ты. Больше никто о маршруте не знал. Так? Святым духом такие сведения к чекистам не залетают. А это значит...

Он впервые поднял голову, но Рудольф смотрел не на него — он смотрел на Туула, покусывавшего в эту минуту травинку.

— Ты что хочешь сказать? — грозно спросил Ильп, поднимаясь с земли.

— Я если что хочу — говорю, — невозмутимо отозвался Рудольф. — Вот тебе помнится, Ильп, что нас было тогда трое. Нет, Ильп, нас было четверо.

И он снова обратился взглядом к фигуре Алекса, прислонившегося спиною к стволу дерева.

— Загадками стал разговаривать, Илу, — Ильпа что-то заинтересовало. — Когда вступал ко мне — напрямик резал.

— Да я и сейчас готов напрямик, — не сдавался Рудольф, — но люди говорят, тебя переубедить невозможно, если уж что вбил в голову. — Взорвался: — А я не желаю, чтобы ты пакостно думал про меня.

— Не желаешь — открой карты, — повелительно бросил главарь. — Где ты нашел четвертого?

— Да там же, где мы сидели и сговаривались о переходе. На Бабьем болоте. Сидели втроем, это точно. А кого Туул за валуном страховать нас посадил? Призови-ка его, он тебе все разъяснит, и насчет Реэт, и насчет можжевельника.

— Кого ты посадил к нам, Алекс? — ахнул Ильп.

Туул тоскливо отшвырнул изжеванную травинку.

— Кого-кого... Оскара Койта, больше никого не было. Другие — в разгоне находились, а место открытое, сам видел.

— Слова могли долететь до него?

Туул уткнулся лицом в траву.

— Мы уже проверяли с Рудольфом... Если ветер за валун тянул — могли.

Ильп даже почернел лицом.

— Вот и призови Койта, — посоветовал Туул.

Кроме Ильпа, только один Рудольф Илу знал, что умельца по плетению корзин Оскара Койта, метавшегося между спокойной работой на хуторе и бандитской судьбой, уже нет в живых. Рудольф узнал об этом случайно, посетив хуторского соседа покойного и услышав от него, как ворвался к нему посреди ночи Ильп с Феликсом и Реэт и все пытался выяснить, не рассказал ли Койт соседу о бункере и местах, где скрываются члены банды. Говорил — не говорил, да проговорился. По словам Оскара Койта, на обочине дороги, ведущей к бункеру банды, раньше других мест появлялись из-под снега ранние цветы. Незначительная и не сразу объяснимая примета сыграла существенную роль в чекистском розыске.

Но про то, что выболтал Оскар соседу, а сосед счел нужным передать Рудольфу, до главаря банды не дошло. Тем не менее Ильп, нагрянувший ночью, куражился. Чтобы пуще напугать хозяина, а может спьяну — почти бочонок пива они в ту ночь втроем опорожнили — проговорился, что Койт у него уже на дне колодца с ангелами общается. «Сам же и предложил, — хохотал Ильп, и ему вторили Феликс и Реэт. — «Меня уговаривают тебя продать, Ильп, — признался этот корзинщик, — а ты отпиши им в волость, что прикончил меня, они и перестанут меня искать...» Ну, я и отписал его в колодец!» И, узнав это, Рудольф испытал и боль, потому что Койта вызвал на контакты как раз он, потому что поверил в него и собирался выяснить через него дорогу к бункеру. А раз уж Койта не было, то лучшего алиби ему, Рудольфу, было не найти.

И по тому, как зловеще замолчал вдруг Ильп и дробным смешком отозвался на предложение Туула сидевший за спиной главаря Феликс, о чем-то догадался Алекс Туул, поднял голову, уставился на главаря:

— Чего сотворил с ним, Эльмар?

— Воду он уже пьет в колодце, — наконец разъяснил Ильп. — У нас говорят, в двух заливах разом не искупаешься, а он хотел разом... Ну, кончили с этим, парни. Есть поважнее дела. Хольгер Йызрси к нам просится. Слыхали про такого?

— Слыхали, — лениво откликнулся Туул. — Вступив в «Омакайтсе», ходил в облавы на красных комиссаров, потом детей плодил, пока кто-то не накапал на него. Да ведь и Койт держался с людьми из «Омакайтсе».

Ильп окликнул Рудольфа:

— Ну, а ты что замолк? Снова обиделся?

Рудольф мучительно вспоминал, от кого он впервые услышал имя молодого парня Хольгера Йызрси. Было при нем оно названо, было. Но кем? Когда? Чтобы не возбудить подозрений, Рудольф неопределенно развел руками: «Состав наш рдеет... Но к этому человеку присмотреться надо. Поручи Кеппу или своей Резт — чего ей без дела маяться?»

И уже после того как они разошлись, вспомнил, что когда перебирался сюда на пароме через пролив Суур-Вяйн, рядом с ним на скамейке оказался незнакомый молодой человек в футболке — ну, не иначе нападающий сборной Сааремаа! Сначала порассуждал об играх сезона, потом сказал, что он «от Веселого» (а для Рудольфа это был позывной уездного отдела), шепотом назвал несколько хуторов-прикрытий для Илу и, кажется, именно среди них промелькнуло имя старого чудака Йызрси и его сына.

Хольгер Йызрси и его жена Тезле были находкой старшего лейтенанта Гураева. Он набрел на эту семью, можно считать, случайно, прослеживая прошлое одного грязного деятеля «Омакайтсе». В его досье он обнаружил записку-поручение какому-то Хольгеру передать оружие на один определенный хутор. Разыскал в ближних деревнях трех Хольгеров, долго беседовал с ними, пока не добился от одного признания, что записка была адресована ему. Хольгер уверял, что участвовал всего в одной облаве на советских работников и что давно уже хотел смыть с себя это пятно. «У меня двое хороших мальчишек. Незачем ребятам знать, что их отец был в «Омакайтсе». Помогите себя показать».

Гураев дал ему такую возможность. Был разыгран фарс с преследованием Хольгера. Тезле безутешно жаловалась на соседних хуторах: «А я им говорю: «Не было его здесь!» Говорю: «Не было!» Тезле оказалась отличнейшей артисткой. Отвозила бидоны на маслозавод, и где-нибудь на подходе к поселку ее перехватывал выбегавший из лесу Хольгер и передавал для Гураева очередные вести. Самой приятной был прием Хольгера в банду Ильпа. Он действовал в группе жуликов Кеппа и Сякка или, как их именовал в своих донесениях неизвестным начальникам Алекс Туул,

в «дуэте борцов за чистый облик эстонца». Даже бандиты, услышав о себе однажды подобные эпитеты, в замешательстве тупо ухмыльнулись.

Благодаря Хольгеру удалось предотвратить грабеж группой Кеппа-Сякка магазина в Кыльяла. Можно было и засаду устроить, но держали Хольгера для большего.

На остров прилетел сам Пастельняк, выслушал Гураева и Лоо, в основном согласился с их планом. В летнюю ночь, о которой предупредил Хольгер, в Кыльяла прибыли солдаты и участники самодеятельных коллективов. Молодые люди пели, плясали, водили хороводы. А где-то поблизости засела часть ильповской банды, тщетно ожидая, пока придет ночная тишина. Да так и не дождалась, убрались ни с чем.

А все же ударили чекисты и их добровольные помощники по банде, но ударили с неожиданной стороны, отсекали от нее разом довольно сильную группу прикрытия. Рудольф знал о готовящемся ударе и желал остаться в стороне от него, по крайней мере в глазах главаря Ильпа. Он уговорил Туула, с которым вместе скрывался и бродил, забраться ночью в поселковую библиотеку — перелистать подшивки газет, чтобы подготовить материалы для западных радиостанций. И пока они оба при свете карманных фонариков ползали по газетам, разложенным на полу, оперативная группа терпеливо дожидалась на чердаке домика Йыэрсси прихода на чаепитие Хольгера с группой бандитов.

Рудольфу Илу удалось внести свой пай в успех оперативной группы. Он улучил момент, пока Туул выбирался через окно из дома, и отшил на видном месте записку для директора местной школы: «На экзамене рассказ читал без запинки (избежал провала). Мой пасынок (Койт) перепил колодезной воды (утоплен), но собрал для нас ранние цветы на пути к лешему (приметы дороги к бункеру). Отец шестерых».

Группа Лоо ждала долго, терпеливо, предусмотрела разные мелочи, помня просчеты в зарослях можжевельника. Большой рыжеволосый человек, напоминавший медведя, но двигавшийся удивительно легко, быстро, командир отделения народной защиты Вамбола Кивистик расставил своих парней на дальних подходах к дому. Пограничники выделили радиста с рацией, прислали инструктора с овчаркой. Штурмовая группа ворвалась в комнаты в тот момент, когда Кепп, развалившись за столом, смаковал пряную самогонку, отставив автомат в сторону. Чтобы не вызвать у него подозрений к Хольгеру Йыэрсси, защелкнули наручники и на руках молодого хозяина хутора, а у машины инсценировали нападение на солдат двух неизвестных, «отбивших» Хольгера. Через некоторое время молодой

Иыэрсн привел чекистов к укрытию Сякка и его родственников — пособников банды.

Теперь Туул и Илу, вернувшиеся с «ночных чтений», потребовали у Ильпа объяснений. Главарь чувствовал себя в западне. Его речь становилась бессвязной. Он признал, что разъединение банды себя не оправдало, согласился укрупнить группы, но наотрез отказался входить в их состав. Накинувшись на подброшенную Рудольфом приманку, одобрил сводки, составленные им и Туулом для западных радиостанций, и в душе, кажется, даже обрадовался, что Рудольф выезжает на материк для форсирования переброски сюда своей группы и доклада об их действиях Казеоргу. Независимость и трезвый ум Илу начинали его раздражать.

— Отдохнешь от нас, а мы — от тебя, — брякнул Ильп и, перехватив недовольный взгляд Туула, попытался смягчить пилюлю. — Верно, соскучился по своим местам? Говорят, ты мастер по деревяшкам... То-то я замечаю, что ты можешь подолгу на сосенку тощую пялиться или ржавый можжевельник.

— Без природы нет человека, — спокойно отозвался Рудольф. — Красота — она поднимает.

— А к чему тебе красота? — издевательски спросил Ильп. — Чтобы голову разmozжить колхозному председателю, много ли красоты нужно?

Феликс от удовольствия завизжал по-пороссячи. Рудольф улыбнулся:

— Не век же нам сечь головы, Ильп. Самые длинные войны и те кончаются.

Перед отъездом привалила еще одна неожиданная удача.

Алекс, скрытный, избегавший любых упоминаний о своих связях с внешним миром, вдруг предложил спутнику свои услуги для быстрой передачи радиодепеш о сааремаа-ских лесных братьях.

— Да у тебя же нет рации! — отвел его совет Рудольф.

— Зато у меня есть чудесные книги отзывов, — усмехнулся Туул. — Храню их на озере Каали.

Рудольф сделал вид, что не понял, махнул рукой: мол, делай, как знаешь. Туул следил за его сборами, за тем, как он намыливает щеки, сбривает щетину, набивает вещевой мешок лекарственными травами. И неожиданно грустно сказал:

— Если не встретимся — взорви этот шарик. Жить на нем нeвозмогу, Илу. Совсем нeвозмогу.

А Рудольф мысленно уже складывал сообщение для своих, надеясь передать его со связным на пароме: «Как попаду на озерный берег, товарищ директор школы, так впишу вам благодарность за учение (указание на существо-

вание книг отзывов Туула в районе озера Каали). Отец шестерых».

После отъезда Рудольфа Алекс долго обдумывал, надо ли обо всех своих наблюдениях сообщать человеку, которого высоко ставил, но и побаивался. Потом решил, что надо. «Свидетельствую свое уважение Планетному Guestю, — фразы ему удавались с трудом, к тому же мудрил, старался прослыть образованным. — Семейные скандалы (провалы банды) вынуждают нас избегать родню (хутора). Скакун (Ильп) не в форме и не способен в настоящее время к серьезным забегам (грабежам, диверсиям). Настаиваю на личной встрече. Хотя рыбешка (состав банды) мелеет, но в местные воды запущен лещ с Чудского озера (Рудольф Илу), его напористость, быстрота реакции, умение привыкать к новой обстановке ставят его выше многих других вожakov рыбьих стай. Референт. Август 1950».

— Признавайся, — спросил Эльмар у Пауля, — когда ты в первый раз связал это тихое озерцо Каали с Планетным Guestем? Лично я — в Тарту, когда мы знакомились с коллекцией метеоритов.

— И я тоже, — вспомнил Мюри. — Когда Каарел Уйбомяэ показал нам бесформенный одиннадцатикилограммовый осколок. «Редкий гость», — отпустил реплику Воксеп. Тут меня и обожгло: гость! А в последнем донесении Рудольф Илу подтвердил: Каали!

— Так что будем делать? — Эльмар задумчиво крутил в руке расписание поездов. — Начальство дало мне недельку на отдых. Потом снова заберемся с Казеоргом в берлогу, но уже ненадолго.

— Подари мне день, — попросил Пауль. — Пастельняк долго кряхтел и пытал меня своими колючими: «А что?», «А если?», но в конце концов разрешил мне провести маленький эксперимент с тартускими учеными.

— Что это за эксперимент ты собираешься проделать в Тарту? — заинтересовался Эльмар.

— Девять шансов из десяти, что свежие записи в книгах на Сааремаа считывали его связники из Тарту. Озеро Каали чаще посещают ученые из Тарту, чем из Таллинна. Кроме того, вернулся из заграничных Ильмар Йыги: ему дали канал для связи с Планетным Guestем в том же Тарту.

— Погоди, Пауль, — возразил Вяртмаа, — но не мог же резидент чуть ли не ежедневно кататься за отзывами в таллинские музеи из Тарту.

— Ему достаточно было съездить раз в неделю, — предположил Пауль. — А в экстренных случаях послать связника. Кроме того, не исключено, что мы найдем кое-что интересное

и в тартуских книгах отзывов. Но их нельзя ворошить, пока Йыги не получит ответ от Планетного Гостя.

— Версия сколачивается, — пробормотал Эльмар. — Правда, версия пока без самого Гостя.

— Вот для Гостя мне и нужен эксперимент, — заключил Пауль.

Собственно, то, что он называл экспериментом, в равной мере можно было назвать психологическим искусством для избранного круга людей, которых можно было бы причислить к кандидатам на пост Планетного Гостя. Паулю хотелось бы лично понаблюдать, как они поведут себя в присутствии посторонних лиц при обсуждении какого-либо вопроса об озере Каали, метеоритном кратере. При отборе кандидатов он просил комиссию по метеоритам Эстонской Академии наук и руководство двух институтов учесть лишь принцип наиболее частых командировок на Сааремаа. Поводом к совещанию было обсуждение разработки коллективом мастерской архитектора Сангела эскизного проекта музейного помещения в районе метеоритных кратеров. Естественно, прежде, чем приступить к проектированию, архитекторам хотелось бы посоветоваться с учеными. Предполагалось, что все это обсуждение будет проходить в присутствии журналистов.

— Поеду с тобой, — решил Эльмар. — А если Планетный Гость заподозрит нас в инсценировке?

— Все будет разыграно, как по нотам. Но не беда, если и насторожится. Я хочу знать, кто начнет замечать следы.

— И Пастельняк дал тебе добро? — усомнился Эльмар.

— Пастельняк сказал: «Пауль, бери этот риск на себя, я на один день закрою глаза!»

Они расхохотались.

— Что ж, зови нашего партнера Анвельта и втроем подпишем рапорт.

Пастельняк долго разглядывал бумагу, прошел к министру. И министр перечитал трижды: «Версия о явках резидента на озере Каали подтверждается. Разрешите форсировать события по дальнейшей изоляции и выявлению Планетного Гостя. И. Анвельт, П. Мюри, Э. Вяртмаа. Август 1950».

— Павел Пантелеймонович, неужели не допускаете, что Планетный Гость решится ступить в погранзону?

— Не очень, — признался Пастельняк. — Разве что в критической ситуации. А она приближается. И не обязательно ему самому встречаться с этим Туулом или Ильпом, на то есть связные. Нас это устраивает. От связного доберемся до резидента.

— Предположим. И второй вопрос. Такой опытный чекист,

как вы, не мог не заметить, что действия нашего сааремааского отдела по изоляции и окружению банды Ильпа незначительны и не слишком эффективны. Почему вы вовремя не вмешались?

— Все потому же, — ответил Пастельняк. — Хочу выйти на резидента. И не всегда возможно подменять руководство отделами работой за них. Тем не менее, время кончать и с Ильпом и с Планетным Гостем, или, как говорят, пришло время пожинать плоды. Разрешите изложить оперативный план в деталях.

Обсуждали долго и тщательно. Отпуская своего заместителя. Кумм приказал:

— План мне в целом нравится. Наконец-то появилась система в действиях. Прошу оперативный план дополнить открытым и умным разоблачением фашистских действий банды среди сааремаасцев. И вовлекайте в борьбу с нею в составе отделений народной защиты большее число крестьян. Особенно тех, чьи семьи пострадали в результате преступлений бандита. Окружение и изоляция Планетного Гостя не могут зависеть от случая — так сказать, от того, что его «застукают на явке». Продолжайте перехват донесений Референта. Одновременно усильте и форсируйте свои действия по проникновению к Планетному Гостю или к его агентуре наших людей, наделенных легендой. Создавайте искусственно ситуации, вынуждающие эту гитлеровскую лису появляться на явочных пунктах. Проведение тартуского «эксперимента» считал бы возможным доверить нашим молодым офицерам. Их рапорт состоит всего из двух фраз, но чувствую за этими фразами серьезный расчет и разведывательную интуицию.

И добавил в конце:

— Выделите специальную группу для охраны всех наших добровольных помощников. Рудольфа Илу и Ярвекюлг беречь пуще глаза! Из сражений возвращаются, из-под земли — никогда.

Совещание в Тарту открыл астрофизик профессор Кюбар. Собрались все приглашенные. Кристьян Кюбар познакомил коллег с архитекторами, художниками, журналистами, изложил тему встречи.

— И вот здесь собрались мужчины, — шутливо сказал он, — которых оторвали от небесных дел ради земной суеты.

Отто Сангел кратко излагает основные принципы, которыми собираются руководствоваться проектировщики, просят совета у собравшихся. Мюри внимательно его слушает. За прошедшие месяцы Сангел заметно изменился, он более сдержан, деловит, даже как будто похудел, стал

стройнее. Рядом с Сангелом дизайнер Эстер Тийвел. Эстер расцвела, радость так и светится в ее глазах, движения спокойны, уверены.

Пространно и интересно поделился своими соображениями о проекте Мартин Воксепп. Он говорил изящно, сыпал остротами. Паулю не очень по душе нарочитая эффектность речи Воксеппа, слабая научная аргументация предложений. Каарел Уйбомяэ выступает со свойственной ему сухостью — Паулю даже кажется, что он говорит о глубоко безразличном для него предмете: «Полагаю, ученых собрали напрасно... Полагаю, нам предлагается очередной аттракцион — не более». Что-то не понравилось в этой речи. И уж совсем странным прозвучало выступление ученого из Таллинна Рейна Ханга, упорно повторявшего, что они слишком мало знают рельеф местности вокруг озера Каали, чтобы судить о том, как впишется в него новое здание. «Проверить, как часто он ездит на Сааремаа», — фиксирует Пауль.

Выступило большинство приглашенных. Закljučая эту встречу, Отто Сангел улыбается:

— Если учесть каждое мнение — надо строить несколько павильонов. Есть над чем подумать. Мы благодарим мужчин, оставивших небесные дела и спустившихся на землю.

Пауль и Эльмар вышли после совещания не очень довольные, неразговорчивые.

— Считаешь, с экспериментом не выгорело? — спросил Пауль.

— Наоборот, — возразил Эльмар. — Ты хотел увидеть их лица в разговоре о Каали — ты увидел. Ты хотел почувствовать, о чем они при этом размышляют, — поразмышляй сам. Только не говори мне, что Воксепп играет под шутливого папосу, что Уйбомяэ скрывает свои эмоции под личной равнодушностью сухаря, а Ханг намекает на то, что у кратеров он редкий гость... Это все обмолвки, случайности. Издержки неподготовленности совещания.

Пауль засмеялся, их мысли текли рядом.

— Допустим, — сказал он, — что это все эмоции. А теперь к таллиннским кадровикам, личные дела нам приготовлены...

Они познакомились со стопками папок долго. Критерии отбора были определены точно: интересующий их человек должен обладать, как минимум, тремя приметами. Он должен раз или два в неделю выезжать в Таллинн. Он должен поддерживать связь с астрономом, живущим в Осло (ибо Лысый обещал Эрике Ярвекюлг, что, если она понравится Ээве Мартсон, та ее пристроит экономкой в доме ее знакомого в Осло — известного профессора по звездам). Наконец, у Планетного Гостя непременно должны быть какие-либо «провалы» в биографии, возможно связанные с пребыва-

нием в разведшколе гитлеровской Германии.

И вот выяснилось, что первые три приметы в полной мере относятся к Мартину Воксеппу, Каарелу Уйбомяэ и Рейну Хангу. Собственно, ни один из них не скрывал, что переписывается с зарубежными учеными, в том числе и с учеными из Норвегии. Запрос о прошлом «звездочетов» был уже передан, но соответствующий отдел пока безмолвствовал.

Утром в комнате появился капитан Анвельт, огляделся и сообщил:

— Наши дешифровщики прочли ответное письмо Планетного Гостя к Улыбке. Смысл таков: рад будет встрече с Улыбкой и Физиком на метеоритном озере, время сообщит дополнительно. В инструкции Референту предписывает гальванизировать Скакуна — это об Ильпе, — напоминает, что любые забеги — иначе говоря, удары по хуторам — поднимут движение националистов. Вот что интересно: Леща-Переселенца — то есть Рудольфа Илу — готов рассмотреть лично. О дне встречи по традиционному или экстремальному каналам.

Перевел взгляд на их улыбающиеся лица, добавил:

— Ну, и... Наш справочный отдел просит у вас толику за сверхурочные. Полночи не смыкали глаз, а я у них «на плечах сидел».

Извлек на свет стопку карточек.

— Кюбара исключим из списка сразу, его жизнь была на виду у всей Эстонии. Среди других — бойцы из Эстонского корпуса и из батальона народной защиты. Матсалу был в народном ополчении. Эти товарищи вне сомнения, я считаю. Теперь о Мартине Воксеппе. С приходом сюда немцев полтора года скрывался на каком-то глухом хуторе. По нашим данным, родных у него на хуторах не было. Появился столь же внезапно, как и исчез, настраивал радиоаппаратуру в мелкой мастерской, из нее перешел учиться в Тартуский университет. Далее — Рейн Ханг. Тут все много сложнее. Отец их оставил еще до войны, переехал в Норвегию, при немцах ходил в квислингах, имел пай в приборостроительной фирме. Рейн гостил у него в сорок втором и в сорок третьем. В июле сорок третьего вернулся в Таллинн, начал изучать экстремальные состояния среды, позднее обратился к метеоритам.

— Занятно, — ворчливо прокомментировал Эльмар. — Все они исчезают на полтора года и возвращаются точно к визиту Канариса в Ригу и Таллинн.

— Что и Уйбомяэ куда-нибудь исчезал? — поинтересовался Пауль.

— С Каарелом Уйбомяэ случай особый. Никуда он не

исчезал. Рос в эстонском поселении в Сибири. Рано потерял родителей, воспитывался у чужих людей, проявлял блестящие способности, поступил учиться в институт, кончал аспирантуру как физик-теоретик. Воевал, оборонял Москву, освобождал Нарву с нашими войсками. И после войны вернулся в науку.

— Что же тут особого? — недоуменно спросил Пауль. — Хорошая биография, чистый путь.

— Чистый-то он чистый, — усмехнулся Анвельт. — Но у нас есть справка из Министерства обороны, что однофамилец и тезка этого специалиста по метеоритам, тоже Каарел Уйбомяэ, при обороне Москвы пропал без вести. Вот такой табак, товарищи!

Метеоритный взрыв

Кое-что удалось выяснить. Под Печорами нашли семью родом из той же сибирской деревни, откуда были Уйбомяэ. И специально откомандировали туда оперативника с фотографией Каарела Уйбомяэ. Едва взглянув на снимок, старик-агроном закивал: «Каарел, он... Морщинки нажил и волосом поредел, но наш». Так отпала возможность подмены. Мало ли что в военное время на бумаге могло случиться.

С Мартином Воксеппом тоже начинало кое-что проявляться. Оказалось, он иногда отвозил на хутор под Йыгева группу студентов, которым читал спецкурс. У знакомой семьи, давшей ему приют в войну, еще хранились старинный граммофон и пластинки, которые коллекционировал Мартин. Студенты с восторгом вспоминали эти музыкальные «воскресники». А сбежал Мартин из Таллинна потому, что сосед его служил в «Омакайтсе» и донес в гестапо на увлечение Мартина «большевистскими запевками». И хотя среди них преобладали романсы Вертинского и песни цыган петербургского «Яра», но Воксеппу не очень улыбались объяснения с гестапо, он предпочел отсидеться в глуши. На хуторе он выдавал себя за дальнего родственника, исправно работал на земле, а когда им заинтересовалась местная «Омакайтсе», вернулся обратно в Таллинн и предложил свои услуги как наладчика радиоаппаратуры смешанной немецко-эстонской компании. Имелись, правда, «белые пятна» в этих переездах, провалы по времени, да и чересчур легко спаялся Мартин от немецкой мобилизации. Но во всем этом была своя житейская логика.

Анвельту посчастливилось разыскать друзей семьи Рейна Ханга. Они отлично помнили, что при немцах его выгнали

с последнего курса университета за протест против преследования ученых, которые ранее сотрудничали с советскими вузами. Он сразу же уехал доучиваться в Осло, где положение отца защищало от наскоков гитлеровцев. Конечно, проверить круг его знакомств в Осло не представлялось возможным.

— Но притаился же среди них один «инопланетянин», — вздыхал Пауль. — Пора уже нам, пора вызвать метеоритный взрыв, чтобы этот Гость, наконец, показался!

— У вас есть в запасе для этого взрывное устройство? — иронически спросил Анвельт.

— Есть Эрика Ярвекюлг. Ее легенда противником проложена. Ну, и мы немного помогли. Заставили Лыского поднять репутацию Эрики. Он на все согласился — известил Планетного Гостя, что Эрика «вписывается в наш национальный декор». И как раз в сообщении, где указывает, что владелица дога — это Мартсон — подхватила при посещении больного (Килпа) затянувшуюся инфекционную болезнь. Яснее не скажешь об аресте. Словом, я жду разрешения Пастельняка на «запуск» в операцию Эрики.

Пастельняк советовался с министром, с отделом, вызвал к себе четырех офицеров, основных участников операции, и высказал свое опасение:

— Кажется, к финалу с этим делом подходим. Тем более нельзя подвергать опасности такого чудесного помощника как Эрику Ярвекюлг. Вы учитываете, что резидент может попросту ее застрелить?

— Учитываем, Павел Пантелеймонович, — Пауль явно помрачнел. — Факты заставляют. На днях он отравил своего агента — некоего администратора кинотеатра. Именно тот подал из Тарту, через ресторанный отзыв, сигнал Улыбке о готовности Планетного Гостя к встрече. Обнаружил это капитан Анвельт: ему удалось сличить почерк администратора с записью в ресторане. Резидент замечает следы, он взвинчен до предела. И пока он не передумал заполучить нового связного, я за то, чтобы мы ввели в дело Эрику.

— Кто мне гарантирует ее безопасность? — цепко держался за свою мысль Пастельняк.

— Весь личный состав отдела, — быстро ответил Анвельт.

— Мы ювелирно отработаем эту часть операции, — добавил Пауль.

— Перед нами не просто хищник, — в голосе Пастельняка почувствовалась гордость за своих подчиненных и товарищей. — Это — бронтозавр. Тем более меня беспокоит выход Эрики на возможного Планетного Гостя. Договоримся, товарищи: риск для Эрики свести до минимума. Вяртмаа выво-

дит Ярвекюлг на Мартина Воксеппа, Анвельт организует ее встречу с Рейном Хангом, Мюри — с Каарелом Уйбомая. Проработать создание ситуации случайности встреч и в то же время внушить подозреваемым лицам, что они обложены со всех сторон.

... Эрика Ярвекюлг решила, было, что о ней забыли, когда в Сымерпалу пришла телеграмма от знакомой тетушки с просьбой привезти в Таллинн пряжу и детские свитерки. Уже на следующий день она была в столице республики и вскоре очутилась вместе с Вяртмаа в маленьком кафе, куда любил заходить и Мартин Воксепп. Завидев по соседству Мартина, сидевшего, видимо, со студентами, Эльмар весело ему помахал рукой и пригласил подсесть к ним. Эрику Ярвекюлг он представил как свою девушку. Вскоре между ними уже шла оживленная беседа о прелестях сельской жизни и преимуществах городской, о народных инструментах и современных танцах. Выждав время, Эльмар извинился перед спутниками и отлучился позвонить по телефону. Воксепп был в ударе, и разговор не смолкал. Эрике, наверно, не удалось бы и слова вымолвить, если бы он не поперхнулся. Тогда, зацепившись за его последние слова, она живо встала:

— Вот вы сказали «коллекция» — это как книжка по истории. Я слышала, что у вас интересная коллекция старых пластинок. Вот это, я считаю, дело!

— Кто вам рассказал про мою коллекцию? — удивился он.

— Госпожа Эва Мартсон.

Она выдержал его взгляд, показавшийся ей напряженным, потом Воксепп пожал плечами.

— Не имею чести быть знакомым. — Рассмеялся: — Кто она? Фольклорист? Музыкант?

Эрика отвлекла его каким-то вопросом, и, кажется, Мартин забыл про некую Эву. Во всяком случае держал он себя свободно, непринужденно. Между прочим, поинтересовался, не хочет ли Эрика послушать с его друзьями новые интересные пластинки и как он смог бы договориться с ней о часе встречи. Девушка ответила, что должна навестить больную тетку в Тарту, а остановится где-нибудь в гостинице или у подруги. Воксепп предупредил, что с местами там трудно, посоветовал от его имени обратиться к билетному кассиру на автобусной станции. Он и сам собирается в Тарту. Развлекал новую знакомую как мог, рассказал забавный анекдот о двух умалишенных, которые вообразили себя психиатрами и до того заморочили головы врачам, что прибывшая комиссия приняла последних за больных.

Приметив подходящего Эльмара, Мартин весело воскликнул:

— У нас не беседа, а игра в буриме. Я цитирую умалишенных, а милая Эрика — древнеримскую жрицу Мартсон.

Оба — Эльмар и Эрика — сошлись на том, что никакого беспокойства при упоминании связной резидента Воксепп не испытывал. Лейтенанта лишь настораживало, что ученый довольно быстро выудил, казалось бы, безразличную ему информацию: собирается ли задержаться Эрика в Таллинне.

Капитан Анвельт, чей черед настал действовать, сказал не то шутя, не то серьезно:

— Если принять за истину, что Воксепп выдержал искус, хотя бы с оговорками Вьяртмаа, то наш следующий визит к Рейну Хангу не столь уж безопасен.

— Вы будете искать другую партнершу, — с вызовом спросила Эрика, — или я схожусь?

Офицеры расхохотались.

Встреча Эрики с Хангом, по плану капитана Анвельта, должна была произойти на Тартуском почтамте, куда молодой исследователь обычно заходил по четвергам за письмами от отца или коллег из Норвегии. Многолюдье в почтовом зале позволяло и Анвельту находиться неподалеку от места встречи.

Разговор получился неожиданный. Эрика, которая заменила одну из сотрудниц, протянула Хангу письмо, тот вежливо поблагодарил, собираясь отойти, и тогда молодая женщина спросила:

— Вы ничего не хотели бы передать мне? Я та самая Эрика Ярвекюлг, которая могла бы заменить вам госпожу Ээву Мартсон.

Он наклонился к окошечку, его глаза насмешливо блеснули:

— Милая девушка, среди моих подруг не было еще ни одной Ээвы, да и ваше имя я никогда не слышал. Если это современный способ знакомства, то, простите, мне он не подходит.

— Жаль, — парировала она. — Ээва Мартсон, которую я видела последней, сказала, что я вам просто необходима.

— Это уже другое дело, — его лицо сузилось, как у хищной птицы, в голосе появился металл. — Подобная настойчивость с вашей стороны должна быть вознаграждена, гражданка Ярвекюлг. Пригласите, пожалуйста, сюда начальника почты.

Эрика бросила взгляд на Анвельта, подошедшего к окошку. Он покачал головой.

— В таком случае я просто обозналась, — грустно сказала она, — и прошу меня извинить. Поверьте, я не из тех девушек, что заводят уличные знакомства.

— Хорошо, — согласился после некоторого раздумья Ханг. — Не собираюсь вам портить репутацию. Допустим, произошло недоразумение. Но какого дьявола вам понадобилось приплетать к разговору эту не знакомую мне женщину? Что, она знает меня?

Эрика задумалась, но лишь на секунду, чтобы дать собеседнику еще один шанс, если он — т о т с а м ы й.

— Прост у меня и у Эвы были одни и те же мысли, взгляды... ну и представления о настоящих мужчинах. — Она улыбнулась. — Видите, как могут не совпадать зрительные впечатления мужчины и женщины.

Он испытующе взглянул на нее, побарабанил пальцами по стойке.

— Мне очень жаль, госпожа Ярвекюлг, — с легким сожалением сказал он, — но я, как и вы, никогда не завожу уличных знакомств. А теперь я признаюсь вам, что у меня склочный характер, и если я не вызвал сюда ваше начальство, чтобы проучить вас за назойливость, то лишь потому, что увидел на вас медальон редкой работы — пожалуй, двойник того, что я преподнес своей невесте в Осло. Если не секрет, кто удостоил вас этим королевским подарком?

— Был один король, — усмехнулась Эрика. — Его звали Рихо. Теперь, знаете ли, мужчины уже не делают женщинам королевские подарки.

— Догадываюсь, — улыбнулся он. — Итак, мы расстаемся мирно.

Анвельт потом подшучивал над Эрикой и уверял, что еще минута — и Ханг пал бы к ее ногам. Эрика же ответила на это, что еще минута — капитан Анвельт упал бы на Ханга, так близко он приблизился к нему из боязни чего-то не услышать.

До встречи с третьим претендентом Пауль снова побывал у заместителя министра и спросил разрешение задублировать показания агронома из-под Печор. Он хотел послать фотографию Уйбомяэ в ту сибирскую деревню, в школу, где он учился.

План встречи Эрики с тартуским ученым Мюри предложил довольно логичный. Уйбомяэ помнил, что Пауль приезжал в Тарту по рекомендации известного ученого, Пауль пришлет ему с каким-нибудь посыльным фотоснимки метеоритных камней, сделанные в музее, и попросит уточнить текстовки для иллюстрированного журнала, в который он послал свой маленький репортаж. Посыльный же, это может быть молодая женщина, уже уходя, обронит, что она разговорилась в автобусе с соседкой и ей показалось, что по странному совпадению та разыскивает однофамильца товарища Уйбомяэ. О соседке она знает только, что ее зовут

Эрика и она из Сымерпалу. Эрика приглашала ее в гости к своей подруге, в единственный сохранившийся нетронутым со времен войны дом на улице Лилле. Такой ход хорош и тем, что уже будет свидетель возможного прихода Эрики Ярвекюлг к Уйбомяэ, и тот вряд ли посмеет поднять на девушку руку. А предлог появления Эрики у Уйбомяэ — исследователь занимал однокомнатную квартиру в доме по улице Эмайыги — весьма простой: поручение Ээвы Мартсон.

Когда чекисты обсуждали этот вариант, Пастельняк выразил сомнения в двух пунктах.

— С какой стати Мартсон будет направлять Эрику к Каарелу Уйбомяэ, если она и не слыхивала о нем и не видела его? Не забывайте, Планетный Гость для нее — всего лишь кличка, хотя он и резидент, и босс.

— Эта часть легенды подработана, Павел Пантелеймонович, — сообщил Пауль. — Нам известно, что Ээва Мартсон прорывалась в палату к Роберту Килпу, но только мы с вами знаем, что она туда не попала. По легенде, Килп на какое-то время пришел в сознание, велел ей срочно разыскать Уйбомяэ, сообщить о провале, а еще попросил вывезти его жену в безопасное место. Экстремальность ситуации и психическое состояние Килпа объясняют нарушение конспирации.

— Да ведь Планетного Гостя мог знать один Канарис!

Оказывается, капитан Мялло припрятал на этот случай контрдовод:

— Килп сам имел выход на британскую разведку. Учитывая критическую ситуацию, ему вполне могли сообщить почтовые координаты Планетного Гостя.

— Допустим, — согласился, наконец, Пастельняк. — Все это с нашей позиции. А какой резон Уйбомяэ открывать себя розыском Эрики и приглашением посетить его?

— А тот резон, — вставил Пауль, — что он отлично понимает: раз девушка знает его фамилию и приехала в Тарту, она отыщет его, да к тому же сто человек по дороге расспросит, поднимутся перетолки... И не думаю, чтобы Планетный Гость вышел напрямую. Он опять использует агентов для организации такого свидания.

И Пастельняк дал согласие на проведение всей операции.

События разворачивались, как по расписанию. Эрика терпеливо дождалась уведомления о встрече. Но его не было. Вместе этого в квартиру явилась паспортистка из домоуправления и строго спросила, почему здесь живет непрописанный народ. Предложила Эрике пройти с ней в ближайшее отделение милиции. Дорогой была словоохотлива. Узнав, что Эрика разыскивает какого-то Уйбомяэ, вызвалась отвести ее к одному знакомому ученому с такой фамилией. Как раз на улице Эмайыги их встретила подгулявшая ком-

пания, которая усиленно приглашала паспортистку домоуправления и ее спутницу распить с ними бутылочку и поклялась дожидаться их у дверей дома, в которые они проскользнули. Так коллеги Пауля решили предвосхитить возможность трагического исхода встречи.

А она проходила довольно странно.

На звонок дверь открыл сам Уйбомяэ. Эрика ожидала встретить человека в летах, но на пороге появился довольно моложавый, несколько сухощавого сложения человек, темно-волосый, с тонкими чертами лица, с пронизательным и даже мягким взглядом. Он с удивлением осмотрел посетительниц, впустил их в прихожую, несколько отрывисто, но с умеренной вежливостью спросил: «Чем могу помочь?» Паспортистка объяснила. Уйбомяэ кивнул, отпустил ее и устремил вопросительный взгляд на Эрику.

Она представилась, кратко изложила причины своего визита, добавила лишь, что по поручению Эвы Мартсон находилась в больничном вестибюле, когда та нанесла визит к Килпу. То ли Эва собиралась уезжать, то ли из чувства предосторожности, но, уходя, она в нескольких словах передала Эрике поручение Килпа.

— Чуть какая-то, — пожал плечами Уйбомяэ. — Я и знать-то из них никого не знаю. Вам как меня называли?

— Просто Уйбомяэ, — растерянно сказала Эрика. — Из Тарту.

— Ну, вот видите, — улыбнулся хозяин квартиры. — «Просто Уйбомяэ...» В Тарту таких может быть с десяток. А еще могли перепутать фамилии — есть Уйбомаа, Уйбоайды...

— Эва сказала только: «Уйбомяэ из Тарту. Специалист по метеоритам».

— Глупость. Почему я? — В его глазах колыхалась усмешка. — Мадис Уйбомаа — астрофизик, Яан Уйбуайд — занимался тем же, что и я. Но полагаю, что и они только посмеются, услышав вашу детективную историю. Прошу извинить, с минуты на минуту я жду гостей...

Она кивнула.

— Этот бедняга Килп, — засмеялся он, — не мог передать вам всем частицу своего больного воображения? Что, он уже потусторонний жилец?

— Он редко приходит в сознание. Вот при Мартсон...

— Да оставьте вы эту Мартсон, — нетерпеливо махнул он рукой. — Фантасмагория какая-то, массовый психоз.

Эрика извинилась, понуро направилась к выходу.

— Когда вы разговариваете с человеком от науки, — заметил он ей в виде напутствия, — во всем должна быть логика. Даже если предположить, что ваша знакомая дама

хотела меня повидать, зачем ей посредница.

— А затем, что ее взяли за углом больницы на моих глазах.

— Положительно, меня втягивают в какие-то дурацкие детективные истории, — вздохнул Каарел Уйбомяэ. — Присядьте на минуту, пожалуйста.

— Скажу вам откровенно, госпожа Ярвекюлг, — сухо вато цедил слова Уйбомяэ. — Я задержал вас, чтобы выяснить причину несколько удивительного — не знаю, как лучше это назвать — интереса к моей особе со стороны абсолютно чужих мне людей. Я получаю приглашение на встречу с ветеранами-саперами 354-го полка Эстонского корпуса, хотя я в корпусе не служил. Пионерский отряд просит у меня мои детские фотографии. Но я никакой не герой, уверяю вас! А теперь являетесь вы. Я вправе спросить: от кого вы явились? Только не надо ссылаться на эту Мартсон. Кстати, где именно ее взяли? Вы говорили, эта больница где-то на холмах Палукюла?

Эрика помнила все, что случилось неподалеку от холмов Палукюла на заброшенной даче, но помнила и то, что не упоминала о Палукюла в беседе с Уйбомяэ.

— Из Палукюла мы уехали с Мартсон вместе, — пояснила она. — Впрочем, что вам до нее, раз я ошиблась с вашей фамилией. Вы правы и еще раз прошу меня извинить.

— И вообще я думаю, — продолжал он задумчиво, — что если этот Килп душевнобольной, на него не могло найти озарение в момент появления вашей подруги. Тут что-то не так!

— Я знаю такие случаи, — безразлично сказала Эрика, тербя медальон. — Человек потерял память, но встречает друга военных лет и все вспоминает. Где же мне искать того правильного Уйбомяэ?

Он пожал плечами.

— У вас открылась крышка медальона, госпожа Ярвекюлг... Красивая женщина. Ваша матушка?

— Нет. Даже не родня. Случай...

— Да. Так вот, — прервал он ее, — я попробую расспросить своих коллег. Где вы остановились?

Эрика помедлила.

— У подруги. На улице Лилле.

— Вот и отлично. Погуляйте по городу...

Когда Мюри доложил обо всех этих историях, Пастельняк заключил:

— Считай, что ни один из трех «претендентов» нам не открыл лика. А вокруг Уйбомяэ кто-то из вас наследил. И естественно, что он взволновался. Это хоть кого выведет из себя. Между прочим, и его вопрос о холмах Палукюла

закономерен, там неподалеку находится отделение психоневрологической клиники. Из троих Уйбомяэ вызывает у меня меньше всего тревоги. Ну а в дальнейшем — если захотят, то сумеют отыскать Эрику.

И отыскиали. Под подушкой она обнаружила напечатанную на машинке записку с просьбой вписать в книгу жалоб и предложений бани на улице Эмайыги благодарность. Текст прилагался.

В тот же день заместителю министра доставили дешифрованный текст сообщения: «Свидетельствую свое почтение Улыбке. Обеспечьте к 12 августа посредство братьев (Оясоо) и Референта (Туула) доставку (Ильпом) к озеру Каали и маскировку двух мотоциклов. Ожидаю вас и Физика (Казеорга) там же 13 августа между 13 и 14 часами. Вступаю в контакт я первым, не проявлять никакой инициативы. Планетный Гость».

...Рано просыпается Сааремаа. Ведь летом рабочему человеку некогда нежиться в постели. И все же первыми утром 12 августа проснулись чекисты.

Все заранее намечено, согласовано. Стало известно, что в этот день банда Ильпа попытается нанести чувствительные удары, что будут отвлекающие маневры, нарочно пущенные слухи, фальшивые следы, но будет и дополнительное: ограбление магазина, попытка похищения мотоциклов, может быть, выстрелы, убийства. Кто знает, почему именно в этот день особая свирепость охватила Ильпа: быть может, простая строчка приказа резидента — пригнать и укрыть мотоциклы или желание встретить Планетного Гостя в ореоле «несокрушимой мощи» банды, а быть может, назревающее чувство близкого конца.

Туул в последнее время избегал Ильпа. Злые языки говорили, что главари не поделили между собой какие-то деньги или ценности, похищенные в волостном центре. Возможно, Ильп расправился бы с Алексом, но тот укрылся на болоте, да к тому же подоспело распоряжение резидента, которое Туул передал главарю через своего связного, предупредив, что сам он получил другое поручение. В действительности, Туул боялся признаться и Ильпу, и себе, что его мучают дурные предчувствия. Но Ильп решил, что день 12 августа он превратит в «ночь длинных ножей» и эти ножи он вонзит в спину красным.

Но готовился не только Ильп, и Сааремаа готовился к встрече с Ильпом.

Каждому из чекистов уезда была придана небольшая группа бойцов, их расположили поближе к возможным объектам нападения банды: к магазину, сельсовету, прав-

лению колхоза, к колхозной ферме. Батальон народной защиты разослал свои отделения по четырем центральным и северным волостям острова. Пограничники перекрыли наиболее важные дороги.

— Ильп ударит с неожиданной стороны, — говорит Борис Лоо Федору Тедре, который должен опекать магазины северных волостей. — Но вряд ли он догадывается, что вьется веревочка к его логову. Помнишь Койта, которого Ильп утопил в колодце? Койт оставил нам довольно очевидную примету расположения бандитского бункера — ранние цветы под снегом. Да это же теплые подземные ключи, и уж мы-то с тобой знаем, где они пробиваются наружу!

Первый сигнал пришел от Тедре: бандиты в его секторе наблюдения грабят магазин. Помчались по дорогам машины, солдаты оцепили названный участок местности.

В уездном отделе госбезопасности остался один дежурный. Все на боевых постах.

Пришел второй сигнал: налет на магазин был, видимо, отвлекающим маневром, сам Ильп во главе небольшой бандитской группы ворвался в правление колхоза волости Каарма, угнал два мотоцикла. Игнат Оленьев собрал всех оставшихся. Но уже опережая их, к месту событий стремительно двигалась группа чекистов во главе с подполковником Евстигнеевым и старшим лейтенантом Лоо. С другой стороны приближалось отделение народной защиты.

Хутор был уже пуст, но были служебные собаки, были следы ног бандитов, едва приметные лесные тропы и те самые горячие ключи, которые согревали корни цветов даже под снегом. Долго кружили собаки на развилке дорог и, наконец, взяли след. Люди стремительно следовали за четвероногими следопытами. Бандитскую свору прижали к болотцу.

Все шло, как и предполагали, но банда заняла удобную позицию, у нее были отходы к лесу. Чтобы перекрыть их, группе чекистов пришлось ползком пересечь болото и выйти к опушке, в тыл банды. Через рупор было передано предложение о сдаче. Эхо разнесло истошный крик Ильпа: «Не возьмешь!» Пальба.

Понял Ильп: настали его последние минуты. Ничто его не ждало, кроме «вышки». И никто его не ждал в этом мире. Мать прокляла его. Детей Ильп не имел и не любил. Не было и друзей — были собутыльники, партнеры по грабежу. Но ведь ценили же его какие-то политики на Западе? И может быть, в эти последние минуты жизни даже он вдруг сообразил, что оказался дешевой разменной монетой в игре, затеянной кем-то где-то...

И сожительница его, Резт Томп, пошла за Ильпом не

потому, что была опьянена его воровским лихачеством и садистской удастью, а лишь потому, что в своей безудержной зависти ко всему светлому и чистому с юности не терпела людей.

И у Феликса Вяхемяз, который стрелял и хохотал в своем предсмертном безумии, были две страсти в жизни: мошеничество и безделье. В лесной банде он нашел утоление своим страстям.

— Все! — крикнул Оленьев. — Все полегли. Остороженько — проверка!

Лоо нагнулся над скрючившимся телом Ильпа: страшная гримаса горбоносого упыря.

Рассеялась туманная кисея над болотом, и Лоо подумал, что по его черному зеркалу уже не будут хлюпать тяжелые сапоги выходцев из прошлого.

— Нет больше банды Ильпа, — казалось, Лоо испытывает растерянность. — Чем мы теперь будем заниматься?

— А вы, старший лейтенант, забыли о Тууле, — напомнил Евстигнеев. — Не далее, как завтра, мы имеем шансы с ним повстречаться.

Да, им предстоял день отнюдь не более легкий. К вечеру на Сааремаа прибыла самолетом группа чекистов из Таллина. Оперативный отряд возглавил Пастельняк. С ним прилетели на остров Грибов, Анвельт, Мюри и Вяртмаа. Все «раскодировано», все расписано. Пастельняк напоминает: главное, не спугнуть связных резидента толкотней вокруг кратера, все должно выглядеть, как в любой другой день — в любой мелочи, что бы ни произошло.

— Скорее всего, — насмешливо предполагает он, — ни к кому Планетный Гость не подойдет, никого не окликнет. И мотоциклами не воспользуется. Потолкается и улетит назад. Его «стиль», это я уже понял, несколько генеральных репетиций перед любой встречей.

— А мотоциклы ему зачем понадобились? — недоумевает Анвельт.

— Не знаю, — признается Пастельняк. — Может быть, на случай, если придется от нас отрываться. А может быть, он собирается с Йыги и Казеоргом в глубинку острова для разговора податься. И все же он должен будет оставить на острове какой-то знак. Наша задача — отыскать этот знак!

...Самолет с материка приземлился на Сааремаа. Легкий трап подкинут к борту маленького воздушного извозчика. На жухлую траву первым спустился со своим неизменным чемоданчиком улыбающийся рыжеволосый Ивар Йыги, Эндель Казеорг прибыл накануне паромом и по договоренности должен был ждать Йыги в школе у озера Каали, где работал его знакомый учитель физики. Следом за Йыги

потянулись другие пассажиры, и в одном из них чекисты узнали Рейна Ханга. Из самолета вышли еще Мартин Воксепп, Каарел Уйбомяэ и несколько других участников обсуждения проекта Сангела. Оживленно беседуя, они сели в автобус и поехали в город.

— Ну, вся звездная братия опять с нами, — расхохотался Вяртмаа, наблюдавший с Мюри за прибывшими из окна диспетчерской.

Мюри взялся за телефонную трубку, попросил кого-то срочно соединить его с канцелярией Академии наук, несколько минут вел переговоры, поблагодарил своего абонента, а положив трубку на рычаг, развел руками.

— Все они прибыли по просьбе Кюбара. Старику вчера пришло в голову, что недурно было бы его коллегам оценить проект Сангела непосредственно у метеоритного озера.

Пастельняк выслушал, отбоя не дал:

— Операция продолжается. Трое остаются в нашем особом поле зрения. Товарищей из райотдела попросите проявить внимание и к остальным гостям, но лишь по мере их удаления от всей компании. Всему личному составу занять наблюдательные посты вокруг Каали в соответствии с оперативным планом. Ищите Референта. Выезжаем на озеро, товарищи!

...Эльмар и Пауль поднимались на крутой берег Каали, как вдруг Пауль пригнулся и, к удивлению своего спутника, ползком обогнул острый гребень крупного камня, укрывшись за его гранью. Через несколько минут он выпрямился, несколько сконфуженно сказал:

— Понимаешь, этот сторож из музея в Таллинне мне уже чудится в каждом старике... Внизу, у воды стоит один, похожий, но мой был с густыми баками. Присмотри за ним, Эльмар.

Наступил долгожданный час. Туул не появлялся. К сидевшим на скамье у павильона выставки Казеоргу и Йыги никто не подходил. Каждый из прибывших ученых занимался своим делом. Каарел Уйбомяэ фотографировал каменные обнажения. Ханг, очевидно, промерял глубину озерца, Воксепп собирал в привезенные с собою пробирки образцы почвы. Никто не подходил к мотоциклам, укрытым в зарослях кустарника, в нескольких шагах от главного кратера.

Пастельняк облюбовал себе одно из помещений школы. Из окон комнаты просматривались подходы к озеру и дорога к стоянке машин. Время от времени сюда поступали сообщения с наблюдательных постов.

Мюри изучал доставленный ему список. Но внезапно лицо его изменилось, Пастельняк, заметив это, подошел к нему, склонился над записью.

— Среди грузчиков в здешнем магазине, — пояснил Пауль, — указан некто Юга. В первый раз ему заплатили за работу пятнадцатого июня... Через неделю после разгрома Ротса.

— Опять тебе померещился твой старик-сторож? — усмехнулся Пастельняк.

— Так точно, — подтвердил Пауль. — Тем более, что с час назад я видел здесь похожего на него... Теперь убежден — это он.

— Ты поручил его кому-нибудь?

— Эльмару Вьяртмаа, товарищ полковник.

— Пусть не отрывается.

Через несколько часов с Сааремаа уходил самолет, а в донесениях все еще не содержалось ничего утешительного.

— Спокойствие, ребята, — охлаждает нетерпение офицеров Пастельняк. — Перед самой посадкой в автобус наш, — он интонационно выделил последнее слово, — сделает отметку в командировке. Распорядись-ка, Мюри, пусть Казеорг и Йыги походят по берегу Каали.

Но и эти прогулки не дали результата. «Может, мы что-нибудь не так сделали? — волновался Эндель. — Не так сели, не так оделись, не в ту сторону смотрим?» «Сели мы с вами правильно, — в шепоте Йыги прыгал смешок, — к этой скамье будет прибита мемориальная доска: «Они сидели насмерть». Но в разведке есть два особенно тяжелых момента: ожидание известного и... неизвестного. Нам сегодня легче — мы ждем известного».

В кабинет, отведенный под штаб операции, вбежал Эльмар Вьяртмаа.

— Товарищ полковник, старик, что заинтересовал Мюри, крутится возле магазина, продавщица сообщила, что это их грузчик Юга, я оставил его на попечение сержанта. Какие будут указания?

Пастельняк взглянул на часы, перевел взгляд на Мюри.

— Дело идет к финалу. Можешь взять его тепленьким...

Без четверти три ученые начали готовиться в обратную дорогу. Воксепп собрал свои пробирки, аккуратно уложил их в деревянный ящичек, а ящичек — в портфель, быстрым шагом направился к автобусу, похлопал себя по карманам, не нашел спичек, подошел к скамье, на которой сидели Йыги и Казеорг:

— Выручайте огоньком, товарищи.

Выручили. Потом на скамейку сел Ханг, поздоровался и больше не произнес ни слова. Чуть позже мимо Йыги и Казеорга прошел Уйбомяэ, остановился, мельком взглянул на них и пошел дальше.

Пятью минутами позже Уйбомяэ вернулся к берегу озера,

обогнул валун, за которым стоял ночной приемщик Юга, после чего вновь направился к автобусу. По дороге зашел в выставочный павильон, оставил в книге отзывов запись. Сразу же к работе над ней приступили дешифровщики.

Тем временем Юга зашел в магазин, вписал в книгу жалоб и предложений пожелание. И этот текст был сразу передан дешифровщикам.

В заднем помещении магазина, куда заведующий пригласил зайти грузчика, его ожидали Мюри и двое солдат.

— Здравствуйте, Юга, — приветливо обратился к нему Пауль. — Ну, как молитвенник, которым ваш племянник зачитывался?

Старик узнал своего посетителя, дернулся, но почувствовал, что его взяли в железный обхват солдатские руки, в суженных зрачках бандита сверкнула ненависть:

— Не думал, что ты быстро настигнешь меня, — гулко протянул старик. — Ну, раз настиг — топи! А книжечку — один мой дружок читает.

— Ханг? Воксепп? — быстро спросил Пауль.

Старик молчал, в ядовитой улыбке раздвинулись его толстые мясистые губы, над которыми навис хищный подрагивающий нос.

— А ты ищи! — выдохнул он. — Тебе платят за это. Вот и ищи!

Штаб операции был перенесен в аэропорт. В тесном кабинете начальника аэропорта находилась вся оперативная группа. Вылет самолета был задержан на полчаса. Вошел начальник контрразведывательного отдела, доложил Пастельняку:

— Павел Пантелеймонович, обе записи прочитываются лишь в слитном варианте. Планетный Гость переносит встречу с Улыбкой и Физиком в Тарту, к монументу Народам, на семнадцатое августа, девять часов утра или вечера. Шифровка адресована Референту с приказом сообщить об этом Улыбке.

— Все ясно, — кивнул Пастельняк. — А Референт не явился. То ли узнал о разгроме банды, то ли интуиция сработала. Он ведь с нюхом, Туул... Зато главную птицу мы не вспугнули, товарищи.

Полковник придвинул к себе стопку донесений, пробежал взглядом лежащее сверху. Потом распорядился:

— Оперативная группа может считать свое задание выполненным. Мюри и Вьяртмаа сопровождают резидента. В Таллинском аэропорту ему уже приготовлена подобающая встреча. — Заметил начальника контрразведывательного отдела. — Что у вас еще, товарищ капитан?

— Таллинн сообщает, что получен ответ на ваш запрос из

Сибири. На присланном нами снимке заснят не Каарел Уйбомяэ.

— Значит, каналья Канарис успел все-таки совершить подмену! — не удержался Мюри. — Я был почти уверен, что школа так ответит.

— Да ведь агроном же идентифицировал фото, — подзадорил молодого офицера Пастельняк.

— Я уже в тот момент подозревал, товарищ полковник, — предположил Пауль, — что Планетный Гость сдал в отдел кадров отретушированную и приведенную в соответствие со своим возрастом фотографию подлинного Каарела Уйбомяэ. Вот почему агроном нам сказал: «Это наш Каарел!» А в Сибирь я послал снимок ученого, которого сфотографировал сам.

Пастельняк внимательно посмотрел на офицера, словно увидел его впервые:

— Да, эти годы вас всех многому научили... Почему не доложил, что поменял карточки?

— Посчитал несущественным. Да и неловко было. Вы дали понять, что менее всего подозреваете Уйбомяэ.

— А это для того, старший лейтенант, — улыбнулся Пастельняк, — чтобы ты весь свой пыл равномерно распределял между претендентами. Я как-то слышал от одного западного разведчика: сто версий — школярство, одна версия — барство. Неглупо? Ну, пора нам заканчивать разборку затей Канариса. Давайте добро на вылет. Пригласите сюда Йыги и Казеорга.

Обнял обоим, поблагодарил.

— Что же, товарищ Казеорг, вы не проситесь в свой университет?

— А я второй университет кончал, — учтиво ответил Казеорг. — Лесной... Но, если вы считаете мое образование законченным, я готов вернуться.

— Возвращайтесь, возвращайтесь, — бодро сказал Пастельняк. — Свое дело мы с вами сделали. Считайте, что вызвали второй метеоритный взрыв. Да, вот еще что, не забудьте, товарищи, как можно быстрее, надежнее и подальше от бывшей бандитской зоны устроить Эрику Ярвекюлг.

«Начинаем посадку», — объявила диспетчер. Стайкой потянулась маленькая группа пассажиров. Последним из здания аэропорта вышел Каарел Уйбомяэ. Он глянул в сторону замка Курессааре, недобро усмехнулся и, плотно ступая по земле, втянув голову в плечи, направился к борту самолета. Уже ступив на лесенку и взявшись за поручень, снова оглянулся, словно ожидая, что сейчас на стартовую дорожку высыпят пестуемые им люди Ильпа и устроят в его честь

импровизированный концерт с привычным для банды ритуалом убийств и поджогов.

— Веселого тебе межпланетного перелета! — вдруг сказал Эльмар Вьяртмаа, и все в комнате расхохотались.

Уж очень нужна была сочная шутка, чтобы снять сильное напряжение, не отпускавшее уже несколько дней всех этих людей.

— Так разрешите сопровождать резидента? — спросил Мюри.

Как веселый кузнечик вспорхнул в голубое небо Эстонии самолет, на борту которого заканчивал свою карьеру резидент иностранной разведки.

Ленинград — Выру — Таллинн — Сааремаа
1976 — 1984

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Роман Р. Михайлова «Резидент, потерявший планету» воскрешает сложные процессы в жизни послевоенной Советской Эстонии. Книга, в частности, обращена к малоизвестным страницам борьбы органов государственной безопасности Эстонии, действовавших под руководством Коммунистической партии и при активной помощи трудящихся, с буржуазно-националистическим подпольем, которое опиралось на поддержку разведывательных служб ряда империалистических государств.

С первых же дней образования Эстонская ССР явилась объектом ожесточенных нападок, безудержной клеветы и подчас неприкрытых вооруженных подрывных акций со стороны империалистических кругов Запада. Проливались крокодиловы слезы по поводу свергнутых эстонским народом буржуазных правителей и заключались тайные сговоры с эмигрантской националистической верхушкой о засылке в Эстонию шпионов и убийц. Каждый шаг трудового народа, возрождавшего в братской многонациональной семье Советского Союза разрушенное гитлеровцами хозяйство, подвергался злобной обструкции, но зато объявлялись чуть ли не национальными героями главы банд лесных братьев, которые вместе с заброшенными в эстонские леса эсэсовцами учиняли грабежи и разбой, убийства новоземельцев, советских и партийных работников.

Еще в 1918 году, выступая на митинге в Лефортовском районе Москвы, В. И. Ленин говорил: «Все империалистические хищники бросаются на Россию и хотят ее растерзать, так как знают, что каждый месяц существования социалистической России готовит им гибель. На нашу долю выпала величайшая честь и величайшая трудность быть первым социалистическим отрядом в борьбе с мировым империализмом». Молодая Советская Эстония была уже не одиноким островом, окруженным врагами социализма, она становилась на ноги и развивалась в братской семье советских республик.

Направляемые партией, эстонские чекисты с помощью отрядов народной защиты еще в довоенный период ликвидировали ряд шпионско-диверсионных гнезд, групп и организаций, насажденных классовыми врагами народа и разведслужбами Запада, нанесли ощутимые удары по гитлеровской резидентуре в Эстонии. Были выявлены и разгромлены пресловутые «Комитет спасения», «Черная биржа», «Легионерское движение Востока», разведывательно-диверсионная группа буржуазных националистов «Эрна» и некоторые другие подпольные антисоветские организации. Эстонские чекисты активно сражались в годы Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками, принимали участие в формировании партизанского движения на территории оккупированной Эстонии.

После изгнания немецко-фашистских войск из пределов Эстонской ССР перед чекистами встали сложные и ответственные задачи по вскрытию и обезвреживанию гитлеровской агентуры, оставленной в Эстонии. Часть этой агентуры перехватили разведслужбы Англии, США, Скандинавских стран, продолжавшие с помощью эстонских эмигрантских центров заброску в ЭССР шпионов, диверсантов и провокаторов для сбора разведывательной информации и поддержки агонизирующего националистического подполья,

бандитской деятельности так называемых лесных братьев.

Все попытки империалистических разведок и эстонских эмигрантских центров нарушить мирный труд Советской Эстонии закончились полным провалом. Так, благодаря ряду операций чекистов была вскрыта и ликвидирована разведывательно-диверсионная группа «Хаука» — «Тюмлер», которую возглавляли старые агенты фашистской разведки Рандма и Тальберг. Разведслужба США возлагала большие надежды на группу парашютистов, сброшенную с самолета в леса близ деревни Кергу, однако она также была быстро обнаружена и обезврежена. Полное фиаско потерпела и шпионская группа, заброшенная в Эстонию по поручению «Интеллидженс сервис» ее агентами буржуазными националистами Альфонсом Ребане и Аугустом Торма. Подобные примеры далеко не единичны. Без преувеличения можно сказать, что во всех сколько-нибудь крупных схватках с националистическим подпольем и агентурой западных разведслужб эстонские контрразведчики раньше или позже наносили поражение противнику.

Центральный Комитет Коммунистической партии Эстонии постоянно и энергично нацеливал деятельность чекистов на быстрейшую ликвидацию вооруженного националистического подполья, срыв планов иностранных разведок, приложил немало усилий для четкой координации работы Министерства госбезопасности и Министерства внутренних дел республики с партийным активом, батальонами народной защиты и пограничными подразделениями. Коммунисты были душой этих органов, выдвигались на самые опасные участки борьбы. Благодаря широкой разъяснительной работе партийных организаций, многие обманутые враждебной пропагандой вышли из лесов и возвратились к мирному труду.

Но эта борьба проходила не без потерь; не всем чекистам тех лет и их добровольным помощникам удалось дожить до сегодняшних дней.

В книге Р. Михайлова перед читателями проходит целая галерея интересных людей. В первые послевоенные годы они посвятили себя борьбе с гитлеровской агентурой, националистами из лесных групп, все еще воображавшими себя «спасителями старой доброй Эстонии», но уже давно скатившимися на путь грабежа и бандитизма. Вместе с контрразведчиками действуют активисты из самых разных социальных слоев народа: учительница Альвине Лауба, вязальщица Ярвекюлг, хуторяне Антс Киви, Яан Мугур, Рудольф Илу.

Формирования народной защиты сложились в сороковые годы в борьбе с бандитизмом как органическое дополнение к работе органов государственной безопасности. Это нашло отражение в романе в достоверных эпизодах, острых психологических поединках. И, закрывая книгу, читатель, надо верить, задумается над нележкой, а порой и трагичной судьбой этих людей.

Роман с историческим фоном уже по своему жанру предполагает большой охват событий, к тому же «Резидент, потерявший планету» — книга многоплановая. Читатель, помнивший перипетии этой борьбы, наверное снисходительно отнесется к тому, что в интересах развития сюжета автор принес в жертву точность датировки, завязал в общий узел отдельные события, происходившие в несколько иной последовательности. Образы чекистов,

действующих в романе, в значительной мере носят собирательный характер, в каждом из них соединены черты реально существовавших людей. При этом руководители этой борьбы тех лет: министр государственной безопасности генерал-майор Борис Кумм; его заместитель Павел Пастельняк и министр внутренних дел генерал-майор Александр Резев фигурируют в книге под собственными именами. Читателям судить, насколько впечатляющи образы чекистов-руководителей в романе, равно как и офицеров контрразведывательной службы — Игоря Анвельта, Пауля Мюри, Ильмара Вяртмаа, Акселя Мялло и других. Для нас, знавших многих из тех, кто в той или иной степени явился прототипами героев книги, важнее достоверность обстановки, обстоятельств, в которые автор ставит своих персонажей.

Современному читателю могут показаться историческим анахронизмом фигуры эстонских буржуазных националистов, окопавшихся в Скандинавии или за океаном и делающих вид, что они способны вершить судьбами Эстонии, как и выведенные в романе главари банд лесных братьев, групп, которых зарубежная пропаганда окружала ореолом борцов за свободу, «барометров эстонских потрясений». Но, как известно, эти «барометры» сломались при первом же столкновении со своим народом. И только кое-кто из марионеток-эмигрантов еще появляется в различных уголках земного шара с клеветническими нападками на эстонский народ и его волеизъявление.

Не сбываются прогнозы предателей эстонского народа. Советская Эстония растет и развивается в единой семье братских союзных республик. Вместе со всем народом в этот созидательный процесс внесли посильный вклад и эстонские чекисты.

В отчетном докладе XXУП съезду КПСС Центральный Комитет партии дал высокую оценку деятельности органов государственной безопасности, мужественной работе советских чекистов «по разоблачению враждебных происков, пресечению всякого рода подрывных действий, охране священных рубежей нашей Родины».

Данную книгу можно считать одной из художественных иллюстраций этого тезиса. Пожелаем же ей доброго пути к читателю!

Генерал-майор В. ПОРЫВКИН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Часть первая. ОТКРОЙ ЧЕЛОВЕКУ ПРАВДУ	
К КОМУ ПЕРЕШЛО НАСЛЕДСТВО АДМИРАЛА КАНАРИСА?	11
НЕПРЕРЫВНЫЕ СКОРОСТИ	18
У КОНТРРАЗВЕДЧИКОВ НЕТ ВЫХОДНЫХ	26
ПЛЯСКА МАРИОНЕТОК	39
ЛЕСНОЙ АРСЕНАЛ	44
ТРОЙНОЕ САЛЬТО	50
ВЕРСИИ И ЛЕГЕНДЫ	63
БОЕЦ НАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ	71
КРЕСТЬЯНСКИЕ ПАРНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ НА ХУТОРА	77
УЛЫБКА КЛОУНА	86
Часть вторая. УЗНАЮТ ЛИ О ПОДВИГЕ ПОТОМКИ?	
РОКИРОВКА В ДЛИННУЮ СТОРОНУ	93
ЦЕНА ЖИЗНИ	100
ДУБЛЕР СТАНОВИТСЯ ПЕРВЫМ	113
РАЗГОВОР НА ОСТРИЕ НОЖА	120
КНИГА С МЕТАЛЛИЧЕСКИМИ ЗАСТЕЖКАМИ	128
КТО КОМУ БРАТ	136
АДРЕС РЕЗИДЕНТА	143
ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ	151
НЕ ОБМАНУТЬ ОЖИДАНИЯ!	158
ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ ИВАРА ЙЫГИ	166
Часть третья. МГНОВЕНИЯ, РЕШАЮЩИЕ СУДЬБЫ ЛЕТ	
ОСТРОВНЫЕ ХИЩНИКИ	177
БУНКЕР, ОБЪЯТЫЙ ОГНЕМ	184
СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ	190
ЗАСАДА	199
МУЖЧИНЫ, КОТОРЫХ ОТОРВАЛИ ОТ НЕБЕСНЫХ ДЕЛ	209
МЕТЕОРИТНЫЙ ВЗРЫВ	220
Послесловие	236

Михайлов, Р.

Резидент, потерявший планету. — Таллинн: Олион, 1990. — 240 с.

ISBN 5—450—00539—3

Книга повествует о борьбе, которую в послевоенные годы вели органы госбезопасности Эстонии с буржуазно-националистическим подпольем, которое под вывеской «освободительной войны» организовало нападения на новоземельцев и советских и партийных работников, грабежи и диверсии. Показаны также стремления чекистов вывести из леса домой хуторян, которые поддались враждебной пропаганде.

М 0505030203—013 TL—8—1—88
906(13)—90

63.3(2Э)723

Михайлов Рафаэль РЕЗИДЕНТ. ПОТЕРЯВШИЙ ПЛАНЕТУ. Редактор Й. Папуловский. Художник-оформитель А. Аарма. Художественный редактор А. Кангур. Технический редактор Р. Раукас и К. Каск. Корректор М. Алексеева.
ИБ № 5293.

Сдано в набор 18. 08. 88. Подписано в печать 15. 06. 89. Формат бум. 60×90/16. Книжно-журнальная бумага. Гарнитура журнальная. Офсетная печать. Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 15,0. Усл. кр.-отт. 30,25. Уч.-изд. л. 14,68. Тираж 30 000 экз. Заказ № 352. Цена руб. 1.—. Издательство «Олион». 200090, Таллинн, ул. Пикк 2. Таллиннская книжная типография, 200108, Таллинн, ул. Лаки. 26.

Рафаэль Михайлов

РЕЗИДЕНТ, ПОТЕРЯВШИЙ ПЛАНЕТУ

Хорошо были законспирированы оставленные в послевоенной Эстонии еще немецко-фашистской разведкой агенты под кличками Планетный Гость, Тесьма, Диск. Теперь их деятельность направляют английские и американские спецслужбы и эстонские эмигрантские центры. В опасном поединке с ними проявляют себя молодые чекисты Эстонии — бывшие солдаты Эстонского корпуса Советской Армии... Несколько сходящихся сюжетных линий, острых интриг не могут не держать в напряжении читателей романа Рафаэля Михайлова.